Ловцы
трепанга
РОМАН

Настоящее издание печатается по тексту:
Эмилио Сальгари. «Ловцы трепанга».
Издательство «Молодая гвардия». Москва — Ленинград, 1928.

Перевод с итальянского

Глава первая

У БЕРЕГОВ АВСТРАЛИИ

В первых числах апреля 18... года вдоль берегов земли Карпентариа, крайнего пункта Австралии на северо-востоке, медленно плыл один из тех причудливых кораблей, которые китайцы называют тс-ао-ш-ван, а европейцы переименовали в «джонку». Джонки строятся грубо и выглядят тяжеловесными, нос их округлен, корма высоко поднята и расширена, а высокие мачты оснащены громадными парусами.

На борту джонки суетилось около тридцати низкорослых желтокожих, с раскосыми глазами и курчавыми волосами; одни из них были почти голы, другие — одеты в широкие блузы и штаны из красной холстины. Кто-то бегал по палубе, остальные выстроились вдоль бортов, готовые броситься к снастям для выполнения маневра.

На рубке стоял высокий человек лет сорока, одетый по-европейски. Его энергичное лицо было обветрено и опалено солнцем южных морей.

То был капитан джонки.

Он внимательно разглядывал в подзорную трубу австралийский берег.

Позади него стояли двое юношей: один — лет шестнадцати, другой — двадцати. Они, по-видимому, с нетерпением ожидали результатов наблюдений капитана.

— Ну что, дядя? — вырвалось вдруг у младшего.

— Я не вижу ни одного живого существа на берегу,— ответил капитан.

— А где же бухта?

— Прямо перед нами, приблизительно в двух лье.

— Ты уверен, что не ошибаешься?

— Моряк в таких случаях никогда не ошибается. Здесь я и ловил трепанга в прошлом году, я отлично помню местность.

— Так почему же ты так внимательно рассматриваешь берега? — спросил второй юноша.

Я дорожу своей шкурой, да и вашей, мои дорогие племянники.

Чего же ты, собственно, боишься?— снова спросил первый юноша.

Мы находимся в стране дикарей, Ганс. Берега сейчас безлюдны, но каждый момент они могут закишеть австралийцами.

— А они ненавидят белых?

— О, да! Они дики и не слишком дружелюбно встречают гостей.

— Нам нечего их бояться: нас ведь не так мало.

— К тому же у нас есть ружья и два камнемета[1].

– Да, конечно... Но мы не должны рассчитывать на наших малайцев,— возразил капитан,— они разбегутся, как зайцы, и при первом же выстреле спрячутся в трюм.

Во всяком случае дикарям не так легко будет захватить корабль, да еще хорошо вооруженный.

На корабле-то нам нечего бояться. Но нам придется высадиться, чтобы установить на берегу котлы.

Какие котлы?

– Я и забыл, что вы не имеете понятия о ловле трепанга. Вы ведь плавали только в спокойных водах, а море...

О! Дядя! — запротестовали юноши.

- Морским волком не родятся, но я надеюсь, что со временем вы станете настоящими моряками.

· Э! Ван-Горн, держи прямо на тот мыс,— прервал разговор капитан, оборачиваясь к седобородому человеку, стоявшему на корме у румпеля, и указывая пальцем куда-то в пространство.— Ты видишь мыс?

— Вижу, капитан,— отвечал рулевой,— мои шестьдесят лет не ослабили зрения.

Джонка, продолжавшая огибать остроконечный полуостров, отделяющий Коралловое море от залива Карпентариа, повернула нос к мысу, за которым берег, казалось, должен был образовать глубокую бухту.

Побережье, с которого капитан не спускал глаз, упорно рассматривая его в подзорную трубу, казалось бесплодным и пустынным.

Камнемет — маленькая пушка, легко переносимая; чаще всего она употребляется на морских судах для вооружения шлюпок при высадке. Камнеметами они называются потому, что снарядами для них служили камни, поднятые прямо с земли; в описываемое время из этой пушки стрельба производилась картечью на близком расстоянии.

Берег образовал неглубокую дугу, окаймленную скалами, основание которых сливалось с коралловым массивом, омываемым волнами. Единственную его растительность составляли миртовые деревья, известные под названием Eucalyptus rostrata — подлинные гиганты, достигавшие чуть ли не шестидесяти метров в высоту, но почти не дававших тени, так как их листья свисали ребром.

Капитан, казалось, очень мало доверялся царившему на берегу спокойствию; время от времени он настораживался, как будто ему удавалось уловить еще какой-то шум, кроме гула волн, разбивающихся о рифы.

В несколько минут джонка, подгоняемая свежим северо-западным бризом, обогнула указанный капитаном мыс и вошла в широкую бухту. Песчаный и отлогий берег бухты постепенно поднимался, образуя гряду замыкавших его скал.

— Это и есть та самая бухта, где начнется ловля трепанга? — спросили одновременно Ганс и Корнелий.

— Да,— ответил капитан и, свесившись через перила палубы, устремил взгляд на воду, по которой скользила джонка.

— Здесь на дне,— сказал он, видимо довольный результатами своих наблюдений,— лежит целое богатство и для нас, и для нашего владельца.

— Так вот он где, трепанг! — сказал Ганс.— Как бы я хотел уже увидеть ловлю!

— Тебе не долго осталось ждать,— успокоил его капитан,— так как...

Вдруг странный крик донесся с берега, прервав капитана на полуслове:

«Коо-мооо-эээ!»

— Тысяча чертей! — вскричал капитан, хмуря брови.— Предчувствие меня не обмануло.

— Это крик трепанга? — спросил Ганс.

— У трепанга нет голоса,— сурово бросил ему капитан.

— Значит, дикого животного? — спросил на этот раз Корнелий.

— Нет, много опаснее: это крики австралийцев.

— Но где же они?

— Мы-то их не видим, но они нас уже давно заметили,— сказал капитан и задумался.

— Ты боишься нападения?

— Нет, но я боюсь, что наша команда откажется высадиться на берег.

— Капитан, вы слышали? — обратился к Ван-Сталю старый моряк, который, передав румпель малайцу, подошел к капитану.

— Ну да, я слышал. Но я не отказываюсь от высадки. Дно бухты, как ковром, устлано трепангом. Готовьтесь к высадке.

Потом, обернувшись к команде, капитан отдал приказ:

— Убрать паруса! Бросай якоря!

В этот момент со стороны прибрежных скал снова донесся тот же крик:

«Коо-мооо-ээээ!»

— Опять. Что это? Угроза? Или они хотят запугать экипаж?

— Это их клич для сбора,— сказал Ван-Горн.

— Я знаю. Тут за скалами скрывается, верно, целое племя.

— Вы помните, капитан, в прошлом году только нам одним удалось взять отсюда груз, ибо только наше присутствие не было обнаружено туземцами. А два корабля, прибывшие сюда после нас, вынуждены были быстро убраться. Вспомните, капитан, и экипажи трех джонок, растерзанные дикарями с мыса Йорк.

— Да, я помню даже разбитый остов одной из джонок: море выбросило его на остров Эдуарда Пелью.

— Туземцы, очевидно, ожидали прихода судов в этом году и сторожили берега. Да, они не оставят нас на этот раз в покое.

— Я этого боялся. Но мы здесь — и сумеем защитить себя.

— Будьте осторожны, капитан. Эти туземцы хитры, упрямы и способны вплавь добраться до корабля, перерезать канаты, перерубить якорные цепи и бросить джонку на скалы.

— Мы будем начеку. На берег мы возьмем с собой камнеметы и ружья; под таким прикрытием наши ловцы будут работать спокойно.

Пока длился этот разговор, малайцы успели убрать паруса и бросили два якоря: один — с носа, другой — с кормы, чтобы лучше обеспечить устойчивость джонки, остановившейся в двух узлах от скалистого берега.

— Если все обойдется благополучно,— а я на это надеюсь,— говорил капитан, собрав перед высадкой матросов,— то через три недели мы заберем полный груз, а через шесть недель будем дома с хорошим уловом.

Малайцы, так же как капитан и штурман, слышали

крик с берега и поняли его значение. Поэтому они с явной неохотой выполняли приказ капитана: бросали якоря и убирали паруса, предпочитая убраться подальше от негостеприимного берега. Но они слишком хорошо знали своего капитана, его настойчивость и решимость. И им пришлось беспрекословно подчиниться тяжелой для них необходимости высаживаться на пустынный берег и приступить к ловле трепанга под непрерывной угрозой нападения дикарей.

Вань-Сталь был только капитаном, а не владельцем «Хай Нам» — так называли джонку. Джонка принадлежала богатому торговцу трепангом с острова Тимор Лин Кингу, который предоставил командование ею Ван-Сталю, давно уже заслужившему репутацию отважного и искусного моряка.

Ван-Сталь не первый раз пускался в плавание на «Хай Нам», хотя и не питал особого доверия к этому неуклюжему судну, плохо противостоящему, как и все джонки, капризам океана.

За год до того, как он бросил якорь у берегов земли Карпентариа, Ван-Сталь совершил уже экспедицию к северным берегам Австралии и вернулся с обильным уловом этих жестких моллюсков, которые так высоко ценятся на восточных рынках.

После первого удачного плавания на «Хай Нам», Ван-Сталь предпринял новое плавание для ловли трепанга.

В эту новую экспедицию он взял с собой своих племянников Ганса и Корнелия. Они были сыновьями его брата, славного капитана, погибшего несколько лет назад у острова Борнео при роковой для него встрече с пиратами султана Варуни. Предложение отправиться в плаванье с Ван-Сталем братья встретили с энтузиазмом.

Хотя они были еще молоды для такой опасной экспедиции, Ван-Сталь мог вполне положиться на их отвагу и выносливость. С детства братья привыкли пробираться по лесным чащам Тимора, преследуя диких зверей, или бесстрашно плавать по Молукскому морю. Смелые путешествия закалили их, и они были подготовлены к преодолению любой опасности.

Так случилось, что «Хай Нам» под командой капитана Ван-Сталя, со штурманом Ван-Горном — неизменным спутником капитана во всех его экспедициях — у руля, имея на борту двух юношей-моряков и команду из тридцати малайцев, бросила якорь у пустынных берегов земли Карпентариа.

Глава вторая

ЛОВЦЫ ТРЕПАНГА

Еще задолго до того, как европейцы открыли земли, названные пятой частью света — Австралией, китайские корабли с ловцами трепанга уже избороздили море у северных берегов Австралии и у Новой Гвинеи. Европейцы, явившись туда последними, не оставили без внимания этот промысел и занялись им наравне с китайцами. Ловля трепанга стала таким же обычным делом, как промысел китов, кашалотов, тюленей, сельди и трески.

И в описываемое нами время — в середине прошлого века — немало моряков-европейцев отправлялось из самых отдаленных гаваней к Коралловому морю, к проливу Торреса или заливу Карпентариа за трепангом, и при удачной ловле их труды щедро вознаграждались.

Правда, нередко случалось так, что некоторые корабли или не возвращались назад, или, вернувшись, не досчитывались многих людей из своего экипажа. Но это не ослабляло решимости других. Они знали, что австралийские туземцы всегда готовы воспользоваться то бурей, то темнотой ночи, чтобы разрубить цепи или канаты корабля и бросить его на подводные камни и скалистые берега; такой корабль представлял для дикарей богатую добычу.

Тем не менее смельчаки ежегодно пускались в далекое плавание, идя на опасный, но выгодный промысел, и часто возвращались с богатым уловом трепанга.

Впоследствии мы увидим, какие сорта трепанга рассчитывал выловить в заливе Карпентариа экипаж «Хай Нам». Джонка, направленная носом к выходу из бухты, была готова немедленно покинуть эти негостеприимные берега. Моряки надежно поставили ее на якоря, и Ван-Сталь велел спустить на воду большую шлюпку, предварительно вооружив ее камнеметом. Он сел в нее вместе со старым Ван-Горном и обоими юношами.

Как только шлюпка оттолкнулась от борта «Хай Нам», Ван-Сталь, склонившись за борт, пристально стал рассматривать сквозь прозрачные воды дно бухты.

— Тут всего семь или восемь брассов глубины,— сказал он довольным тоном,— пловцам не придется сильно уставать.

— А где же трепанг? — спросил Ганс.

— Все дно им устлано,— ответил капитан,— но нужен привычный глаз, чтобы разглядеть его в песке и водорослях.

— Я вижу какие-то странные движущиеся цилиндры,— сказал Корнелий, смотря в воду.

— Это и есть трепанг. Но ты увидел только один из видов голотурий, которых мы собираемся ловить. А их множество — все вместе они образуют то, что мы называем трепангом.

— И великолепный трепанг! — воскликнул Ван-Горн.— Вот там я вижу банколунган, а там кикиран, талипан и еще дальше мунанг.

— Ван-Горн,— прервал его капитан, ему не терпелось начать ловлю,— вызови пловцов.

Ван-Горн дал знак уже ожидавшим на палубе джонки малайцам, и десять человек, полуголых, с длинными изогнутыми ножами за широкими поясами — ножи всегда необходимы в этих водах, так часто посещаемых акулами,— спустились в шлюпку. В руках они держали нечто вроде сеток, которыми могли захватить довольно большое количество голотурий.

— Живей, не теряйте времени,— крикнул им капитан, убедившись в том, что вокруг не видно акул.

Ловцы, отобранные среди лучших пловцов экипажа, одновременно, как один человек, бросились в воду.

Юноши, сидя в шлюпке, с любопытством наблюдали за работой малайцев. Вода, спокойная и прозрачная, как кристалл, давала возможность видеть каждое движение ловцов, и юноши с интересом следили, как ловко малайцы хватали моллюсков и бросали их в сетку.

Вскоре один из пловцов, пробыв под водой не более полуминуты, выплыл на поверхность, подплыл к шлюпке и протянул Ван-Горну свою сетку. Ван-Горн вывернул ее, и на дне шлюпки забарахталась дюжина крупных голотурий.

Малаец, получив обратно свою сетку, нырнул во второй раз за новой добычей.

— Вот он, трепанг! — обратился капитан к своим соплеменникам, указывая им на странных существ, копошившихся у его ног.

— Да это какие-то шершавые цилиндры, а не живые существа,— брезгливо произнес Ганс.

— Да, цилиндры, но снабженные щупальцами, которыми они очень ловко орудуют,— прибавил его брат.

Капитан взял в руку одного моллюска. Этот причудливый обитатель моря был похож на какую-то кровяную колбасу, на одном конце которой находился венчик чувствительных щупальцев. На этой бесформенной массе нельзя было различить что-либо, кроме конечного отверстия,

которое представляло рот. Длина моллюска была сантиметров 30—35. По всему его телу, обтянутому жесткой кожей, то выскакивали, то исчезали ряды бугорков, служащие, очевидно, органами дыхания.

— Теперь вы видите, что такое голотурия,— сказал капитан.

— Как странно устроены эти существа,— сказал Корнелий,— я тщетно ищу голову, глаза...

— У них нет ни того, ни другого. Надо полагать, что они совсем лишены органов зрения и слуха. Их тело положительно похоже на мешок, сшитый из крепких, очень жестких мышц, и этот мешок не имеет другого назначения, как непрерывно поглощать пищу. Голотурии живут многочисленными стаями на морском дне. Там они ползают, передвигаясь наподобие червей, при помощи покрывающих их тело выступов. Их пища — водоросли, фукус, но они не брезгуют и мелкими камешками и осколками кораллов.

— Ну и желудок! — воскликнул Ганс.— При такой пище у них должен быть очень сильный пищеварительный аппарат.

— Желудок голотурий представляет собой просто трубку, идущую от рта к противоположному концу тела. Пища только проскальзывает через эту трубку.

— А на что же им щупальца, которые расположены вокруг рта?

— Для того, чтобы захватывать или, вернее, притягивать к себе пищу: водоросли, камешки.

— Мне кажется, что у некоторых нет щупальцев, как будто они вырваны.

— Они и в самом деле вырваны. На голотурий часто нападают рыбы и отъедают у них щупальца. Но голотурии не лишаются их навсегда: через некоторое время щупальца отрастают заново. Кроме того, голотурия может втянуть щупальца в себя при нападении на нее рыбы. Возьми в руки вон ту еще живую голотурию и попробуй сдавить ее слегка руками,— сказал капитан Корнелию.

Корнелий взял голотурию в руки и слегка сдавил пальцами ее туловище.

Моллюск тотчас сжался в круглый ком, из которого выплеснулась струйка воды, а вокруг рта разлилось какое-то черноватое вещество. Удивленный Корнелий брезгливо выпустил голотурию из рук.

— Это кишки животного,— смеясь, объяснил капитан.— Сжатие тела происходит у голотурии так резко и сильно, что вызывает выброс внутренностей.

— Значит, голотурия, даже если ее бросить теперь в воду, все равно подохнет?

— Ничуть не бывало. Если бы ты выдавил даже все внутренности, они очень скоро образовались бы вновь.

— Как странно! — воскликнули в один голос братья.

— А вот посмотрите этот экземпляр,— обратился к ним капитан, беря в руки другого моллюска, из тех, которыми ловцы успели уже наполнить все дно шлюпки. Изо рта моллюска торчала еще живая рыбка, длиной в пять или шесть сантиметров.— Не удивительно ли...

— Что тут удивительного, дядя? — спросил Корнелий.— Эту рыбку голотурия просто не могла проглотить.

— Ты ошибаешься. Эта рыбка — не что иное, как спутник или, вернее, обычный гость голотурии.

— Я не понимаю...

— Сейчас объясню. Вот эти маленькие рыбки живут обычно внутри голотурий. Они проникают внутрь через рот, забиваются между внутренностями голотурии и ее кожей и чувствуют себя там, как дома.

— И голотурии выносят их пребывание?

— Конечно, ведь им стоит только сократить мышцы, и непрошеные гости будут выброшены. Но голотурии оставляют рыбок в покое и таскают их в себе.

— Вот чудеса! Ты считаешь, что их присутствие не мешает голотурии?

— Надо полагать, что нет, ибо голотурия ничего не делает для того, чтобы избавиться от присутствия рыбки.

— Скажи, дядя,— спросил Корнелий,— неужели эти голотурии так вкусны, что за ними отправляются в такие далекие экспедиции?

— Их мясо несколько похоже на мясо раков, но оно очень жесткое; нужны очень крепкие зубы, чтобы его разжевать, так как оно не только жесткое, но еще и эластичное, как каучук. Любителей голотурий множество: этих животных предпочитают самой вкусной рыбе и платят за них очень дорого.

— Значит, их ловля очень прибыльна?

— Теперь уже не так, как раньше: голотурии, как и киты, становятся редки. В некоторых местах, где они изобиловали, они теперь совсем вывелись: так хищнически ловили их американцы и европейцы. Прежде, например, острова Сикава были излюбленным местом для ловли трепанга; но с тех пор как корабли стали вывозить оттуда тысячи центнеров трепанга за один сезон, они там совсем вывелись. Но довольно разговоров

о трепанге, нужно приниматься за работу. Ван-Горн, спусти на воду вторую шлюпку и не забудь установить на ней камнемет. Пусть ловля продолжается, а мы поедем на берег устанавливать котлы.

— А зачем котлы? — снова принялся за расспросы Ганс.

— В них готовится то, что, в сущности говоря, и называется трепангом.

— А дикари? — вспомнил Ганс.— Разве они оставят нас в покое и дадут установить котлы?

— Я думаю, что сейчас они не осмелятся приблизиться к нам. Им хорошо известно, что у белых всегда наготове ружья, а ружей они боятся больше всего на свете.

Возвратившись на борт джонки, Ван-Горн отдал приказ, и через несколько минут вторая шлюпка закачалась на волнах. В нее уселись десять вооруженных ружьями малайцев и Ван-Горн.

— Принесите котлы и топливо,— отдал распоряжение Ван-Горн оставшимся на борту малайцам.

Два медных котла по метру в диаметре и в шестьдесят сантиметров глубиной, большая охапка дров, которых нельзя было достать на берегу, гарпуны и широкие уплавники были спущены в лодку.

— Камнемет зарядили? — крикнул капитан.

— Да, картечью,— ответил Ван-Горн.

— Вперед! — скомандовал Ван-Сталь.

Он пересел во вторую шлюпку и сделал знак Корнелию и Гансу следовать за ним. Проверив, все ли взято, Ван-Сталь дал знак; малайцы налегли на весла и принялись грести к берегу.

В несколько минут шлюпка доплыла до опоясывавшей берег гряды подводных камней.

— Стоп! — скомандовал капитан, когда шлюпка подошла уже совсем близко к берегу.

Стоя на носу шлюпки, капитан еще раз оглядел берег и амфитеатром спускавшиеся к берегу террасы скал. Несмотря на дважды донесшийся откуда-то клич дикарей, капитан не обнаружил на берегу ни одного живого существа и не уловил чутким ухом никакого шума. Только стая какатоэс — великолепных птиц с оперением, в котором преобладали ослепительно белые и ярко-красные тона, и свешивающимся с головки хохолком — прыгала в ветвях маленького Black wood (черного дерева), с трудом проросшего в расщелине между двумя скалами.

— Опас
— Нет,
После
песке отлог
Капитан
первыми, д
малайцы; о
снаряжение
На берег
Сталь замет
них Ван-Го
— Здор
тронули.
— Что
— Печи,
рошо, что
Малайцы
вили на ого
полнив их
и первым у
первой. Двад
турий.
Менее че
более 200
пород. Там б
длиною в 30
спинами, пок
коричневого
гих кораллов
метров. Был
лаз, но овальн
Попадался и
спине; мясо т
турий, но онс
ления. Наконе
совершенно ч
особенно цен
патос, батанс,
Все голоту
воды и резко
Капитан о
определенной
поближе к пе
Чтобы удач
опыт: от време
и от температу

— Опасности никакой? — спросил Ван-Горн.

— Нет, старина, причаливай.

После нескольких ударов весел шлюпка увязла в песке отлогого берега.

Капитан, штурман и двое юношей вышли из шлюпки первыми, держа ружья наготове. За ними последовали малайцы; они выгрузили дрова, котлы и все остальное снаряжение.

На берегу в нескольких шагах от места причала Ван-Сталь заметил две маленькие кучки камней и указал на них Ван-Горну.

— Здорово! — воскликнул Ван-Горн.— Дикари их не тронули.

— Что это? — спросил Корнелий.

— Печи, которые мы сложили в прошлом году. Хорошо, что они остались целы. Ну, за работу, ребята!

Малайцы заложили дрова в печь, зажгли их и поставили на огонь два громадных котла, предварительно наполнив их морской водой. Другая лодка с рыбаками и первым уловом подошла к берегу тотчас вслед за первой. Двадцать малайцев принялись за выгрузку голотурий.

Менее чем за час ловцы подняли с морского дна более 200 килограммов голотурий самых различных пород. Там были и тюбилэз, с вытянутыми туловищами длиною в 30—35 сантиметров, с белыми животами, со спинами, покрытыми шероховатой известковой коркой коричневого цвета; в основном они встречаются на отлогих коралловых рифах на глубине трех или четырех метров. Был там и кикиран той же величины, что и тюбилэз, но овальной формы, с черной кожей и в бородавках. Попадался и талипан, темно-красный, с рядами игл на спине; мясо талипана нежнее, чем у других видов голотурий, но оно требует особенно тщательного приготовления. Наконец попалось некоторое количество мунанг, совершенно черных голотурий без игл, без бородавок, особенно ценных и вкусных. Более грубые породы: цопатос, батанс, гангепанс — попадались реже.

Все голотурии были еще живы; они выпускали струи воды и резко, конвульсивно сжимали свои туловища.

Капитан ожидал, когда вода в котлах нагреется до определенной температуры, а пока велел весь улов снести поближе к печам.

Чтобы удачно приготовить трепанг, нужен большой опыт: от времени нахождения голотурий в горячей воде и от температуры воды зависит сохранность трепанга.

Если оставить голотурии в горячей воде дольше, чем нужно, они делаются пузырчатыми и пористыми, как губка; при недостаточно теплой воде голотурии теряют свою плотность и скоро портятся.

Ван-Сталь относился поэтому с особым вниманием к этой операции. Только тщательно измерив температуру воды, он отдал приказ малайцам:

— Бросай!

Малайцы бросили в котел всех выловленных моллюсков. Попав в кипящую воду, они сперва корчились в мучительных конвульсиях, а затем падали на дно котла.

Капитан стоял у котла с часами в руке, отсчитывая минуты.

— Восемь! Трепанг готов. Вынимай!

Малайцы, погрузив уплавники в окутанные паром котлы, вытащили голотурии и разложили их на широком куске полотна, разостланном вблизи печи.

Ганс и Корнелий с любопытством склонились над голотуриями, чтобы лучше рассмотреть результаты операции.

— Температура как раз в меру,— сказал Ван-Сталь.— Трепанг теперь плотен и эластичен, как резина; кожа подернута синевой, значит, мы доставим его в хорошей сохранности.

— Дядя, разве недостаточно одной сушки на солнце? Я слышал, что именно так и приготовляют трепанг.

— Да, сушка на солнце практикуется очень широко, но такой способ приготовления требует по крайней мере двадцати дней. Сушат трепанг и просто на огне; этот способ не требует много времени, но зато для него нужен большой запас дров, а на этом берегу...

«Коо-мооо-эээ!»

Этот дикий клич, уже дважды доносившийся из-за скал, в третий раз прервал капитана на полуслове. Ван-Сталь раздраженно повел плечами.

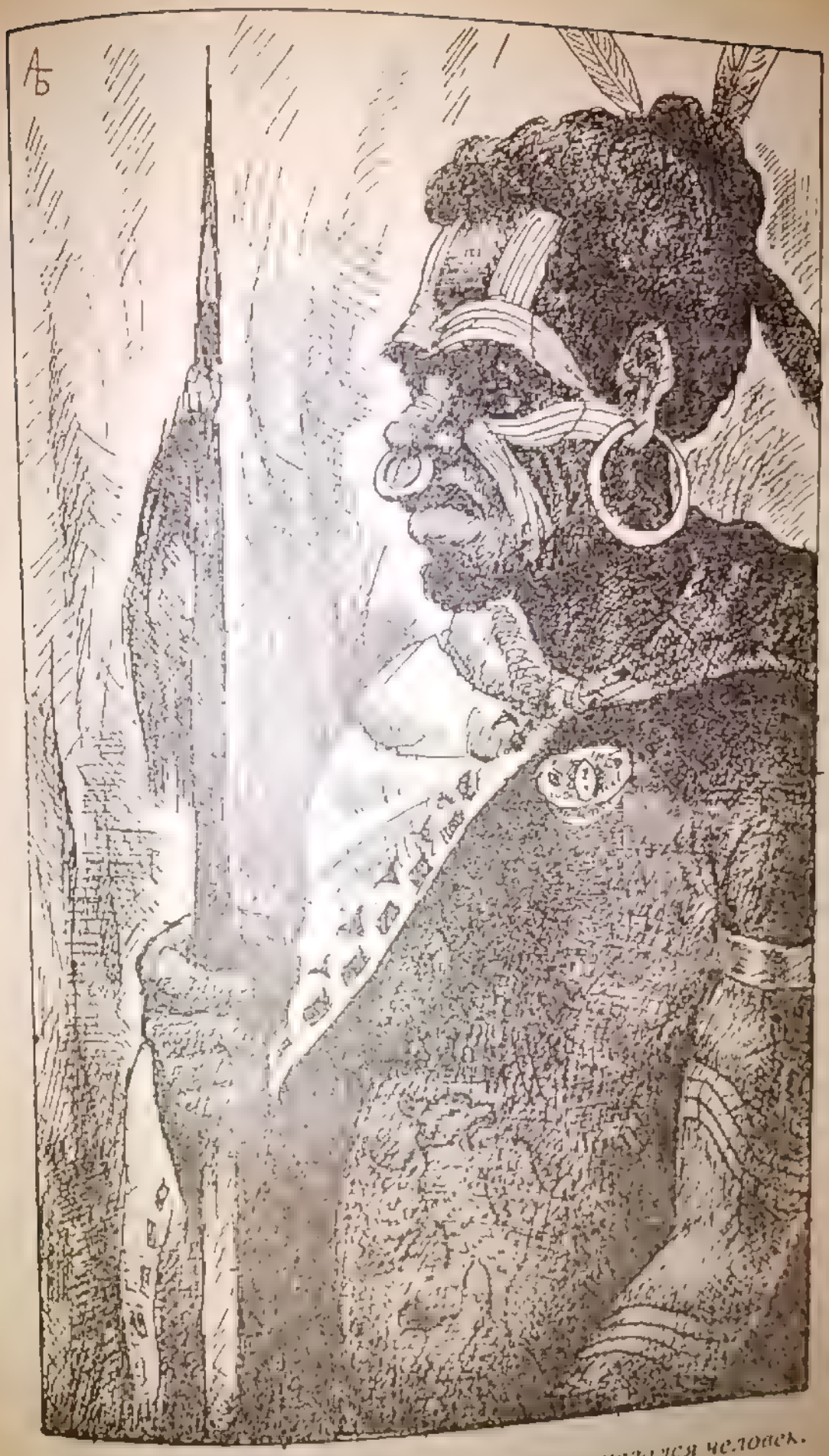
— Только покажись! — проворчал Ван-Гори, как бы выражая мысль капитана.— Я покажу тебе, как мешать нашей работе.

Глава третья

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Вслед за услышанным, на этот раз вблизи, криком, из-за скалы, уходившей к северному побережью бухты, внезапно показался человек.

Вслед за крико



Вслед за криком из-за скалы внезапно показался человек.

Он был чуть выше среднего роста и так худ, что можно было пересчитать все его ребра; живот его выдавался вперед, ноги, почти совершенно лишенные икр, казались двумя палками, покрытыми кожей.

Он производил отталкивающее впечатление, которое еще более усиливалось от резкого запаха нашатыря, распространявшегося далеко вокруг него.

Череп его был сплющен, лоб сдавлен, челюсти резко выдавались вперед, уши оттопыривались, глаза были маленькие и неприятно блестели, а огромный рот разрезал надвое его худощавое лицо. Его можно было принять скорее за четвероногое животное, чем за человека.

Разноцветная татуировка покрывала все его тело, отсвечивающее медью.

Это отталкивающее существо быстро сбросило с себя шкуру кенгуру, покрывавшую его плечи и концы длинных, жестких волос, и, вытянув вперед маленькое копье с костяным наконечником, украшенное пучком пестрых перьев, направилось к рыбакам.

Подойдя на расстояние 10—12 шагов от печи, туземец остановился и замер на месте, опершись на свое копье.

— Что он от нас хочет? — спросили капитана Ганс и Корнелий.

— Он пришел, должно быть, требовать, чтобы мы убрались отсюда. Туземцы привыкли охранять свои земли от всякого постороннего вторжения. Но он ошибается! Я и не подумаю последовать его совету,— пробурчал Ван-Сталь.

С этими словами он направился к дикарю.

— Чего ты от нас хочешь, смуглолицый туземец? — обратился капитан к дикарю, принимая добродушный вид.

Но вместо ответа туземец неожиданно сделал прыжок и поспешно удалился; вскоре он скрылся за скалами.

— Он еще вернется? — спросил Корнелий капитана.

— Очень возможно,— ответил капитан задумчиво.— Само собой разумеется, что он постарается обмануть нас. Но мы будем начеку; во всяком случае при первых признаках опасности нам придется убраться на джонку.

— Его племя, должно быть, где-нибудь здесь в окрестностях?

— Не думаю. Этот берег слишком бесплоден, чтобы

целое племя могло тут долго оставаться. Но там, далеко в глубь материка, дикарей должно быть немало.

— Они храбры?

— Да, когда их побуждает к этому голод.

Малайцы снова принялись за варку трепанга, а пловцы выплыли в море, чтобы снова нырнуть в воды бухты за новым запасом голотурий.

Печи пылали, вода в котлах кипела, вываривая голотурий; уже вываренный трепанг лежал на полотне, над которым рыбаки успели водрузить нечто вроде навеса, чтобы укрыть трепанг от чересчур жгучих лучей солнца.

Ганс и Корнелий направились, взяв с собой ружья, к скалам; они хотели удостовериться в том, что дикари не движутся на лагерь рыбаков. Во время разведки юноши успели только подстрелить несколько какатоэс и, не обнаружив ничего подозрительного, возвратились в лагерь.

Прошло два часа. Пловцы притащили новую партию моллюсков, и на этот раз самых лучших сортов. Работа кипела.

Внезапно из-за скал на берегу снова появился дикарь.

И на этот раз он был один, но в каком-то странном и жалком одеянии.

С первого взгляда его можно было принять за движущийся скелет. Все его тело было вымазано какой-то желтоватой землей, вроде охры, что придавало ему вид не человека, а только его остова. Оружия на этот раз у дикаря не было. Вместо копья он нес в левой руке большой кусок древесной коры, странный и по форме, и по цвету.

— Ваи-вайга,— зашептали малайцы кругом.

— Как! — воскликнул Ван-Гори.— Он опять здесь?

— Да еще в каком наряде,— подхватил Корнелий, не понимая значения вторичного появления и одеяния дикаря.

— С ним ваи-вайга,— объяснил ему Ван-Гори,— знак открытой вражды.

— А зачем он так вымазался? — не унимался Корнелий.

— Таково их одеяние для войны.

— А кора?

— Это кора очень ядовитого дерева — ваи-вайга, дерева смерти. Ван-Гори уже объяснил тебе, что она служит эмблемой войны,— сказал капитан.

— И этот чудак решается явиться один? — воскли-

нул Корнелий.— Дядя, позволь мне связать его и отправить на джонку.

Юноша действительно был готов схватить австралийца, но Ван-Сталь удержал его.

— Если он решился показаться один, значит, все племя где-то здесь поблизости. Ван-Гори, собери малайцев около шлюпок. А вы,— обратился он к своим племянникам,— будьте готовы открыть огонь из камнеметов.

Пока экипаж собирался у берега, готовый в случае опасности быстро погрузиться в шлюпки, капитан, выпрямившись во весь свой рост, с ружьем в руке, подошел к туземцу, смотревшему на него так дерзко, словно был уверен в своей силе; он, очевидно, ожидал, что белые испугаются и сейчас же отступят.

— Что ты хочешь? — спросил капитан на том смешанном языке, на котором говорят австрийцы в этих местах.

— Чтобы белые покинули землю, принадлежащую детям Моо-Тоо-уии,— отвечал дикарь.

— Мы не убиваем ни твоих кенгуру, ни твоих казуаров, ни твоих диких собак,— сказал Ван-Сталь.— Что касается трепанга, то ни ты, ни твои братья — вы не умеете его ловить, да к тому же морская вода тебе не принадлежит.

— Ты не хочешь уйти? Тогда я, вождь племени варамов, объявляю тебе войну.

— Правда? — усмехнулся капитан.

— Да, правда!

— Посмотрим! — И сильным ударом Ван-Сталь бросил дикаря на землю, схватил его обеими руками, и, без труда подняв, отнес в шлюпку.

— Свяжите этого воина,— сказал капитан матросам,— и отвезите его на джонку. Он останется нашим пленником до конца ловли. Так он по крайней мере будет изолирован и не сможет передать своим соплеменникам об объявленной нам войне.

— Есть, капитан! — ответил ему Ван-Гори.— Мы так его свяжем, что до конца ловли он не увидит ничего, кроме стен трюма.

Против всех ожиданий, дикарь не оказал ни малейшего сопротивления, только в его маленьких глазках заблестел недобрый огонек. Он дал себя связать и отвезти на джонку, не проронив ни полслова.

— Не думаю, чтобы он причинил нам много хлопот,— сказал Ганс.

— Он — вождь,— возразил Ван-Сталь,— его соплеменники бу
розыски. Я
наши ружь
искать его
обильна, чт
а уезжая, м
— А ест
— Голо
полним наш
ловлю.
В третий
и на этот р
в которой б
только бога
нагнуться, ч
еще и то, что
сорта голоту
глубине. Бла
сил, поднима
хор шего тр
К вечеру
решными мо
добычу, что
плюшов, и к
Ван-Стал
пошла и даль
много времен
груз.
Трепанг н
требует хорош
погрузкой в т
путь, он мож
был устроен в
несколько чел
велел раскину
Малайцы
ну склада, пр
джонки, вдали
Чтобы обо
неметы и заяв
племянниками
Но в глуби
как старался з
Зная, что з
велел окружит
колков коралл

менники будут удивлены его отсутствием и отправятся на розыски. Я думаю, что, натолкнувшись на нас и увидев наши ружья, они откажутся от поисков или отправятся искать его в глубь полуострова. Впрочем, ловля была так обильна, что мы не надолго задержимся в этой бухте, а уезжая, мы возвратим ему свободу.

— А есть еще берега, такие же богатые голотуриями?

— Голотурий много на острове Пелью — там мы пополним наш груз, если здесь нам помешают закончить ловлю.

В третий раз шлюпка с пловцами подошла к берегу, и на этот раз наполненная голотуриями. Воды бухты, в которой было много водорослей и фукуса, были настолько богаты голотуриями, что достаточно только нагнуться, чтобы набрать их вдоволь. Ловлю облегчало еще и то, что здесь попадались преимущественно лучшие сорта голотурий, а они никогда не живут на большой глубине. Благодаря этому рыбаки, не затрачивая много сил, поднимали из воды все новые и новые килограммы хорошего трепанга.

К вечеру все [illegible] было густо устлано уже вываренными моллюсками. Первый день дал такую богатую добычу, что сразу окупил все труды и экипажа, и пловцов, и кипятильщиков.

Ван-Сталь был вполне удовлетворен; если бы работа пошла и дальше так хорошо, потребовалось бы не так уж много времени, чтобы джонка ушла, захватив полный груз.

Трепанг не мог быть перенесен на джонку, так как он требует хорошей сушки на воздухе и выветривания перед погрузкой в трюм. Если же не дать ему хорошо высохнуть, он может испортиться. Поэтому склад трепанга и был устроен на берегу, а для его охраны было назначено несколько человек из команды, для которых капитан велел раскинуть палатки.

Малайцы сперва решительно отказались нести охрану склада, предпочитая оставаться на ночь на борту джонки, вдали от воинственных австралийцев.

Чтобы ободрить их, Ван-Сталь велел зарядить карнеметы и заявил малайцам, что и он вместе со своими племянниками останется на всю ночь на берегу.

Но в глубине души Ван-Сталь не был так спокоен, как старался это показать команде.

Зная, что австралийцы нападают только ночью, он велел окружить лагерь оградой из мелких камней и осколков кораллов, а джонку велел поставить ближе к

берегу, чтобы к ней можно было скорей добраться в случае внезапного ночного нападения.

Но все эти приготовления оказались бесполезными. Первая ночь на австралийском берегу прошла совершенно спокойно, несмотря на угрозы вождя дикарей.

Тишина ночи нарушалась только мрачным завыванием диких собак, стаи которых охотились где-то вблизи за кенгуру и казуарами.

Глава четвертая

ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ

Пять дней прошло совершенно спокойно. Ничто не нарушало и не прерывало напряженной работы рыбаков; ловля продолжалась так же успешно, как и в первый день.

Эта бухта была, по-видимому, малоизвестна и поэтому так богата голотуриями, что беспрерывно поднимаемые рыбаками из воды доверху наполненные сети никак не могли исчерпать находившиеся на дне запасы.

Громадные печи не оставались без работы; тонны голотурий беспрерывно пропаривались в котлах. На берегу было расстелено уже не одно полотно, а у печей ожидали своей очереди груды только что поднятых со дна голотурий.

Австралийцы не подавали признаков жизни.

Капитан и двое юношей для успокоения рыбаков исследовали берег на далекое расстояние, но не встретили ни одного австралийца. Ван-Горн, со своей стороны, решил проникнуть на несколько километров в глубь полуострова, но и там он повстречал только стаи какатоэс и видел следы кенгуру и казуаров.

Несомненно, вождь или мнимый вождь варамов своим хвастовством хотел только запугать белых; если его племя и существовало в действительности, то оно должно было бы находиться далеко от лагеря.

Так полагал и капитан, и его спутники, но пленника они все же оставили связанным в трюме, так как он упорно грозил экипажу местью своих соплеменников.

На шестую ночь неожиданное событие взволновало весь лагерь.

В то время как рыбаки мирно спали в своих палатках, караульные, сидевшие у печей, заметили огонь на вершине одной из скал, приблизительно в трех милях от лаге-

ря. Было три часа утра. Таинственный огонь то разгорался, то еле мерцал и переносился с места на место.

Капитан и Корнелий остались на эту ночь на берегу, сменив Ван-Горна и Ганса, прокараулivших прошлую ночь и отдыхавших теперь на борту джонки. Караульные тотчас же разбудили капитана и рассказали ему о появлении странных огней.

В одно мгновение все — и малайцы, и рыбаки, и капитан с Корнелием — были на ногах. Большая часть малайцев инстинктивно бросилась к вытащенным на берег шлюпкам.

— Не сигнал ли это? — спросил Корнелий.

— Боюсь, что это действительно сигнал,— ответил капитан, вглядываясь вдаль, где мерцал далекий огонек.

— Но чей сигнал и кому?

— Одного племени — другому.

— Или нашему пленнику... Ведь они и не подозревают, должно быть, что он в наших руках.

— Предполагать можно что угодно.

— Они готовят нападение?

— Как знать. Ты слышишь что-нибудь?

— Нет.

— Ты не боишься?

— Боюсь? О, дядя!..

— Тогда бери ружье и ступай за мной.

— Ты хочешь пойти в ту сторону, где виден огонь?

— Нет. Я хочу только осмотреть окрестности, чтобы успокоить малайцев. Иначе придется прервать или совсем оставить ловлю.

— А Ван-Горн?

— Он явится сюда с Гансом.

Отправив одного из малайцев на джонку, чтобы предупредить Ван-Горна об опасности, капитан направился в сопровождении Корнелия к прибрежным скалам.

Ночь была еще темна, но далекий огонь служил им путеводной звездой.

Осторожно пробираясь вперед, чтобы не попасть в какую-нибудь западню, они вскоре подошли к подножию скалистого холма и начали взбираться на него. Несмотря на неровности почвы и отсутствие протоптанных троп, капитан и Корнелий быстро достигли вершины холма.

Они смогли теперь осмотреть противоположный склон холма и далекие скалы. Перед ними — насколько они могли разглядеть в слабом свете занимающейся зари — расстилалась волнистая равнина, местами перерезанная

рощами. За этой равниной громоздились горы, описывая полукруг на протяжении около двух миль.

Таинственный огонь горел на дальнем склоне этого хребта. С вершины холма он был виден лучше, чем с берега. Только теперь капитан увидел, что это был не еле мерцавший огонек, а пламя, временами разраставшееся до размеров большого пожара. Можно было подумать, что огонь охватил целую группу деревьев или гору хвороста.

— Мне кажется, что я различаю среди огня людские тени,— сказал Корнелий.

— Да, там должны быть люди,— подтвердил капитан.

— Может быть, это не люди, а обезьяны?

— Нет. На австралийском материке обезьяны не водятся; да, кроме того, обезьяны сами боятся огня и не умеют его зажечь. Ты слышишь что-нибудь?

— Ничего, кроме лая диких собак, и то очень далеко.

— Да, правда,— рассеянно произнес капитан.

«Дикари,— думал он,— хотят напугать нас. Но они ошибаются, если рассчитывают на то, что джонка поднимет паруса до окончания ловли трепанга».

— Что мы предпримем, дядя? — прервал Корнелий размышления капитана.

— Э, черт возьми! Хотя я этого не хотел, но двинемся дальше.

— Идем.

— Ружье заряжено? Будь наготове.

— Есть, капитан!

Под тропиками день наступает очень быстро. Солнце уже освещало равнину, когда Ван-Сталь и Корнелий начали спуск с холма.

Корнелий, более проворный, возглавлял шествие, прокладывая путь: он то соскальзывал вниз, то перескакивал с камня на камень, то быстро сбегал с холма.

Спуск прошел благополучно; у подножия холма капитан остановился и стал пристально рассматривать местность.

Перед ним лежало маленькое озеро, нечто вроде пруда, берега заросли камышом, растущим густой массой и достигающим иногда высоты в пять-шесть метров.

— Не ходи дальше,— сказал капитан Корнелию,— в камышах могут оказаться дикари.

— Я не вижу и не слышу ничего подозрительного.

— Смотри: как будто качнулась одна из лилий?

— Где?

— Вон

Взглянул
лелий увиде
ров в восе
который, до
ружности.

Хотя был
своем стебл
лился.

— Правд
и взвел куро

— Там м

— Я осм

— Не на
тым копьем

— Бумера

— Нет, э
лы. Оно пред
дерева: дикар
шом расстоян
этом слишком

— Что ты

— Посмот

- Да.

А когда
Кажетс

— А я уве

— Не мог

- Я утвер

— Что за

— Скажи л
тельно.

— Там что

Корнелий с
решительно дви
ровной линией

Но, страно
тарники, казало
все время то же

— Да что э
растения наделе

Изумленный
между ним и кус
менным.

— Дядя,— за
ия!

— Вон там...

Взглянув в ту сторону, куда показывал капитан, Корнелий увидел возвышающийся над озером высокий, метров в восемь, стебель, увенчанный чашечкой цветка, который, должно быть, имел не менее полуметра в окружности.

Хотя было совершенно безветренно, цветок дрожал на своем стебле, как будто за тростниками кто-то шевелился.

— Правда: цветок колышется,— сказал Корнелий и взвел курок своего ружья.

— Там могут быть дикари,— остановил его капитан.

— Я осмотрю тростники.

— Не надо. Не подвергай себя опасности быть убитым копьем или бумерангом.

— Бумеранг? Что это такое — стрела?

— Нет, это не стрела. Это оружие пострашней стрелы. Оно представляет собой изогнутый кусок крепкого дерева; дикари так ловко бросают его, что даже на большом расстоянии редко бьют мимо цели. Мы можем в этом слишком скоро убедиться... Но что это?

— Что ты увидел?

— Посмотри туда. Ты видишь там кустарники?

- Да.

А когда мы шли сюда, ты их заметил?

Кажется, нет.

— А я уверен в том, что там было все голо.

— Не могли же они вырасти за несколько минут...

— Я утверждаю, что их не было.

— Что за чертовщина!

— Скажи лучше — хитрость; все это очень подозрительно.

— Там что-то движется..

Корнелий с ружьем наготове, держа палец на курке, решительно двинулся к кустарникам, которые тянулись ровной линией в пятидесяти шагах от камышей.

Но, странное дело, с каждым шагом Корнелия кустарники, казалось, удалялись тоже на шаг, сохраняя все время то же расстояние.

— Да что это наконец: оптический обман или эти растения наделены способностью двигаться?

Изумленный юноша ускорил шаг. Но расстояние между ним и кустарником оставалось по-прежнему неизменным.

— Дядя,— закричал он,— кустарники бегут от меня!

— Вижу,— ответил капитан, не менее Корнелия пораженный этим загадочным зрелищем.

— Ты видел когда-нибудь движущиеся кустарники?

— Никогда. И ни один натуралист не видел ничего подобного.

— Так что же это значит?

— Над нами насмехаются.

— Кто?

Не успел капитан ответить, как два странных существа выскочили из-за кустарников; они удирали по направлению к равнине такими странными и резкими прыжками, что их можно было принять за лягушек, если бы они бежали не так быстро.

— Да это кенгуру! — воскликнул Корнелий.

И он прицелился в животных, но капитан остановил его:

— Оставь в покое кенгуру,— сказал он.— Сохрани пули, они нам еще пригодятся.

— Для чего?

— Перед нами австралийцы, и в немалом числе.

— Где же? Я не вижу ни одного.

— Под движущимися кустарниками или за ними. Они вырвали где-нибудь кусты, взяли их в руки и, спрятавшись за ними или под ними, ползут, как змеи. Они хотят, конечно, заманить нас в какую-нибудь ловушку. Мне вспоминается, что они уже не раз пускали в ход этот хитрый маневр.

— Ты в этом уверен?

— Я убежден в этом. Но мы не будем так глупы, чтобы следовать за ними: они явно хотят завлечь нас к подножию той горы. Я думаю, что за чащей эвкалиптов, вон там под горой, находится все племя; туземцы ждут только удобного момента, чтобы напасть на нас.

— Как ты думаешь, знают ли они, что их вождь у нас в плену?

— Может быть, подозревают. Как бы то ни было, пусти-ка пулю в ближайший куст.

Юноша был хорошим стрелком, к тому же он хотел показать дяде, что он ничуть не боится. Он не заставил капитана дважды повторить приказ: приложился, прицелился и выстрелил.

Тогда не только тот куст, в который выстрелил Корнелий, но и все остальные кусты полетели в сторону, и пятнадцать австралийцев, проворных, как обезьяны, вскочили на ноги, потрясая своими каменными топорами. Но Ван-Сталь не дал им сделать ни шага вперед:

из обоих ство
заряда крупн
Двух заря
земцев в бегст
лись в лес.
— Ну что
— Да, ты
— Я дума
будет достато
— А пото
— Не сейч
ближайших н
войны. Нужн
должен заста
Ганс будут б
Действите
бесполезны: в
западню. К т
открыли пребы
нападение.
Капитан н
ибо туземцы в
Корнелий спо
Подойдя к
работы остано
горячо обсуж
даже не зажг
спорили со ста
— Что бы
дали увидев вз
— Не напа
ствие? — предп
— Вряд ли
а мы не слыша
Они быстро
лагеря, и подб
живишим Ван-Г
лады.
— Что за ш
в середину толп
— Потому,
здесь, капитан
что не хотят бы
ных глаз хозяи
— Они испу
— Мы хоти

из обоих стволов своего ружья он выпустил в них два заряда крупной дроби, градом осыпавшей туземцев.

Двух зарядов было достаточно, чтобы обратить туземцев в бегство. Все они, как один, воя от ужаса, бросились в лес.

— Ну что,— сказал капитан,— я не ошибся?

— Да, ты был прав.

— Я думаю, что на некоторое время этого урока будет достаточно.

— А потом? Как ты думаешь: они вернутся?

— Не сейчас. Но их визита нужно ожидать в одну из ближайших ночей. Я знаю австралийцев и их приемы войны. Нужно удвоить бдительность; их приход не должен застать нас врасплох. Вернемся. Ван-Гори и Ганс будут беспокоиться, если мы еще задержимся.

Действительно, [illegible] розыски были теперь бесполезны: в долине моряки рисковали попасть в новую западню. К тому же картина была ясна: австралийцы открыли пребывание [illegible] на берегу и готовили на них нападение.

Капитан не боялся сейчас преследования дикарей, ибо туземцы всегда предпочитают нападать ночью. Он и Корнелий спокойно направились через горы к берегу.

Подойдя к лагерю, они с удивлением увидели, что работы остановились. Рыбаки, собравшись у шлюпок, горячо обсуждали что-то, а заготовители трепанга даже не зажгли еще печей и о чем-то ожесточенно спорили со старым Ван-Горном.

— Что бы это значило? — спросил капитан, еще издали увидев взволнованные группы малайцев.

— Не напали ли дикари на лагерь в наше отсутствие? — предположил Корнелий.

— Вряд ли. Ван-Гори и Ганс стреляли бы по ним, а мы не слышали ни одного выстрела. Пойдем скорей!

Они быстро прошли расстояние, отделявшее их от лагеря, и подбежали сперва к заготовителям, окружившим Ван-Горна и Ганса и голосившим на разные лады.

— Что за шум? — закричал Ван-Сталь, пробравшись в середину толпы малайцев.— Почему никто не работает?

— Потому, что они не хотят больше оставаться здесь, капитан,— ответил Ван-Гори.— Они говорят, что не хотят быть съеденными дикарями ради прекрасных глаз хозяина.

— Они испугались дикарей, чудаки! — добавил Ганс.

— Мы хотим убраться отсюда, капитан! — сказал

один из малайцев.— Нам осточертел этот берег, кишащий людоедами.

— Я хочу увезти мои кости на родину,— крикнул другой,— а не отдать их дикарям, чтобы они их обглодали!

— Домой! Мы хотим домой! — закричали со всех сторон.

— А я,— прогремел капитан,— хочу остаться. И я не хочу быть съеденным ради прекрасных глаз хозяина, но я и не дамся дикарям. Ах вы, тропические кролики! Пусть над вами разорвется тысяча бомб! Разве мы нанялись для увеселительной прогулки по морю? Нет? А раз нанялись на работу, то должны довести ее до конца. «Хай Нам» поднимет паруса, когда весь трепанг будет готов. А пока — за работу! Что касается дикарей, то это моя забота оградить вас от их нападения. И я об этом ни на минуту не забываю. Скорей к котлам!

Глава пятая

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Ван-Сталь был не только превосходный моряк, но и человек большой энергии. Всему экипажу это было хорошо известно.

В этом столкновении с командой капитаном руководили, конечно, не интересы толстого Лин Кинга, не знавшего уже счет своему богатству, но свойственная ему привычка все доводить до конца и не отступать ни перед какой опасностью, пока есть еще возможность сопротивляться.

Его твердость оказала решительное действие на малайцев, впечатлительных, но далеко не храбрых. Рыбаки первые принялись за работу. За ними и заготовщики потянулись к печам и стали разжигать их. Но работа шла теперь вяло, не то что в предыдущие дни.

Страх не покидал малайцев; если бы они не знали так хорошо твердого характера Ван-Сталя, они немедленно сбежали бы на джонку, бросив весь улов трепанга на произвол судьбы.

Несмотря на ободрявшее их присутствие капитана, который старался шутками и бодрым словом рассеять страх, малайцы невольно обращали взгляд на скалы, словно боялись, что вот-вот там покажется орда туземцев.

Капитан и его близкие тщательно скрывали свое беспокойство и принимаемые ими предупредительные меры против внезапного нападения. Они инстинктивно чувствовали, что там, в эвкалиптовых рощах, готовилось что-то серьезное и угрожающее.

«Может быть,— думали они,— туда стягиваются отряды дикарей и там подготовляется ночная атака на нас».

Хотя со стороны холмов и долины, до которых добрались во время разведки капитан и Корнелий, не показалось ни одно живое существо, не донесся ни один крик, ни один сигнал, некоторые признаки указывали на скопление там дикарей.

В середине дня было замечено, что несколько стай птиц поднялись над рощами и улетели на север.

То были хионисы (Chionis alba), вид голубей, крупней тех, что водятся в Европе, с совершенно белыми крыльями; соколы с оперением в черных и белых пятнах; какатоэс и еще один вид голубей, крупней фазанов, с блестящим синим, отливающим медью оперением и крыльями, расцвеченными зеленым и желтым. Если птицы покидали лесистые места, то естественно было предположить, что их спугнуло присутствие людей.

Позднее капитан и Корнелий, которые снова взобрались на одну из высот, чтобы осмотреть равнину, увидели несколько варрангал, или диких собак, таких же сильных, как волки, но с длинным и пушистым хвостом, делавшим их похожими на лисиц. Эти четвероногие, должно быть, покинули места, обычно служившие им убежищем, по той же причине, что и птицы.

Капитан и Корнелий весь день пробыли вне лагеря; они бродили по скалам, подстерегая движение австралийцев.

К вечеру из леса убежали казуары — громадные птицы, с каким-то обрубком вместо крыльев.

— Нам предстоит беспокойная ночь, Корнелий,— сказал капитан, тревога которого к вечеру все усиливалась.

— Ты боишься атаки?

— Да.

— Ну, дядя, ведь нас сорок человек, и при надобности все будут хорошо вооружены.

— Да, если считать малайцев... А что будет, если они при первой же атаке сбегут и оставят нас одних лицом к лицу с дикарями?

— У нас есть камнеметы.

— Я знаю; но этого будет недостаточно, чтобы остановить людоедов, которые обрушатся на нас.

— Ты боишься их многочисленности?

— На южных берегах Австралии людоедов частью уничтожили, частью они сами вымерли, но здесь, на севере, их племена еще очень многочисленны. Нам придется выдержать атаку многих сотен воинов.

— Тяжелая задача, особенно если нельзя рассчитывать на малайцев.

— О, да!

— Мы можем укрыться на джонке — ведь у этих дикарей нет даже лодок.

— Это правда: лодок у них нет. Но наш трепанг! Если дикари обнаружат наше бегство, они разграбят весь лагерь, и мы потеряем все, что добыли за семь дней!

— А нельзя погрузить трепанг на джонку?

— Нет, слишком рано. От содержащейся в нем влаги он испортится.

— ...И бросить его нельзя. Как ты думаешь, малайцы согласятся провести ночь на берегу?

— Я их заставлю остаться. Если нас будет много, дикари, может быть, не решатся на открытое нападение; а четырех человек они не побоятся атаковать. Ну, спускайся, Корнелий.

Надвигалась ночь. Становилось все темней и темней. Небо покрывалось облаками, которых сгонял к заливу Карпентариа теплый южный ветер. Было безлунно, звезды еле мерцали.

Малайцы давно прекратили работу и, поужинав, беседовали с Ван-Горном и Гансом. Никто из них не хотел оставаться на ночь на берегу.

Когда капитан с Корнелием подходили к лагерю, матросы уже успели спустить на воду вытащенные на берег шлюпки и начинали усаживаться в них. Но, увидев Ван-Сталя, они остановились в нерешительности.

— Вы куда? — спросил капитан, невозмутимо заряжая ружье.

— На джонку,— ответило несколько голосов.

— На борт? Стадо трусов! Вы бросили весь трепанг! Вылезайте из лодок! Мы здесь — и будем охранять вас всю ночь. Ван-Горн, Корнелий, Ганс, установите камнеметы на берегу. Если хоть один туземец приблизится к лагерю, открыть огонь!

Старый моряк и юноши не заставили капитана дважды повторять приказ. В один момент они перенесли камнеметы на берег и зарядили их.

Малайцы, боявшиеся капитана, быть может, больше, чем дикарей, стали высаживаться, все еще ворча и бормоча проклятия. По правде сказать, они чувствовали себя уверенней даже на берегу в присутствии голландцев, чем одни на джонке.

Ван-Сталь, чтобы несколько приободрить их, велел вскрыть маленький бочонок рисовой водки, изготовленной в Китае, и раздал малайцам по доброй чарке.

Если капитан умел заставить себя бояться, то он умел заставить и любить себя.

— Ну,— говорил он малайцам,— смелей, друзья мои! Дикари готовят атаку на нас. Покажем им, как защищаются моряки.

Как ни бодры были слова капитана, они не произвели решительно никакого впечатления на малайцев. На ночь, вместо того чтобы устроиться в палатках около печей и холстов с трепангом, они легли поближе к шлюпкам.

Действительно, голландцам трудно было рассчитывать на людей, которые были более склонны обратиться в бегство, чем оказать помощь атакуемым. Ван-Сталь, зная это, не упустил ни одной предосторожности для защиты против ночной атаки.

Прежде всего он велел направить обе пушки на два открытых прохода между скалами, откуда можно было ожидать появления дикарей. Потом он велел привезти с джонки сотню пустых бутылок; их разбили, а осколки разбросали вокруг склада с трепангом. Это было последнее средство, которое должно было оказать решительное действие на голые ноги дикарей.

Закончив все приготовления, капитан спокойно стал поджидать появления туземцев. На первую вахту он встал сам вместе с Гансом и шестью наименее трусливыми малайцами. Ван-Горн и Корнелий должны были сменить их на вахте после полуночи. Была кромешная тьма. Завывание ветра и шум разбивающихся о прибрежные камни волн производили такой гул, что в случае ночной атаки не было бы возможности уловить шума надвигающейся толпы туземцев, как бы она ни была многочисленна.

Ван-Сталь, самым добросовестным образом несший вахту, особенно внимательно всматривался в близкие к берегу скалы. Время от времени он посылал кого-нибудь из малайцев к складу трепанга; капитан боялся, чтобы дикари, подползая тихо, как змеи, не напали на лагерь врасплох. Посылал капитан малайцев и на берег удосто-

вериться в том, что шлюпка — их последнее прибежище — лежит на месте.

Но ни одна тень не промелькнула ни со стороны береговых рифов, ни со стороны опоясывающих берег скал. В полночь Ван-Горн и Корнелий, с десятью другими малайцами, явились сменить Ван-Сталя и стать на вахту.

— Ничего нового? — спросил Корнелий капитана.

— До сих пор ничего, но будьте внимательны. Я неспокоен и буду очень удивлен, если эта ночь пройдет без происшествий.

И капитан проскользнул в одну из палаток вместе с Гансом, буквально валившимся с ног от усталости, а Ван-Горн и Корнелий уселись, в свою очередь, у огня, не выпуская из рук ружей.

Приблизительно через полчаса после смены вахты недалеко от костра послышалось какое-то рычание.

— Варрангалы! — сказал, поднимаясь, Ван-Горн.— Странно: эти животные так дики, а подошли совсем близко к нам.

— Они шли, верно, по какому-нибудь следу, — сказал Корнелий.

— Не думаю. Что-то подозрительно.

— А что это — как ты думаешь?

— Не сигнал ли?

— Ты ничего не видишь?

— Ничего... Ночь так темна.

В этот момент снова послышался тот же звук, но еще ближе.

— Нет, это не крик варрангала,— сказал Ван-Горн.— Я не ошибся: это сигнал.

— Ты думаешь, что дикари близко? — Корнелий вскочил на ноги.

— Тише...

— Ты что-нибудь услышал?

— Посмотри туда — возле печей. Видишь?

— Тень! Она шевелится...

— Еще тени: они спускаются со скал.

— Правда. Подожди!

Корнелий, выйдя из освещенной костром полосы, растянулся на земле и навел ружье.

Он готов был спустить курок, когда резкие крики раздались со стороны склада трепанга — крики не воинственные, не победные, а какие-то жалобные стоны.

— А,— прошептал Ван-Горн,— осколки бутылок сделали свое дело. Огонь!

И Ван-Г
метом. Одн
шек; они ос
ни. Караул
ружей.
Тогда б
Тени всей м
сто, двести,
но толпы, к
Ван-Ста
зом проснул
двое первых
панга, чтобы
побежали к
— Впере
семь малайц
Ничтожн
который был
было не до
Стреляя
вперед, меж
одни у оруд
Направле
была, по-вид
к складу тре
гами, рассея
осколки, вон
бодиться от
Охваченная у
кая угрожает
шительности,
Под грох
скрылись за
— Такой
Горн.— Тепе
чить работу.
— Но что
метнулся он.
Ван-Сталь
около которо
австралийцев;
Крик беше
— А, него
— Дядя,
Корнелий и Г
— Все про

И Ван-Гори склонился над ближайшим к нему камнеметом. Одновременно раздались выстрелы из обеих пушек; они осыпали картечью рыскавшие вокруг лагеря тени. Караульные малайцы выстрелили по ним из своих ружей.

Тогда болезненные стоны слились с воплями ужаса. Тени всей массой бросились к склонам. Сколько их было: сто, двести, четыреста? — никто не мог сказать точно, но толпы, казалось, были бесчисленны.

Ван-Сталь, Ганс и спавшие в палатках малайцы, разом проснувшись, вскочили на ноги; но в то время как двое первых бросились с ружьями в руках к складу трепанга, чтобы отстоять его от атаки дикарей, остальные побежали к берегу, ища спасения в бегстве.

— Вперед! — кричал капитан, но только шесть или семь малайцев последовало за ним.

Ничтожная горсть людей бросилась на противника, который был в несколько десятков раз сильнее их. Но им было не до подсчета своих сил.

Стреляя по убегающей толпе дикарей, они бросились вперед, между тем как Корнелий и Ван-Гори, оставшиеся одни у орудий, осыпали туземцев картечью.

Направленная с нескольких сторон атака дикарей была, по-видимому, отбита. Часть дикарей, пробравшихся к складу трепанга, с израненными осколками стекла ногами, рассеялась, воя от боли; другие, упав на эти же осколки, вонзившиеся в их тела, рычали, пытаясь освободиться от них, но те еще глубже вонзались в тело. Охваченная ужасом толпа, не понимавшая, откуда и какая угрожает им опасность, сперва остановилась в нерешительности, а потом обратилась в бегство.

Под грохот ружей и камнеметов туземцы быстро скрылись за скалами.

— Такой урок они долго не забудут! — сказал Ван-Гори.— Теперь, я думаю, они дадут нам спокойно закончить работу.

— Но что это там за движение у склада? — вдруг метнулся он.— Пойдем посмотрим.

Ван-Сталь, а за ним оба юноши бросились к навесу, около которого барахтались несколько тяжело раненых австралийцев; некоторые из них были в агонии.

Крик бешенства вырвался у Ван-Сталя:

— А, негодяи!

— Дядя, что случилось? — недоумевая, спросили Корнелий и Ганс.

— Все пропало...

— Они разграбили склад?

— Хуже того. Нам не в чем больше готовить трепанг! Дикари унесли оба котла, а у нас ведь нет других.

— Котлы...— бормотали юноши.

— Что делать? Работа только началась, у нас нет еще и десятой доли.

— Догоним их, дядя,— предложил Корнелий.

— Кого? Грабителей?

— Ну да! Не возвращаться же нам на Тимор с пустыми руками.

— Они бегут в панике. Воспользуемся этим,— подхватил Ганс.

— А малайцы, как ты думаешь, нам помогут? — спросил Корнелий.

— Да, малайцы!..— усмехнулся капитан.

— Да, малайцы! — с горечью подхватил Ван-Горн, присоединившийся уже к ним.— Малайцы уже давно в шлюпках и не думают возвращаться на берег.

— Тогда все пропало!..

— Нет, не все,— спокойно возразил Ван-Горн.— Дикарям котлы ни на что не нужны; они их взяли лишь для того, чтобы разорить наш лагерь. Кто знает, капитан, может быть, туземцы бросили котлы на дороге, ведь они так тяжелы и совершенно бесполезны для дикарей.

— Ты прав, старина,— согласился Ван-Сталь.— Не будем терять времени: перережем путь дикарям. Если они и не бросили котлов, то оставят свою добычу, увидев преследование. Скорей... вперед!

Глава шестая

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА

Котлы надо было вернуть во что бы то ни стало. Без котлов ловля была бы бесплодна: приготовлять трепанг рыбакам было больше не в чем. Правда, голотурии могли быть высушены на солнце, но это требовало слишком много времени, а оставаться долго на берегу было невозможно при враждебности туземцев. Ван-Горн правильно предположил, что австралийцы не станут обременять себя бесполезной и к тому же такой тяжелой ношей и бросят котлы, оттащив их подальше от лагеря. Во всяком случае нужно было торопиться: если бы дикари дотащили котлы до лесов на горных высотах, рыба-

кам не оставалось бы ничего другого, как, подняв паруса, оставить эти богатые голотуриями воды.

Так быстро, как только было возможно в полной ночной тьме, капитан побежал к проходу между скалами, а вслед за ним Ван-Горн, Корнелий и Ганс. Хотя дорога была крута и вся пересечена кустами, рытвинами и гребнями скал, они вскоре взобрались на самую вершину и начали спускаться в долину.

Тьма была еще слишком густа, чтобы можно было различить вдалеке толпу дикарей. По доносившемуся гулу можно было определить, что дикари бежали на восток, в сторону видневшихся на горизонте лесистых гор.

— Они не дальше, как в миле от нас,— произнес капитан, долго вслушивавшийся в удалявшийся гул.

— Постараемся гнать их у леса,— предложил Корнелий.

— А далеко этот лес? — спросил Ван-Горн.

— В четырех или пяти милях отсюда, так мы считали при первой нашей р[illegible]ке.

Тогда скорее. Вы знаете, какие хорошие ходоки австралийцы.

— Ну, и у нас ноги не хуже.

— Когда мы будем в двухстах или трехстах метрах от них, открывайте огонь. Но будьте осторожны: как бы нам не попасть в западню. Смотрите в оба...— сказал капитан.

— И для того, чтобы обнаружить, не брошены ли котлы,— прибавил Ван-Горн.

Все четверо продолжили путь, пробираясь вдоль берега пруда. Но как они ни бежали, австралийцы продвигались, очевидно, быстрее их, так как голоса их все удалялись и удалялись.

Капитан, не такой проворный, как его племянники, посылал грабителей ко всем чертям; Ван-Горн, фыркая, как тюлень, бежал позади, спотыкаясь на каждом шагу.

С бесконечными трудностями они продвинулись менее чем за двадцать минут на два километра. Вдруг старый моряк наткнулся на темную массу, издавшую металлический звон.

Толчок был так силен, что старик растянулся во весь рост.

— О! — воскликнул он, поднимаясь.— Вот так так! Да это он!

— Кто, старина? — спросил капитан, подбегая к нему и помогая ему встать.

— Ну, кто был прав? Ведь я говорил, что дикари бросят свою бесполезную ношу,— торжествовал Ван-Горн.— Вон он, ваш котел! О него я себе нос разбил.

— Вот это удача! А второй котел, верно, тоже здесь.

— Или поодаль, если не у самого лагеря. Если дикари бросили один котел, то и второй они не унесли далеко.

— Тише...— прервал его Корнелий.

— Что такое?

— Я не слышу больше дикарей.

— Может быть, они зашли уже в лес?

— А если они заметили преследование?..

— Нам лучше прекратить погоню и вернуться на берег. Они один котел оставили нам, а без второго мы как-нибудь обойдемся, если, по счастью, не наткнемся на него на обратном пути.

— Ложись! — крикнул вдруг Ван-Горн.— Ложись ничком!

В воздухе послышалось что-то вроде все приближающегося и нарастающего сопения. Все четверо голландцев в один миг полегли на землю. Только Корнелий и Ганс не подозревали, какой опасности они подвергались.

Через несколько секунд над головами голландцев послышался глухой удар, словно твердое тело ударилось о землю, потом снова сопение, постепенно затихавшее, удаляясь.

— Бумеранг! — сказал Ван-Сталь,— это негодяи остановились и спрятались где-то вблизи.

— Бумеранг? — спросил Корнелий. — Это не тот ли изогнутый кусок дерева, о котором ты мне уже рассказывал?

— Да, и только что он мог разбить голову кому-нибудь из нас.

— Бумеранг возвращается к тому, кто его бросает?

— Да, к тому, кто — к счастью для нас — не смог на этот раз в темноте рассмотреть свою цель. Днем он не промахнулся бы.

— Капитан,— прервал его Ван-Горн,— послушайтесь меня: вернемся. Скоро начнет светать. Если тогда дикари откроют, что нас только четверо, они не задумаются и нападут на нас.

— А котел? Что делать с ним?

— Котел понесем мы, а Ганс и Корнелий будут охранять нас. Они достаточно хорошие стрелки, чтобы держать дикарей в отдалении.

— Ты прав, друг. При свете мы не только сами под-

вергнемся оп
счастливо на
тове.

— Скорее
ся, с той сто
— В путь

Капитан и
котел, которы
и быстро заш
и Ганс, держа
во тьму, предо
дикарей.

Теперь сом
метив преслед
рожностью го

Время от в
он не причин
тьма, и под ее
ропясь добрать
дели, что голл
напали бы на

Конечно, тя
при крутых п
пятствий.

Они были у
к бухте, когда
Только теперь
обнаружили го
Тогда, вместо т
ми, австралийц
товые к новой

— Ганс, Ко

Два ружейн
открыли огонь,
туземцев послы

— Бегите! —
— Рано,— о
— Они в ст
сказал Ганс.

— Огонь! —

Снова раздал
показало, что пу
кующих.

Заряжая на х
гнали капитана
драгоценного для

вернемся опасности, но не сможем унести котел, так счастливо найденный. Ганс, Корнелий, будьте наготове.

— Скорее, дядя! — воскликнул Ганс.— Мне кажется, с той стороны движутся какие-то тени.

— В путь, Ван-Гори!

Капитан и Ван-Гори схватили с двух сторон медный котел, который весил не меньше тридцати килограммов, и быстро зашагали по направлению к берегу. Корнелий и Ганс, держась несколько позади, зорко вглядывались во тьму, предостерегая возможное внезапное нападение дикарей.

Теперь сомнений больше не было: австралийцы, заметив преследование, остановились и с крайней осторожностью готовились к новой атаке.

Время от времени слышалось сопение бумеранга, но он не причинял никакого вреда; голландцев охраняла тьма, и под ее покровом они пробирались к лагерю, торопясь добраться туда до рассвета. Если бы дикари увидели, что голландцев [illegible] мало, они, несомненно, напали бы на них.

Конечно, тяжелая [illegible] замедляла их шаги, особенно при крутых подъемах и спусках встречавшихся препятствий.

Они были уже около самого склона, спускавшегося к бухте, когда горизонт [illegible] первыми лучами зари. Только теперь в слабом утреннем свете австралийцы обнаружили голландцев и установили их численность. Тогда, вместо того, чтобы скрываться, прячась за кустами, австралийцы разом поднялись из-за прикрытий, готовые к новой атаке.

— Ганс, Корнелий!— закричал Ван-Сталь.— Готовы?

Два ружейных выстрела раздались в ответ. Юноши открыли огонь, и их пули не пропали даром: со стороны туземцев послышались крики и стоны раненых.

— Бегите! — кричал капитан стрелкам.

— Рано,— отвечал Корнелий.

— Они в ста шагах от нас. Я хорошо их вижу,— сказал Ганс.

— Огонь! — ответил тот.

Снова раздались два выстрела, и ответное рычание показало, что пули снова пробили брешь в рядах атакующих.

Заряжая на ходу ружья, юноши отошли назад и догнали капитана и Ван-Горна, не выпускавших из рук драгоценного для них котла.

— Я боюсь за вас: берегитесь их стрел и бумерангов,— крикнул им капитан.— Берег близок. Живей! Еще одно только усилие, Ван-Горн!

— Я держусь,— отвечал капитану старый моряк.

— Дикари! — вскричал Корнелий.— Ко мне, Ганс!

Австралийцы бежали на них, потрясая своими каменными топорами и копьями с костяными наконечниками.

Их было не менее трех или четырех сотен человек, низкорослых, сухопарых, с выпяченными животами, с развевающимися по ветру длинными волосами; грудь у всех была в татуировке; с шеи свисали ожерелья из зубов хищных зверей. Вся их одежда состояла из едва прикрывавших тела шкур кенгуру; все они были раскрашены для боя, что придавало толпе фантастический и мрачный вид.

Во главе воинов двигались вожди племени; их можно было узнать по воткнутым в волосы перьям какатоэс и свисавшим с поясов хвостам диких собак. Рядом с вождями шли вьереданы — колдуны, являвшиеся одновременно и жрецами, и лекарями и возглавлявшие все общественные и религиозные церемонии.

Эта ожесточившаяся дикая масса туземцев, готовая обрушиться на четырех чужеземцев, все же не решалась еще на открытое нападение.

Корнелий и Ганс стреляли, заряжали свои ружья и снова стреляли, скрываясь за выступом скалы; они целились преимущественно в колдунов и вождей, зная, что их смерть должна вызвать смятение в рядах воинов.

Меткий огонь прикрывал отступление Ван-Сталя и Ван-Горна, которые были уже недалеко от вершины холма. Всего на несколько минут нужно было отсрочить атаку туземцев, чтобы котел был водружен на свое прежнее место.

Австралийцы, несмотря на меткий огонь юношей, не останавливались; боясь упустить свою добычу, они двигались вперед, а пули Ганса и Корнелия вырывали из их рядов одного воина за другим.

Дикари метали стрелы и бумеранги, но те не долетали до юношей, скрытых скалой. Зловещие же крики дикарей, сопровождавшие каждый удачный выстрел юношей, показывали, как значителен был урон врага.

Стрельба становилась все чаще и чаще; дикари подходили все ближе к скале.

Когда первый бумеранг завыл над головами юношей, они оставили свои позиции и укрылись в ста метрах

дальше за заро
ли огонь.

Все новые
кости стрельбы

Наконец, не
дикари лавиной
можно было то

Юноши, раз
стились наутек,
своих ног.

К этому вре
склона и начал

— Живей,
нявшим его юно
жала им.

— Не бойся
нас вынесут.

И действите
ми, которые нес
еще один залп

Но вот, обер
что капитан ост
В один момент

— Ты ранен

— Нет, но с

Они были то
шавшегося над
на месте, ловя
И странное дело
ный рык дикаре
хохота, хрипло
людей.

— Что с ма

— Не от стр

— Нет, они
капитан.— В мое
водки. Бежим, не

И, бросив на
покатился по кам
тоскливым предч

дальше за заросшей кустарником скалой и снова открыли огонь.

Все новые взрывы бешеных криков говорили о меткости стрельбы.

Наконец, не в силах больше сдержать свою ярость, дикари лавиной двинулись на стрелков. Остановить их можно было только картечью.

Юноши, разрядив в последний раз свои ружья, пустились наутек, рассчитывая теперь только на быстроту своих ног.

К этому времени Ван-Горн и Ван-Сталь достигли уже склона и начали быстро спускаться к лагерю.

— Живей, живей, ребята! — кричал капитан догонявшим его юношам. Он понимал, какая опасность угрожала им.

— Не бойся,— кричали ему юноши в ответ,— ноги нас вынесут.

И действительно, дикари едва поспевали за юношами, которые несколько раз останавливались, чтобы дать еще один залп по своим преследователям.

Но вот, обернувшись на [illegible] выстрела, Ганс заметил, что капитан остановился, и котел выпал у него из рук. В один момент юноши были около капитана.

— Ты ранен, дядя? — спросил Корнелий.

— Нет, но слушайте... Слушай, Горн.

Они были теперь над лагерем, на середине возвышавшегося над берегом склона. Все четверо замерли на месте, ловя доносившиеся из лагеря далекие звуки. И странное дело: в то время как позади слышался яростный рык дикарей, снизу, из лагеря, доносились взрывы хохота, хриплое пение, крики совершенно пьяных людей.

— Что с малайцами? — вскричал Ван-Горн.

— Не от страха ли они с ума спятили?..

— Нет, они попросту пьяны,— печально вымолвил капитан.— В моей палатке было пять бочонков рисовой водки. Бежим, не то все пропало!

И, бросив на произвол судьбы котел, который звеня покатился по камням, все бросились к лагерю с сжатыми тоскливым предчувствием сердцами.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

Капитан не ошибся. Какой беспорядок царил в лагере и какое зрелище открылось перед их глазами!

Малайцы, предоставив капитану и его спутникам одним преследовать дикарей, не скрылись на джонке, а остались на берегу у палаток и склада трепанга.

Но вместо того чтобы охранять лагерь — как они это и должны были делать — и держаться наготове на случай опасности, малайцы, воспользовавшись отсутствием капитана, разграбили его палатку и склад провианта.

Совершенно забыв о необходимой осторожности, они не позаботились даже о джонке, которую трепал сильный ветер, грозя бросить на рифы.

В лагере началась оргия.

Малайцы захватили весь запас консервов — коробки и остатки консервов были разбросаны теперь по всему берегу,— выбили дно бочек с сухарями, пробили бочонки с водкой и напились почти до полной потери сознания.

Некоторые из них, совершенно опьянев, спали вповалку и тяжело храпели; другие, еще державшиеся на ногах, прильнули к горевшему в громадной кастрюле пуншу.

Они орали, пели, плясали, дрались, а посередине старший из рыбаков и начальник команды танцевали вокруг опрокинутых бочек под гул пьяной толпы.

Все они, конечно, забыли и о дикарях, и о капитане, и о его спутниках; впрочем, голландцев они считали давно убитыми либо взятыми в плен дикарями.

Ван-Сталь, вне себя от бешенства, бросился в самую гущу толпы и заорал, покрыв все голоса:

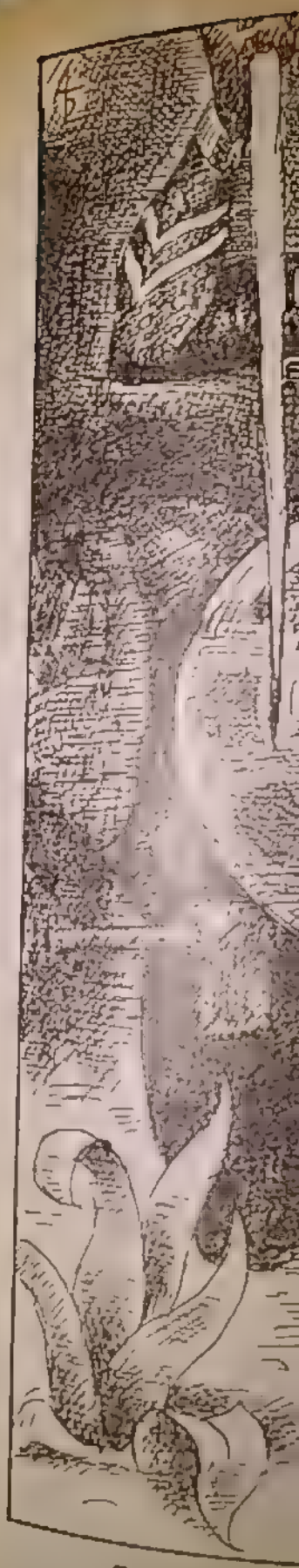
— Несчастные! Что вы сделали?

— Да? Это вы, капитан? — пробормотал боцман и направился к капитану. Он еле держался на ногах и покачивался во все стороны.— Так вы не умерли?

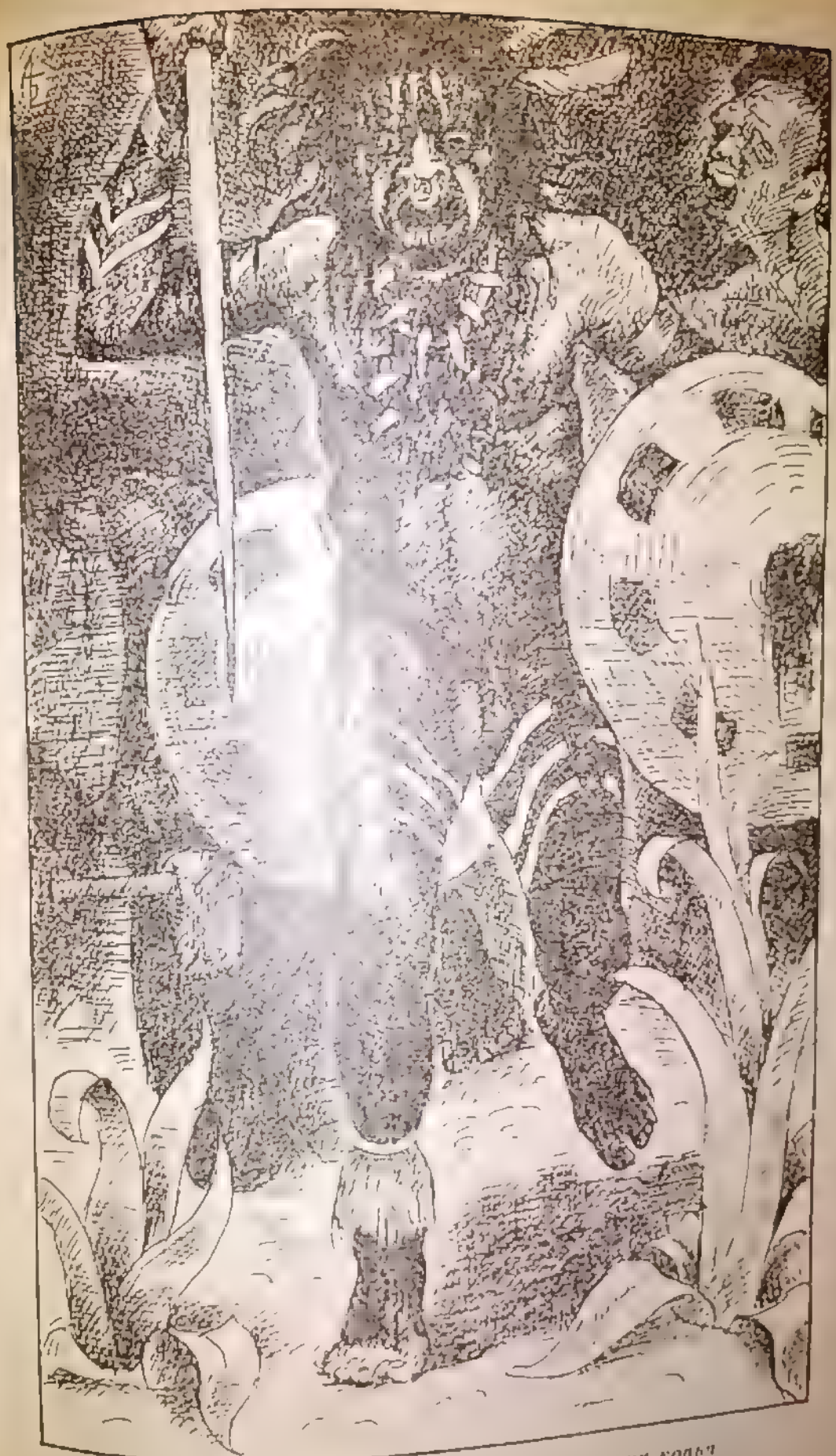
— Нет, не умер! — зарычал капитан, замахиваясь кулаком на пьяного малайца.— Вы пьяны все?

— Хи-хи! — захихикали в толпе.— У нас хороший водка. Очень хороший, очень вкусный. Мы не все выпили, мы тебе тоже оставили.

— А крики дикарей? Вы не слышите их, что ли?



Только услыш
и топоры, мала



Только услышав крики туземцев и увидев их копья и топоры, малайцы осознали грозящую им опасность

— Дикари? Да, да... Но у нас есть вкусный водка, и мы будем его пить.

— Да они съедят вас, как баранов! На борт! На борт!

Боцман покачал головой и снова принялся танцевать вокруг бочек, пьяным голосом напевая какую-то песенку.

Между тем Ганс и Корнелий бросились к остальным малайцам, чтобы убедить их, заставить их сесть в шлюпки; но несчастные пьяницы не слушали никаких доводов, не понимая, что им угрожало. Только один из всех поднялся и, шатаясь, направился к лодке, а остальные продолжали пить, петь и плясать.

— Дядя,— подбежал к капитану Ганс,— с ними нет никакого сладу: они не хотят нас слушать.

— О, негодяи! — кричал капитан, бешено тряся старшего из рыбаков и боцмана, чтобы выбить из них хмель.— Мы все погибнем из-за вас. Ван-Горн, Ганс, Корнелий, хватайте их и бросайте в шлюпки! Живей!

— Да у нас времени не хватит перетащить их. Я слышу уже близко вой дикарей.

— Не теряй времени. Хоть нескольких, да спасем!

Все четверо бросились к малайцам, которые отбивались, что-то бессмысленно бормоча. Четыре пары сильных рук хватали их поперек тела и так сносили к шлюпкам. На одну из шлюпок успели уже побросать человек десять или двенадцать. Но те с пьяным упорством не замедлили выползти из лодки и, шатаясь, снова направились к бочкам.

— Только еще один глоток,— клялись они.

В то время как в лагере шла борьба с перепившимися малайцами, на вершинах скал скоплялись дикари. Теперь они лавиной хлынули вниз...

Только услышав крики туземцев и увидев их копья и топоры, малайцы поняли наконец всю грозившую им опасность и сами бросились к лодкам. Но, увы! Водка привела их уже в такое состояние, что ноги совершенно не слушались их.

Капитан и его спутники, успевшие вовремя добежать до шлюпок, как только оттолкнулись от берега, открыли бешеный огонь по туземцам.

Напрасные усилия... Туземцы успели добежать до малайцев. Одни из них набросились на пьяных людей, нанося им жестокие раны своими топорами и копьями; другие бросились громить палатки и склад трепанга, осторожно ступая теперь между осколками. Несмотря на открытый по ним с лодки огонь, туземцы, крепко

держали свою добычу и не выпускали ее из рук, хотя картечь камнемета скашивала их рядами.

Малайцы, совершенно пьяные, всё же оказывали сопротивление. Собравшись в кучу, они слабо отбивались, насколько им позволяли их ослабевшие руки; им удавалось наносить удары, пустив в ход все, что можно было подобрать около себя: головешки из давно остывших печей, гарпуны, ножи. Но отбросить туземцев и присоединиться к капитану, от которого они были теперь отделены сплошной стеной диких воинов, малайцы не могли. Нескольких воинов они успели ранить и даже убить; но за каждого раненого дикаря падало три или четыре малайца.

Уже дважды Ван-Гори заряжал и разряжал камнемет; отбросить дикарей и спасти хоть нескольких чудом уцелевших малайцев — вот на что он рассчитывал.

Уже дважды Ван-Сталь, велев подогнать лодку к берегу, пытался пробиться к своей команде и подать ей помощь, но безуспешно.

И австралийцы, со своей стороны, пытались пробиться к шлюпке и захватить белых.

Нельзя было терять ни минуты. О спасении тех, кого дикари настигли у палаток и в большинстве уже павших, нельзя было больше и думать. Капитан хотел спасти хотя бы тех малайцев, которые были во второй шлюпке, когда появились туземцы.

— Ко мне, Ван-Гори! Сюда, Ганс, Корнелий! — закричал капитан. — Спасем хоть этих несчастных.

Все четверо ринулись на дикарей; они пустили в ход приклады своих ружей и, пользуясь ими как палицами, ломали ими копья и проламывали головы туземцам. Одно мгновение они, казалось, одержали верх; но в ряды туземцев вливались все новые и новые силы и с воодушевлявшими их криками с новой яростью бросались в бой.

— Назад! К морю! — кричал капитан малайцам, защищавшимся от дикарей на второй шлюпке, но те, совершенно потеряв рассудок, и не видя ничего, кроме дикарей, перед собой и не слыша ничего, кроме их криков, так и не услышали зова капитана.

Отбившись от туземцев, капитан снова прыгнул в шлюпку, за ним Ван-Гори и юноши, а в последний момент к ним подоспел молодой малаец, единственный прорвавшийся через ряды дикарей. Малаец был не так пьян, как его товарищи, и сумел, вооружившись гарпуном и нанося им удары во все стороны, проложить себе дорогу к капитану.

Как только все пятеро оказались в лодке, они тотчас схватили весла, оттолкнулись от берега и поплыли, отстреливаясь от дикарей, бросившихся в воду преследовать шлюпку.

Только тогда, когда шлюпка капитана была уже в море, малайцы сообразили, что и им следовало столкнуть свою шлюпку на воду. Но было слишком поздно: туземцы, избавившись от самого страшного врага, снова набросились на малайцев, и лишь только те хотели оттолкнуться от берега, их шлюпка была вытащена назад и перевернута вверх дном со всеми находившимися в ней людьми.

Только два малайца вырвались из рук дикарей; они бросились в воду и пытались вплавь добраться до шлюпки капитана.

— К камнемету, Горн! — закричал капитан, заметив движение малайцев.— Беглый огонь по берегу!

Старый моряк, бросив весла, в одно мгновение оказался у камнемета, направил его на толпу туземцев и осыпал их дождем картечи. Пули настигли нескольких воинов, бросившихся в море вслед за малайцами, но остальные преследователи уже схватили малайцев за руки, за ноги и тащили их назад к берегу.

В течение нескольких секунд до шлюпки доносились отчаянные крики пленников. Вскоре они замолкли, заглушенные победоносным воем врагов.

Ван-Сталь, взбешенный неудачей малайцев, хотел снова направиться к берегу, чтобы в последней отчаянной схватке погибнуть или спасти своих людей, но Ван-Горн и юноши воспротивились этому и направили шлюпку к джонке.

Они были правы. Новая атака на дикарей, в сотню раз превышавших численностью, была бы настоящим безумием и привела только к ненужным жертвам.

— Дайте мне отомстить за моих людей! — кричал капитан в безысходном отчаянии.

— Чтобы быть убитым, как и они? — спокойно урезонивал его старый моряк.— Нет! Мы все сделали для их спасения, и теперь вам ни к чему рисковать своей жизнью и жизнью ваших племянников.

Последний довод убедил капитана в бесполезности новой попытки спасти малайцев, и он подчинился.

Скоро шлюпка добралась до джонки.

Теперь вся команда «Хай Нам» состояла всего из пяти человек, включая капитана. Первой их заботой, когда они очутились на борту, было поднять шлюпку

при помощ
те добрали
ственный
— Кап
в этой бухт
— Что
— Лов
потеряли э
не остается
Лучше всег
туземцы на
и атаковать
— Ты
извол судьб
— Тузе
— Ты д
— Мы
толпе туз
и между
— Ты
— Не м
их. Они вос
громить сил
бы не их
нелы и
— Ты
Мы все с
лось еще во
лобычу.
— О, ка
возвращались
а туземцев в
— Хорош
руса. Недоста
руки этих чу
— Есть,
лю! — раздало
— Подни
тока, нос бу
бухты.
Ван-Горн
жение якоря;
приказаний. В
— Капита
— Что с т
— Якорная

при помощи талей, чтобы спасти ее от дикарей, если бы те добрались до джонки вплавь. Оставшийся у них единственный камнемет был установлен на носу джонки.

— Капитан,— обратился Ван-Горн к Ван-Сталю,— в этой бухте, я думаю, теперь нас ничто не удерживает.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ловля кончилась для нас полной неудачей: мы потеряли экипаж и всю добычу за несколько дней. Нам не остается ничего другого, как отправиться восвояси. Лучше всего поднять паруса немедленно, до того, как туземцы найдут какой-нибудь способ добраться до нас и атаковать джонку.

— Ты хочешь оставить пленных малайцев на произвол судьбы?

— Туземцы их всех уже перебили.

— Ты думаешь... Может быть, хоть один еще жив?

— Мы услышали бы его крики или заметили его в толпе туземцев. Посмотри: все воины еще на берегу, и между ними я не вижу ни одного живого малайца.

— Ты прав. Сколько потерь!

— Не мы виновны в гибели команды: не мы споили их. Они воспользовались нашим отсутствием, чтобы разгромить склад и напиться; они сами погубили себя. Если бы не их легкомыслие, все они были бы здесь, на борту, целы и невредимы.

— Ты прав,— еще раз грустно проговорил капитан.— Мы все сделали, чтобы спасти их... Но мне не приходилось еще возвращаться домой, потеряв всю команду и добычу.

— О, капитан, сколько ловцов трепанга совсем не возвращались... В дорогу, капитан! Нас только пятеро, а туземцев в сто раз больше.

— Хорошо, старина. Подними якоря и поставь паруса. Недоставало только, чтобы и мальчики попали в руки этих чудовищ.

— Есть, капитан! Ганс, Корнелий, Лю Ханг, к шпилю! — раздался приказ Ван-Горна команде.

— Поднимем сначала якорь на корме. Ветер с востока, нос будет тогда поставлен прямо к выходу из бухты.

Ван-Горн забрался на бак, чтобы рассмотреть положение якоря; остальные наблюдали за ним, ожидая его приказаний. Вдруг все увидели, как он побледнел.

— Капитан! — вскричал он надтреснутым голосом.

— Что с тобой, Ван-Горн?

— Якорная цепь перерублена и упала на дно!

— Перерублена? Не может быть. Она так крепка и толста.

— Цепи носового якоря тоже нет! — закричал с носа джонки Корнелий, поспешивший туда, чтобы осмотреть второй якорь.

Капитан бросился на нос и сам убедился в том, что цепь второго якоря также была перерублена; от нее оставался лишь конец, длиной не более метра, свисавший из кьюза бакборта. На последнем звене цепи оставались следы ударов топора.

Ван-Сталь подошел к молодому малайцу и, не спуская с него глаз, злобно процедил сквозь зубы:

— Безумцы, что вы сделали в мое отсутствие? Вам мало было ограбления склада и моей палатки, вам нужно было еще погубить судно?

— Нет, капитан,— отвечал Лю Ханг.— Никто из экипажа не рубил цепей. Клянусь вам!

— Ты говоришь правду, Лю Ханг?

— Да, капитан; да и к чему нам было рубить якорные цепи? Ведь не нам желать гибели судна, которое должно было доставить нас домой.

— Так кто же тогда разрубил цепи?

— Не знаю, капитан.

Ван-Сталь погрузился в размышления, но через минуту он уже все понял.

— Ван-Горн!— вскричал он, хлопнув себя по лбу.

— Капитан...

— Где туземец, наш пленник? Мы совсем забыли про него.

— Он должен быть внизу, в трюме.

— Пойдем, посмотрим.

Они быстро направились в кормовое помещение, а оттуда в трюм. Пленника там не было. В том месте, где он должен был находиться, валялись обрывки распутанных веревок; они, казалось, были перегрызаны зубами.

— Теперь я понимаю,— сказал капитан.— Этот разбойник воспользовался пьянством малайцев, перегрыз свои веревки и, освободившись, разрубил цепи топором, который он нашел где-нибудь на судне. Он рассчитывал, что ветер отнесет джонку на рифы. Потом он удрал вплавь.

— Но как это джонка осталась на месте, когда ее больше не держали якоря? Отлив должен был отнести ее в море.

— Ты пугаешь меня, Ван-Горн.

— Вы п
— Да, м
— Что д
— Пойд

Они выб
Горн, перег
всматривать
взглядом до
очень скоро
нившись наб
едва покрыт

— Дело
пивший на л
— Ну чт
— Весь
— Сейча
— Да, ка
— Котор
— Скоро
— Через
надеяться, чт
— Но ес
— У нас
гого, как пус

Австралий
удовлетворит
трепанга, кот
Теперь по
ная суета на
товят нападен
запасы на мно
нима для них
Они скопи
копьями глуби
щуюся от бер
гие в это вре
но все безрезу
метров было
Несмотря
теряли надежд
азартом выка

— Вы понимаете, капитан: если...
— Да, мы завязли в песке!
— Что делать?
— Пойдем наверх.

Они выбрались из трюма и взбежали на палубу. Ван-Гори, перегнувшись через перила палубы, упорно стал всматриваться в воду, как будто хотел пронзить ее взглядом до самого дна. Но это оказалось не трудно: очень скоро он обнаружил, что джонка, слегка склонившись набок, и впрямь завязла килем в песке отмели, едва покрытой на два метра водой.

— Дело дрянь,— сказал Ван-Гори, обтирая выступивший на лбу холодный пот.

— Ну что? — спросил его капитан.

— Весь киль в песке.

— Сейчас идет отлив, не правда ли?

— Да, капитан!

— Который час?

— Скоро полдень.

— Через несколько часов начнется прилив. Будем надеяться, что он снимет джонку с мели.

— Но если и прилив не поможет нам сняться?

— У нас есть шлюпка. Нам ничего не остается другого, как пуститься в нее по воле волн.

Глава восьмая

НА МЕЛИ

Австралийцы не покидали берега; они не захотели удовлетвориться убийством команды и захватом всего трепанга, который не надолго насытил бы их.

Теперь помыслы их простирались дальше. Непрерывная суета на берегу ясно показывала, что туземцы готовят нападение на джонку, где они рассчитывали найти запасы на много дней. Но задача эта была трудновыполнима для них.

Они скопились у гряды береговых рифов и измеряли копьями глубину воды в расчете набрести на косу, тянущуюся от берега до отмели, где застряла джонка. Другие в это время метали с берега стрелы и бумеранги, но все безрезультатно: пространство в триста с лишним метров было непреодолимо для их снарядов.

Несмотря на бесплодность своих попыток, они не теряли надежды добиться желаемого и с еще большим азартом выказывали признаки явной враждебности.

— Пусть они орут, сколько хотят,— сказал капитан юношам после того, как удостоверился в бесплодности усилий туземцев. Они не смогут нас атаковать. А у нас есть работа посерьезней: надо снять джонку с мели.

— Чем мы можем помочь, дядя?

— Прежде всего нужно бросить еще один якорь с кормы, не то при свежей зыби прилив может снять джонку с мели и бросить ее на камни. Особенно бояться этого не следует — джонка слишком глубоко увязла в песке, но ни одна предосторожность не будет лишней.

— У нас остался только один маленький якорь; он не удержит джонки.

— Удержать-то он не удержит, но все же окажет сопротивление. Потом мы поставим паруса, чтобы быть наготове и воспользоваться первым же ветром. Мы должны покинуть бухту, как только прилив поставит джонку на воду.

— Капитан,— вмешался Ван-Горн.— Мы можем уменьшить осадку джонки. У нас на борту больше двадцати тонн воды и в трюме большой балласт.

— Верно. И то и другое — в море! Один из нас остается на часах на палубе у камнемета. Нужно зорко наблюдать за тем, что делается на берегу, иначе туземцы могут напасть на нас врасплох. А все остальные — в трюм!

— Лю Ханг, останься ты у камнемета,— приказал малайцу Ван-Горн.

— Он? — И капитан отрицательно покачал головой.

— Вы можете довериться мне, капитан! — вскричал обиженный малаец.— Я не предатель, клянусь! Вы спасли мне жизнь, я этого никогда не забуду.

— Ладно, я тебе верю. Оставайся здесь, на палубе. Если ты увидишь, что туземцы пробираются к джонке, стреляй по ним.

— Скорее я умру, чем подпущу их на ружейный выстрел.

— На места! За работу!

Малаец остался на часах, а остальные четверо спустились в трюм и принялись подкатывать бочки с водой к широкому люку, чтобы потом при помощи блока поднять их на палубу.

Они выкатили уже несколько бочек, когда заметили, что балласт, лежавший под бочками, влажен.

— Что это? — удивленно сказал капитан.— Либо одна из бочек протекает, либо течь в корабле.

— Все
Гори.
— Но о
— Этого
ни на один
тельно пров
— Это
— Може
но в очень
пости: у нас
мы пустим
— Ладно
им племяни
— Бегит
веревки, про
через люк в
Братья н
тана. Веревк
бочки были п
раскупорены,
очередь до гр
чительного к
Пока бел
на часах и н
Лю Ханг
ему было все
ходным плов
Теперь он ос
но нес свои
цом, скрытым
шляпой, прид
гриба, он вни
туземцев на б
градом пуль.
Австралий
мания на джо
бумерангов, к
назад к метав
Воины наб
жирали трепа
реных еще го
У подножи
мавшийся к не
чего доброго: а
тых малайцев.
К двум часа

— Все бочки в полной сохранности,— ответил Ван-Горн.

— Но откуда-то пробивается вода.

— Этого не может быть, капитан. Мы не наткнулись ни на один риф, а джонка перед отплытием была тщательно проверена.

— Это так, но китайские суда не очень-то надежны.

— Может быть, вода и просачивается где-нибудь, но в очень незначительном количестве. Я не вижу опасности: у нас есть с собой насос, и в случае надобности мы пустим его в ход.

— Ладно,— согласился капитан и, обращаясь к своим племянникам, отдал распоряжение:

— Бегите назад на палубу, достаньте две толстые веревки, пропустите их через блок и спустите сверху через люк в трюм.

Братья немедленно выполнили распоряжения капитана. Веревки были спущены вниз; наполненные водой бочки были поочередно перевязаны, подняты, а на палубе раскупорены, и вода из них вылита в море. Потом дошла очередь до гравия, служившего балластом; кроме незначительного количества, он весь был выброшен в море.

Пока белые были заняты этой работой, малаец стоял на часах и не спускал глаз с берега.

Лю Ханг был самым молодым матросом экипажа — ему было всего восемнадцать лет,— но он был превосходным пловцом и потому одним из лучших рыбаков. Теперь он остался один из всей команды и добросовестно нес свои обязанности. Опершись на камнемет, с лицом, скрытым под широкополой, сплетенной из бамбука шляпой, придававшей всей его фигуре вид исполинского гриба, он внимательно наблюдал за каждым движением туземцев на берегу, каждую минуту готовый осыпать их градом пуль.

Австралийцы, по-видимому, не обращали больше внимания на джонку. Они устали от бесполезного метания бумерангов, которые, не достигнув цели, возвращались назад к метавшему их.

Воины набросились теперь на склад и взапуски пожирали трепанг, не отличая готовый трепанг от невываренных еще голотурий.

У подножия скал горел громадный костер; поднимавшийся к небу столб дыма и огня не предвещал ничего доброго: австралийцы готовились сжигать тела убитых малайцев.

К двум часам пополудни на джонке были опорожнены

все бочки с водой, был выброшен за борт почти весь балласт. Все это значительно облегчило судно.

Кроме того, капитан и штурман перенесли с бакборта на штирборт все продовольственные запасы, сундучки команды и весь остальной груз джонки, уменьшив таким образом тяжесть застрявшей в песке части судна.

Корнелий и Ганс не покидали палубы, непрерывно наблюдая за застрявшим в песчаном дне килем джонки. Прилив уже начался, и отмель чем дальше, тем больше скрывалась под водой.

— «Хай Нам» станет на воду, уверяю тебя. Дядя утверждает, что сегодня прилив будет не такой, как обычно,— говорит Корнелий Гансу.

— Ты хочешь сказать, что вода поднимется выше обычного уровня?

— Да, конечно,— подтвердил капитан, показавшийся в это время на палубе.— Четвертого и тридцатого числа этого месяца в этих местах наблюдается то, что моряки называют большим приливом.

— Разве приливы не всегда одинаковы? — спросил Ганс.

— Нет,— ответил капитан.

— Они зависят от морских течений?

— Нет, от притяжения луны и отчасти от влияния солнца.

— Но я совершенно не могу понять эту зависимость между приливом и лунным притяжением. Почему подъем и опускание уровня моря совершаются поочередно каждые шесть часов?

— Неудивительно, что ты не можешь это понять. В течение веков это явление оставалось одним из самых загадочных, над ним ломали себе головы образованнейшие люди еще в древности. Это явление было настолько непонятно, что греки называли его «могилой человеческой любознательности». Только с течением времени астрономы догадались о влиянии луны на уровень вод. Во времена Галилея и Коперника еще оставались некоторые сомнения. Только Ньютон в конце семнадцатого века точно установил, что воды подвергаются притяжению луны, а впоследствии знаменитый ученый Лаплас подтвердил гипотезу Ньютона.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что я не мог ничего понять.

— Однако это очень просто. Как тебе, конечно, известно, большая часть поверхности земного шара покрыта водой, текучей и подвижной. Что же выходит из того,

что луна оказывает влияние на нашу планету? То, что воды, находящиеся непосредственно под воздействием силы притяжения луны, скапливаются, что приводит к подъему уровня воды, то есть к приливу. Воды, более отдаленные от сферы непосредственного влияния луны, также подвержены этому воздействию, но в меньшей степени, так как сила притяжения луны там слабее. Воды же, находящиеся вне сферы воздействия луны, то есть находящиеся в противоположном полушарии, подвергаются, наоборот, действию отлива. Таким образом мы обнаруживаем два сильных, но противоположных движения вод: одно — на той части поверхности, которая находится под луной, другое — на противоположной ей части земного шара, скрытой от воздействия луны.

— Я понимаю, дядя, что подъем вод перемещается: воды поднимаются то на одной части земного шара, то на другой. Но почему подъем вод совершается в точно определенное время?

— Это явление [illegible] в зависимости от вращения Земли. Земля [illegible] вокруг своей оси, совершая полный оборот в течение двадцати четырех часов. В течение этого времени она поочередно подставляет различные точки своей поверхности под воздействие луны, подвергая все воды [illegible] движению.

— Значит, луна [illegible] океан в непрерывном движении?

— Да. Но не только воздействие луны движет воды на всем земном шаре. И солнце оказывает свое влияние.

— Солнце? Ведь оно отстоит так далеко от Земли.

— Поэтому-то его влияние менее чувствительно и интенсивно, чем влияние луны. Солнце тоже вызывает приливы и отливы, но очень слабые, так что, в сущности говоря, солнце только оказывает влияние на лунное притяжение, то задерживая, то ускоряя время приливов и отливов, увеличивая или уменьшая размеры этого явления. Именно потому, что солнце так удалено от нас, влияние его составляет примерно только одну треть от силы воздействия ближайшего к нам светила — луны.

— А бывает так, что обе силы действуют одновременно?

— Да. И тогда совершается то, что называют «большим приливом». Если притяжение луны поднимает уровень вод на пятьдесят сантиметров, то одновременное притяжение луны и солнца увеличивает подъем до семидесяти пяти сантиметров.

— Дядя, а правда, что бывают приливы, поднимающие воду на очень значительный уровень?

— Да, конечно.

— И в этом случае причиной является солнечное и лунное притяжение?

— Нет, сила их притяжения всегда одинакова. Эти исключительные по размерам приливы являются следствием очертания берегов. Можно легко заметить, что в открытом океане вода во время прилива никогда не поднимается выше обычного уровня, того уровня, который является следствием двойного притяжения луны и солнца. Но у материков замечаются значительные колебания. В некоторых местах уровень воды поднимается на 12—15 метров, а в заливе Фент в Новой Шотландии их уровень достигает во время прилива двадцати четырех метров. Объясняется это тем, что воды, притекающие благодаря притяжению, скапливаются в узких бухтах.

Эта беседа на темы, лишь отдаленно касавшиеся положения уцелевшего экипажа джонки, была внезапно прервана криком Ван-Горна, появившегося на палубе.

— Капитан! — вскричал он.—Я слышу треск под трюмом.

— Ага! Хороший признак,— довольным голосом ответил Ван-Горну капитан.— Приготовься, чтобы мы могли захватить восточный ветер, как только прилив снимет судно с мели.

— Все наверх!

Вся команда вскарабкалась по вантам на реи. Они развязали тотчас же надувшиеся паруса.

На берегу увидели этот маневр и поняли, что белые собираются покинуть бухту. Тотчас же туземцы бросились к воде. До джонки докатились их яростные крики, а подскочивший к камнемету Ван-Горн увидел всю эту толпу, ощетинившуюся копьями и топорами. Некоторые смельчаки бросились прямо в воду, другие побежали по камням вдоль берега, не зная, как им добраться до джонки...

— Укрепите канат якоря к шпилю,— крикнул капитан Ван-Горну.— Якорь все на бакборте?

— Все в том же положении, капитан,— ответил старый моряк.

— Он удержит судно?

— Надеюсь, что удержит!

— Значит, повернув шпиль, мы сможем двинуться вперед и снять с мели штирборт?

— Уж м

дело.

В этот м

того, что кил

мается прили

Капитан

себе отчет в п

быстротой, чт

и рассмотрет

возможно.

Ветер над

тем самым вы

киля о песок,

— Мы пл

нелий.

— А дика

Ван-Горн.— Э

Передовой

время достичь

дикари стали

как с джонки

Лю Ханг бы

После первого

простерлись т

в руках бумер

отбита...

И тотчас в

в последний р

лива закачала

— Поднят

Ван-Гори,

в одну минуту

Ван-Сталь

его команда м

зовать всю си

Через неск

скользя по спо

залив Карпент

С бесспльно

ляющийся кора

нуться с места,

— Уж мы-то постараемся, а прилив сделает свое дело.

В этот момент по джонке пробежала дрожь: знак того, что киль освобождается из песка и судно поднимается приливом.

Капитан не спускал глаз с воды; он старался отдать себе отчет в положении судна, но вода прибывала с такой быстротой, что отмель скрывалась, уходила все глубже, и рассмотреть подводную часть судна становилось невозможно.

Ветер надувал паруса и кренил джонку на бакборт, тем самым выпрямляя судно. Вскоре послышался скрип киля о песок, и джонка закачалась на волнах.

— Мы плывем на [illegible]! — вскричали Ганс и Корнелий.

— А дикари бе[illegible]ются вперед...— отозвался Ван-Гори.— Эй, Лю Ханг, угости их картечью.

Передовой отр[illegible] действительно успел за это время достичь вплавь [illegible] косы. Но лишь только дикари стали на ноги и собирались метнуть бумеранги, как с джонки на них обрушился град картечи.

Лю Ханг был такой [illegible] хороший стрелок, как и пловец. После первого же выстрела из камнемета на песке распростерлись тела австралийцев с судорожно зажатыми в руках бумерангами. Последняя атака дикарей была отбита...

И тотчас вслед за громыханием камнемета джонка в последний раз вся содрогнулась и под напором прилива закачалась на поверхности воды.

— Поднять якорь! — крикнул капитан.

Ван-Гори, Корнелий и Ганс уже подбежали к шпилю и в одну минуту подняли маленький якорь.

Ван-Сталь перебежал на корму и стал у румпеля, а его команда маневрировала парусами, стараясь использовать всю силу попутного ветра.

Через несколько минут чудом спасшаяся джонка, скользя по спокойной поверхности вод, уж пересекала залив Карпентариа.

Глава девятая

МЕСТЬ ДИКАРЯ

С бессильной злобой смотрели австралийцы на удаляющийся корабль. Они знали, что он не может двинуться с места, и, не рассчитывая на действие прилива,

считали его своим со всем его грузом и людьми; только ружья и камнемет не давали им овладеть сейчас же всей этой добычей. Но, нарушив все их расчеты, прилив и попутный ветер унесли из-под их носа и корабль, и груз, и людей.

Они бегали вдоль берега, взбирались на кручи, грозили, кричали, потрясали копьями. Своими злобными криками они рассчитывали запугать капитана и заставить его отказаться от намерения высадиться в другом месте побережья. По их мнению, только для этого он и поднял паруса.

Но это была праздная беготня и бесполезный вой: джонка, все подгоняемая свежим ветром, быстро уходила из бухты.

Капитан держал курс на северо-запад к далекому Торресову проливу. Он рассчитывал выйти в Моллукское море и добраться затем до места своего отправления — острова Тимора.

Все показывало, что джонка ничуть не пострадала от того, что завязла в отмели. Хотя это и было судно китайской постройки, но оно устойчиво стояло на воде, несмотря на начинавшееся сильное волнение.

— Горланьте, скачите по берегу, сколько вашей душе будет угодно — нас вы не увидите, как своих ушей,— приговаривал Ван-Горн, глядя, как беснуются на берегу дикари.— Я не запрещаю вам проводить нас хотя бы до самого Торресова пролива.

— Ну, теперь они уже не страшны нам,— задумчиво сказал Корнелий, только теперь выказавший, какой страх внушали ему туземцы.

— Нам-то они уже не страшны; но они могут похвастаться хорошей добычей. Бедные малайцы! Никому уже теперь не спасти их. Да, если бы не их невоздержанность, все спаслись бы, и мы вывезли бы из бухты немалый груз трепанга,— отозвался Ван-Сталь.

— Как ты думаешь, доберемся мы до Тимора? — спросил Ван-Горн.

— Что же нам помешает? — ответил Ван-Сталь.— Правда, нас только пятеро, но с перестановкой парусов джонки мы как-нибудь справимся. Только бы пройти к Торресову проливу, и нам больше нечего бояться. А пролив опасен: в нем множество коралловых рифов и островков.

— Плохо только, если нас захватит буря, Ван-Горн. Мне кажется, что там на юге, в глубине залива собираются тучи,— добавил капитан.

— Правда
чью нужно с
выдержала уж
вится.
— Я не
крепкая посуд
несдобровать.
жен.
Все джонк
тс-ао-ш-ван, и
по большей ч
суденышки, ч
округе гибнет,
тысяч человек
джонках, плох
ураганы, что л
— Не очен
Нам»,— сказал
— Я уже в
исключение,—
оснащена и сл
капитан Ван-С
не годным суд
— Эй! Ван
тебе не кажетс
борт?
Вопрос кап
окинул быстры
но слегка крен
жению парусов
— Странно,
Можно подума
и он перекатило
одну тонну, отк
— Ну что,
питана.
— Ничего н
вый борт; можн
нее вырос горб.
— Идет она
— Идет она
— Пусть и
крена. Я это то
Горн, стань у ру
Ван-Горн под
— Куда дер

— Правда,— сказал Ван-Горн, хмуря брови.— Ночью нужно ожидать сильного ветра. Ничего: джонка выдержала уже не одно испытание, и с ветром она справится.

— Я не спорю с тобой, Ван-Горн, «Хай Нам» — крепкая посудина. Но если буря продлится долго, нам несдобровать. Киль китайских судов не очень-то надежен.

Все джонки, и большие, которые китайцы называют тс-ао-ш-ван, и маленькие — ту-менг или та-ию-ш-ванг, по большей части никуда не годятся. Это такие утлые суденышки, что в одном только Кантонском морском округе гибнет, говорят, на джонках ежегодно несколько тысяч человек. Они пускаются в плавание на таких джонках, плохо переносящих частые в Китайском море ураганы, что люди гибнут на них тысячами.

— Не очень-то это утешительно для нас и для «Хай Нам»,— сказал Корнелий.

— Я уже вам говорил, что «Хай Нам» — счастливое исключение,— успокоил его Ван-Горн.— Она хорошо оснащена и слушается руля. Вы сами понимаете, что капитан Ван-Сталь не взялся бы командовать никуда не годным судном.

— Эй! Ван-Горн,— прервал его голос капитана,— тебе не кажется, что джонка немного кренит на правый борт?

Вопрос капитана неприятно удивил Ван-Горна. Он окинул быстрым взглядом палубу: джонка действительно слегка кренила на правый борт, тогда как по положению парусов крен должен был быть на левый.

— Странно, странно,— пробормотал Ван-Горн.— Можно подумать, что у нас в трюме большой балласт и он перекатился с места на место. Но мы оставили всего одну тонну, откуда же этот крен?

— Ну что, Ван-Горн? — раздался опять голос капитана.

— Ничего не понимаю: крен действительно на правый борт; можно подумать, что джонка охромела или у нее вырос горб.

— Идет она все же хорошо?

— Идет она в полном порядке.

— Пусть и идет так. Мы потом выясним причину крена. Я это только сейчас заметил. Пойди сюда, Ван-Горн, стань у румпеля.

Ван-Горн подошел к капитану.

— Куда держать?

— Северо-северо-запад. Прямо на остров Вессель. Однако погода как будто портится; скоро может подняться буря.

— Если ветер усилится, нам придется спустить часть парусов.

Оба морских волка не ошибались. У южной оконечности залива Карпентариа собирались, стремясь охватить все небо, тяжелые свинцовые тучи, окаймленные полоской цвета меди. Время от времени с юга налетали порывы ветра, гонимого, верно, с материка,— из великой каменистой пустыни, которая охватывает большую часть австралийского континента.

Море начинало бурлить; вода теряла свою лазурную окраску, становясь грязно-желтой, а на гребнях волн переливались желтоватые тени.

К шести часам вечера, когда подернутое плотной облачностью солнце скатывалось к горизонту, с юга стали доноситься далекие раскаты грома. Ветер, внезапно сильно посвежевший, засвистел в мачтах и реях. На воде поднимались беспорядочные массы волн, сталкивавшиеся друг с другом и разбивавшиеся со зловещим грохотом.

— Скверная будет ночь,— проговорил капитан, обращаясь к своим племянникам, которые хмуро наблюдали за быстрым скоплением туч. — К счастью, залив Карпентариа очень широк, в нем есть только несколько опасных мест около острова Эдуарда Пелью. А от Торресова пролива мы находимся еще далеко.

— Подберем паруса, дядя,— предложил Корнелий.

— Хорошо, это разумно. Помогите мне, и ты поди сюда, Лю Ханг.

Главный парус джонки был, правда, слишком велик; резкие шквалы ветра могли накренить джонку настолько, что волны перекатывались бы через борт. Капитан и Ганс поспешно принялись за уборку главного паруса, а Корнелий и Лю Ханг спускали остальные паруса. Благодаря этой предупредительной мере, уменьшившей силу забираемого ветра, джонка, до сих пор кренившаяся на правый борт, выпрямилась, но внезапно снова накренилась, а со стороны трюма послышался странный шум.

— Это что такое? — вскричал капитан, явно встревоженный.— Вы слышали?

— Да,— ответил Корнелий.— Нет ли кого в трюме?

— Может быть, там спрятались австралийцы?

— Мы обнаружили бы их присутствие, когда выбрасывали балласт.

Но лишь только капитан произнес эти слова, как его лицо покрылось смертельной бледностью.

— Дядя, что с тобой? — одновременно воскликнули оба юноши.

Но капитан не ответил им. Сломя голову, он бросился к корме, крича на ходу Ван-Горну:

— Ван-Горн! Посмотри, не слишком ли глубоко джонка сидит в воде?

— Что вы говорите, капитан?

— Проверь линию осадки: не глубже ли сидит корма, чем нос?

Ван-Горн перегнулся через поручни. Сдавленный крик вырвался у него:

— Течь! Капитан, джонка дала течь! Корма погрузилась на целый метр. Вода покрыла весь руль.

— Корнелий, Ганс, Лю Ханг! — вскричал капитан,— живее за мной — в трюм. Судьба нас преследует!

Все четверо бросились вниз. Невыразимая тревога сжимала их сердца. Только что они спаслись от дикарей и считали себя в безопасности, как море пригрозило им бурей, а джонка — течью.

Добежав до последней ступени трапа, они остановились. Ван-Сталь шел впереди; он ступил в воду.

— Огня! — закричал он.

Лю Ханг с быстротой кошки взбежал по трапу и через минуту появился снова внизу, держа в руках зажженный фонарь. Капитан выхватил у него из рук фонарь и осветил им трюм.

— Трюм затоплен! — вскричали разом Ганс и Корнелий.

Трюм был полон воды; она перекатывалась с борта на борт и разбивалась у основания мачт. Как она проникла в трюм? Неужели это проклятое суденышко дало течь? Но отчего? Может быть, доски днища расширились или разбились при посадке на мель?

Ван-Сталь, бледный, пораженный, озирался по сторонам, ища глазами место пробоины.

— Дядя,— робко спросил его Корнелий,— можно еще спасти джонку?

— Нет, слишком поздно,— глухо ответил Ван-Сталь.

— У нас есть насос.

— Но здесь не меньше пятидесяти тонн воды.

— А ты знаешь, где течь?

— Нет, но ее можно найти. Пока воды тут не больше, чем на метр.

— Тише...

Капитан насторожился, прислушиваясь. В кормовой части слышался плеск, будто исходивший от притекающей струи воды.

— Вот где она, пробоина! Лю Ханг, спустись вниз и проберись туда.

— Куда? К ахтер-пику? — спросил малаец, сбрасывая с себя свой балахон и широкие штаны.

— Да, в самой глубине трюма на левом борту.

Малаец, вооружившись фонарем, решительно вошел в воду и направился в ту сторону, куда ему указал капитан. Было видно, как он нагнулся, опустил в воду руку, внимательно пошарил вокруг себя и затем бегом направился назад, рассекая с силой перекатывавшуюся с борта на борт воду.

— Капитан,— крикнул Лю Ханг,— кто-то погубил нас.

— Что ты сказал?

— Кто-то пробил дыру в днище.

— Пробил дыру?

— Да! Я нащупал еще торчащий в дереве топор...

— Но кто это мог сделать?

— Не знаю, капитан. Может быть, дикарь, ваш пленник?

— А, негодяй! — вскричал Ван-Сталь.— Да, это он! Теперь я понимаю: после того как он разрубил якорные цепи, он сделал пробоину в джонке, чтобы не дать нам уплыть. Дыра велика?

— Длиной с мою руку и широкая.

— Тогда никакой насос не поможет. Нет возможности уменьшить приток воды. Теперь делать нечего. Мы погибли!

Все вернулись на палубу.

Над заливом спустилась ночь. Море было мрачно. Высокие валы, с желтой пеной на гребнях, со стоном вырастали с юга и разбивались о борта джонки, которая трещала под их ударами. Как будто спущенные с цепи ветры рычали и свистели на все лады между снастями: они трепали паруса, теперь беспомощно повисшие. Вдалеке, со стороны земли Аригейма и Торреса, молнии разрывали небо, гремел гром.

Волны, перекатываясь через борт, разбивались на палубе судна и с яростным шумом растекались по палубе.

Ван-Горн все стоял у румпеля, прямо, не сгибаясь, выдерживая все удары урагана.

— Ван-Гори,— тихо сказал капитан, подходя к нему,— джонка тонет.

— Тонет?!

— Дикарь прорубил днище; вода вливается потоком. — О, разбойник! Что же делать, капитан? Если бы берег был близко, мы попытались бы достичь его и выброситься на мель...

— Земля Торреса очень далеко от нас, а джонка через полчаса пойдет ко дну.

— Может быть, мы успеем сколотить плот?

— Времени хватило бы, но при такой буре мы не будем в состоянии спустить его.

— Не пересесть ли нам в шлюпку?

— Так и придется сделать.

— Да она не выдержит такой бури.

— Она должна выдержать! Только не падай духом, тогда мы выдержим и не такую бурю. Но надо действовать, и скорей. Пока мы только висим над пропастью.

— Спускать шлюпку, капитан? Только бы не забыть оружия и снаряжения; мы ведь не знаем, куда нас выбросит море.

— Будь спокоен: оружие погрузят в первую очередь. Ганс, Корнелий, Лю Ханг, за мной!

Глава десятая

УРАГАН

Действительно, положение наших ловцов трепанга было ужасным.

Вся команда и рыбаки, кроме Лю Ханга, попали в руки австралийцев; на глазах всего экипажа туземцы разгромили склад голотурий, представлявший для них целое состояние; хотя сами моряки, правда, спаслись на джонке, но все это для того, чтобы снова очутиться на краю гибели и ждать момента, когда их поглотит море.

Если бы море было спокойно, как во все дни лова, моряков не смутила бы гибель джонки, которой и управлять было трудно с такой малочисленной командой, да еще в малознакомых морякам водах, усеянных подводными рифами. Их не страшило и то, что они находились у берегов, населенных дикими племенами.

Но пуститься в простой шлюпке по морю, во время

урагана — это могло устрашить и заставить отчаяться самых смелых и отважных.

Разве это хрупкое суденышко, едва достигавшее семи метров длины и поднимавшее в лучшем случае шесть тонн, могло сопротивляться ударам валов, неистовству ветров?

Такие мысли мучили капитана и штурмана, хотя и привыкших издавна к превратностям жизни моряков. Но как бы ни было безнадежно их положение, оба морских волка держали себя спокойно и уверенно, чтобы не волновать своих и без того напуганных молодых спутников.

Джонка так или иначе погибла; ее нужно было немедленно покинуть, так как от врывавшейся со всех сторон воды она все глубже погружалась в море.

Время от времени палуба целиком скрывалась под перехлестывавшей через борт волной. Часть судовых помещений на юте уже была затоплена; на другом конце корабля вода постепенно заливала кубрик команды.

Экипаж тонувшей джонки наскоро собрал и снес в безопасное место несколько ружей, топоры, порох, пули, провиант на две или три недели, бочонок с водой, маленькую мачту, парус, несколько одеял и самые необходимые вещи. В несколько минут все это было уложено и укреплено веревками в шлюпке, а оружие и снаряжение было укрыто брезентом.

— Спускай шлюпку! — скомандовал Ван-Сталь.

— Капитан, как бы она не разбилась о борт джонки.

— Корнелий, ты первый сядешь в шлюпку; держи ее подальше от борта.

Все пятеро принялись общими усилиями подводить шлюпку под тали.

— Садись! — скомандовал капитан.

Корнелий забрался в шлюпку; с борта отдали тали, и шлюпка стала на воду.

Но лишь только она коснулась воды, как ее подбросила громадная волна; только благодаря тому, что шлюпка находилась с подветренной стороны, она не только не ударилась о борт, но оказалась выброшенной в море так далеко, как только позволила длина отданного конца.

— Хорошо держится шлюпка? — кричал с джонки капитан.

Надрывая голос, чтобы побороть рев бури, Корнелий отвечал:

— Прекрасно!

— Течи нет?

— Нет.

— Прыгай ты, Ганс,— обратился капитан к Гансу, когда шлюпка была снова подведена к борту джонки.

Ганс зацепился за тали и, крепко держась, чтобы волны не унесли его, соскользнул вниз; в одно мгновение он оказался рядом с братом. За Гансом последовал Ван-Горн, потом Лю Ханг и наконец последним спустился в шлюпку капитан.

Посадка была окончена как раз вовремя: джонка, покрытая водой, быстро погружалась. Удары волн еще поднимали ее, но было ясно: час ее пробил. Вода, проникавшая в трюм, вырывалась уже на палубу, а волны перекатывались через борт и с таким неистовым ревом заливали все внутренние помещения, словно только ждали, когда же корабль наконец станет добычей моря.

При мертвенном [illegible] молнии спасшиеся в шлюпке могли заметить, как [illegible] в последний раз всплыла на поверхность. Потом [illegible] исчезла под водой, оставив за собой дал[illegible] круги водоворота.

Несколько мгнов[illegible] под водой еще покачивались верхушки мачт, но [illegible] и они погрузились в пучину. И все бесследно скр[illegible] «Хай Нам» погрузилась на дно моря, чтобы разлечься там вдребезги, столкнувшись с первым же коралловым рифом, которым усеяно почти все дно залива.

— Бедная «Хай Нам»,— проговорил Ван-Сталь,— и мы, быть может, скоро последуем за тобой.

Между тем катившиеся с южной стороны залива волны быстро относили шлюпку от места трагического погребения джонки в море.

Ван-Горн сидел на корме, держа румпель; юноши с помощью Лю Ханга успели водрузить мачту, поставили парус, правда, только наполовину, чтобы обеспечить устойчивость шлюпки.

— Куда держать, капитан? — обратился к капитану Ван-Горн.

— К ближайшему побережью Австралии,— ответил Ван-Сталь.— В такую бурю я не решусь ни переплыть залив, ни плыть к островам Пелью, Вельслей или Гроот. Позже мы попытаемся добраться к северному побережью земли Арнгейма. Смотрите за парусами, ребята; а ты, Ван-Горн, берегись валов.

— Что бы там ни было, я не оставлю руля, капитан.

Положение спасшихся с «Хай Нам» моряков было теперь более чем катастрофическим.

Ураган ревел с новой силой. За мраком ночи наступила ночь огня. Молнии беспрестанно пронзали низко нависавшие плотные массы туч, которые сгущались где-то в высоте и уходили по направлению к проливу Торреса.

Ужасающие раскаты грома, доносясь с юга, расходились к северу с неослабевающей силой; гром мешался со свистом и воем ветра и многократным грохотом сталкивавшихся валов.

Шлюпка — соломинка, затерявшаяся в водной пустыне,— была подвержена всем превратностям разбушевавшейся стихии: то ее бросало на гребень громадной волны, но она все же не теряла своей устойчивости; то она падала в какую-то пропасть, которая, безусловно, должна была навсегда замкнуться над нею, но новая волна подбрасывала ее наверх, а ветер гнал ее дальше, на следующую волну. Когда шлюпка ложилась на правый борт, волна перебрасывала ее на левый; когда левый борт уже готов был погрузиться в воду, шлюпку снова перебрасывало на правый борт.

Капитан не выпускал из рук шкота, все больше и больше подбирая парус. Твердым, бесстрастным голосом он отдавал приказ за приказом.

Ван-Горн не спускал рук с румпеля и умело направлял шлюпку, ни на минуту не отрывая глаз с бушующего моря и не давая волнам опрокинуть шлюпку.

Время от времени капитан голосом и жестом подбадривал свою команду:

— Ну, как, не страшно, ребята? — спрашивал капитан.

И на этот вопрос неизменно следовал один и тот же ответ:

— О, нет, дядя!

— Нет, капитан, мы еще поборемся!

Но голоса юношей дрожали и резко противоречили смыслу произносимых слов.

Как бы то ни было, шлюпка с удивительной быстротой шла вперед. Ее бросали волны, гнал ветер, и она набирала все большую скорость, держа курс на австралийский берег, который был уже недалеко.

Теперь — только бы все шло так и дальше — смельчаки могли рассчитывать найти спокойный приют. Побережье земли Торреса было во многих местах изрезано рукавами, а входы в них образовывали маленькие бухты.

Но земли все еще не было видно, а шторм не стихал;

напротив, он крепчал, становился все яростнее и подвергал новым испытаниям отвагу злосчастной команды шлюпки. Ветер, дувший все сильнее и сильнее, гнал с юга на север настоящие водяные горы.

В два часа ночи шлюпка оказалась на самом краю гибели. Сперва она оказалась между двумя стенами громадных валов, которые, столкнувшись, подняли ее сразу на высоту и внезапно раскрыли под ней пропасть; шлюпка провалилась в эту пропасть, но, к счастью, новая волна подхватила ее и подняла на свой гребень.

И на этот раз шлюпка была спасена, но почти до бортов залита водой. Это был ужасный момент. Каждый сказал себе: теперь — конец!

Час спустя другая волна, подхватив шлюпку на полном ходу, едва не опрокинула ее, но Ван-Горн выпрямил ее резким и быстрым поворотом руля, а капитан, и здесь не потерявший присутствия духа, отдал шкот, чтобы ослабить силу ветра.

Почти тотчас же после того Корнелий, находившийся все время на носу, радостно вскричал:

— Земля! Земля! — Он один увидел землю при свете молнии.

— Земля? Где? — посыпались вопросы.

— Перед нами.

— Ты не ошибся, Корнелий?

— Я видел ее совершенно отчетливо.

— Как раз впереди нас?

— На северо-востоке.

— Далеко?

— В трех милях, верно.

— Если это действительно земля, то мы идем правильно — к побережью Торресовой земли. Осторожнее, Горн, смотри, не наскочить бы нам на риф.

— Если бы это была действительно земля,— не выдержал Ганс.

— Крепись, Ганс! Все время ты был молодцом, так теперь не падай духом. Еще немного усилий и терпения: это, верно, наше последнее испытание.

Снова сверкнула молния.

— Видели? — закричал Корнелий.

— Нет. Но мне кажется, что я слышу звук разбивающихся о камни волн,— отозвался Ван-Горн.

— Да, тут должна начаться линия рифов,— подтвердил капитан.

Доверив шкот малайцу, капитан перешел на нос шлюпки. Внимательно вглядываясь вдаль, он старался

увидеть при свете молнии землю, но перед его глазами расстилалось все то же бушующее море. Вслушиваясь в доносившийся откуда-то гул, он различал какие-то удары: то не был грохот сталкивавшихся валов, в этом он был уверен.

— Да,— промолвил он,— там, должно быть, земля или рифы. Только бы молния сверкнула еще раз.

Ждать долго не пришлось; ослепительный свет внезапно залил на мгновение весь залив.

— Буруны!..— не своим голосом крикнул Ван-Сталь.— Руль на правый борт! Трави шкот!

Ван-Горн тотчас выполнил приказ, так же как и Лю Ханг, вовремя успевший стравить шкот, и шлюпка резко повернула на север.

Только благодаря молниям капитан и Корнелий успели вовремя рассмотреть риф. Шлюпка была совсем близко от него, может быть, не более чем в трехстах метрах. Одно мгновение промедления, неправильный маневр — и шлюпка разбилась бы вдребезги.

— Опять спасены,— облегченно вздохнул Ван-Сталь.— Но где же земля?

— Она не может быть далеко,— ответил Корнелий.

— Я ничего не вижу на востоке. Нам придется, видно, до зари бороться с волнами, если они не поглотят нас раньше.

— Дядя...— вскрикнул вдруг Ганс,— посмотри туда!

— Что ты увидел?

— Свет.

— Огни корабля?

— Нет. Скорее огни пожара.

Все повернулись в ту сторону, куда показывал Ганс.

И в самом деле, вдали был виден огонь, правда, очень далекий, настолько далекий, что невозможно было рассмотреть его.

То было какое-то огненное облако то с золотистыми, то с серебристыми отсветами; над ним, несколько выше линии горизонта, колыхались как будто массы расплавленного металла с бледно-зелеными прожилками, рассеченными пурпуровыми полосами.

— Что там происходит? — спросил Корнелий.

— Можно подумать, что море горит,— удивился Ван-Горн и даже встал, не выпуская все же из рук румпеля.

— Ничего не понимаю,— отозвался капитан.

— Может б
— Тогда бы
сильный, разно
вижу.
— Не извер
— Я никогд
действующие ву
другой: он вздым
стилается по са
Горн, можно ск
как они движутс
ются.
— Вы наш
Горн.— Это, дол
— Которые
— Клянусь,
— Но откуда
— Сейчас мы
странной иллюм
Действительн
ные огни, которы
ляя черное небо
пока для всех
изменялось: в
волны, которые
поднимая и опус
в которых дрожа
В самой зоне
яркие лучи, тотч
нуть в другом м
в трех милях от
вскричал:
— Земля! Пе
— Где? За о
— Да это
теперь я понял.
свечения: волны,
сверкающую пен

К

Несомненно,
ние, какое можно
ние. В зависимост

— Может быть, это горит лес на побережье?

— Тогда было бы видно пламя, а ветер, да еще такой сильный, разносил бы искры, а я ничего подобного не вижу.

— Не извержение ли это вулкана?

— Я никогда не слышал, чтобы в этом краю были действующие вулканы. Да и огонь был бы в таком случае другой: он вздымался бы столбом, а этот, кажется, расстилается по самой поверхности воды. Посмотри, Ван-Горн, можно сказать, что это огненные волны. Смотри, как они движутся, поднимаются, опускаются и распадаются.

— Вы нашли причину, капитан, — ответил Ван-Горн.— Это, должно быть, и есть огненные волны.

— Которые бьются о берег?

— Клянусь, это так и есть!

— Но откуда этот свет?

— Сейчас мы все узнаем. Буря несет нас к месту этой странной иллюминации.

Действительно, шлюпка неслась прямо на таинственные огни, которые все ширились и расстилались, окаймляя черное небо огненной полосой. Это остававшееся пока для всех непонятным явление все время видоизменялось: в полосе огня то проносились какие-то волны, которые вытягивали огонь в прямую линию, то поднимая и опуская его, то выбрасывая острие языков, в которых дрожали сверкающие искры.

В самой зоне огней то здесь, то там появлялись очень яркие лучи, тотчас же исчезавшие, чтобы снова вспыхнуть в другом месте. Шлюпка была уже не более как в трех милях от этого воздушного костра, когда капитан вскричал:

— Земля! Перед нами земля!

— Где? За огнями? — спросил Корнелий.

— Да это не огонь,— ответил капитан.— Только теперь я понял. Это — великолепная картина морского свечения: волны, разбиваясь о скалы, взметают в воздух сверкающую пену. Внимание, Ван-Горн!

Глава одиннадцатая

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

Несомненно, самое красивое и любопытное явление, какое можно наблюдать в океане,— морское свечение. В зависимости от климата и количества находящих-

ся в водах моллюсков морское свечение развертывается иногда в грандиозное зрелище.

Это явление, которое, понятно, нельзя наблюдать днем, достигает наибольшей интенсивности и величественности в темные ночи, когда луны на небе нет, а звезды укрыты густой завесой туч.

Тогда, по большей части внезапно, из самой глубины моря появляется странное сияние, световые полосы, круги, светящиеся точки. Они начинают ярко сверкать, перемещаются, сталкиваются, разбегаются, рассыпаются, оставляя за собой причудливый след, затухают и снова оживают. В одном месте эти искры окрашены бледно-розовым светом, в другом — лазурным, ярко-красным, желтоватым.

Мало-помалу это сияние охватывает всю поверхность моря. Можно подумать, что на самой глубине океана сверкает луна или горит яркий электрический фонарь.

Это необыкновенное явление приковывает внимание каждого столкнувшегося с ним. Оно долго казалось загадочным и необъяснимым, пока ученые не открыли причину морского свечения.

Нужно сказать, что фосфоресцирует не сама морская вода, а излучают свет находящиеся в воде мириады простейших организмов: полипы, моллюски и рыбы. Главную массу этих светящихся тел составляют крупные студенистые моллюски, имеющие форму зонтика, с которого свешиваются длинные щупальца.

Но самый ослепительный свет дают ночесвечки. Это крошечные, различимые глазом только в массе, инфузории, окрашенные в нежно-розовый цвет. Тело их похоже на персик; оно почти шаровидно и только несколько вытянуто в длину.

На одной стороне тела проходит бороздка, которая заканчивается щупальцеобразным отростком такой же длины, как и самое тело; этот отросток непрерывно качается, что, очевидно, способствует принятию пищи, так как под самым отростком находится крошечное отверстие — рот инфузории. Внутренность инфузории наполнена прозрачной жидкостью, пронизанной сетью мелкозернистой массы. Эта мелкозернистая масса и служит источником излучаемого ночесвечками света, достигающего особой силы при каком-нибудь резком внешнем раздражении.

Ночесвечки поднимаются на поверхность вод в неисчислимом количестве и пронизывают воду своим искря-

щимся светом. Только под микроскопом можно заметить, что этот свет состоит из множества мелких искр, которые все вместе образуют какое-то световое туманное пятно или группу бесчисленных маленьких звезд, как они представляются астроному в телескоп.

Ничто не может сравниться со зрелищем океана, воды которого насыщены мириадами почесвечек. Его поверхность сияет, как будто воды пронизаны бесконечным количеством серебристых нитей или же на дне протекают потоки расплавленного металла.

Бросьте тогда в воду какой-нибудь предмет. Падая, он будет излучать свет; пустите по этим водам корабль — вы увидите, как под кормой и у бортов он будет окружен искрами, а корма будет оставлять за собой длинную пылающую борозду. Чем неспокойнее море, тем великолепнее зрелище морского свечения. Тогда сами воды кажутся светящимися; можно подумать, что перед вами не вода, а поле жидкого фосфора. Каждое столкновение волн между собой выбивает новый фонтан огней, которые взлетают, падают, сплетаются, свивая полосы серебра и золота. Если волны падают на берег или разбиваются о скалы, над ними как будто зажигается пожар или парит пылающее облако.

Таково было зрелище, приковавшее внимание наших потерпевших кораблекрушение смельчаков. Ван-Сталь сам был поражен им; сперва он не знал, чему приписать такую иллюминацию, и только потом, подплыв ближе, он понял, в чем дело.

Волны, обрушиваясь со всей своей силой на берег, метали в воздух искрящуюся пену, которую ветер крутил и разбрасывал во все стороны.

— Я никогда не видел такой сильной фосфоресценции,— промолвил пораженный Корнелий.

— Это тьма и буря делают ее такой величественной,— пояснил капитан.— Во всяком случае почесвечкам мы обязаны, может быть, своим спасением: благодаря им мы вовремя заметили австралийское побережье. Лю Ханг, приготовься к спуску паруса.

— Капитан,— заговорил Ван-Горн,— вы надеетесь найти здесь убежище от бури?

— Я очень на это надеюсь. Но кто знает, что мы здесь найдем. Ведь я толком и не знаю, куда нас выбросила буря.

— Во всяком случае мы не вышли из залива Карпентариа.

— Я буду рад, если ты окажешься прав, Горн. В та-

кую бурю я предпочитаю оказаться на каком-нибудь пустынном островке, чем в проливе Торреса.

— И вы будете довольны, капитан. По-моему, море нас и выбросило к такому островку.

— Как? Разве не австралийское побережье перед нами? — спросил Корнелий.

— Я вижу длинную цепь бурунов.

— Бурунов? Ты не ошибся, Ван-Горн? — переспросил его Ван-Сталь, сильно встревоженный.

— Нет, не ошибся, я хорошо рассмотрел их при свете иллюминации.

— Неужели нам придется переменить направление и снова бороться с бурей?

— Не думаю, капитан. Мне кажется, что мы найдем здесь убежище лучше всякой бухты на материке: я боюсь утверждать, но, по-моему, перед нами атолл.

— Атолл? И открытый?

— Да. Я успел заметить канал между кораллами. Пусть только снова блеснет молния, тогда мы все увидим.

— Атолл? — вмешался Ганс.— Что это, гавань?

— Да, и очень спокойная. Если мы действительно найдем то, что нам обещает Ван-Горн, вы увидите еще новые чудеса.

— Смотрите, смотрите! — закричал Ван-Горн. Как раз в этот момент яркая молния осветила линию скал, о которые разбивались фосфоресцирующие волны.

— Ну что, видели?

— Да, это атолл,— проговорил Ван-Сталь со вздохом облегчения.— Я успел заметить лагуну посреди острова и ведущий к ней канал, по обеим сторонам которого росли деревья.

— А выдержит шлюпка?

— Если ночью ее не потопили волны в открытом море, в такую бурю, то нечего теперь бояться этого последнего препятствия. Корнелий, присмотрись хорошенько: ты не видишь перед атоллом выступающие острые края рифов?

— Мы увидим их потом, при свете волн,— заметил Ван-Горн.

Под двойным воздействием ветра и течения шлюпка быстро приближалась к атоллу. Его легко было теперь различить среди бушевавших вокруг светящихся волн.

Вскоре шлюпка очутилась сама в зоне сверкающего облака; она неслась, оставляя за собой переливающуюся огнями борозду — след пройденного пути.

Ганс и мала
Корнелий, сидя на
поверхность, чтоб
из-под воды корал
Атолл был уже
рехстах метрах. То
стью не более пол
лив!

Он представлял
ров. Внутри кольц
которого были сов
ных рифов тянули
в открытое море н
Вокруг всего ко
бушующее море.

— Осторожнее

— Будьте спок
что вы и не замет

Громадная вол
Шлюпка оказалась
обдало пеной и п
пасть; но подоспев
ку и с силой брос

— Держи прям
питан.

Но шлюпка бы
ла так быстро, что
пройден, и шлюпк
атолла.

— Спускай пар

Ганс и малаец
руя рулем, напра
острова.

Полное спокой
сторон окруженном
ми его от бушевав

— Да где же
Ганс.

— В гавани, гд
ны,— ответил капи

— Но как она

— Если бы я зн
ли называлась, она
нам спокойный но
Шлюпка приста
наши герои, раз

Ганс и малаец маневрировали парусом, а капитан и Корнелий, сидя на носу, упорно вглядывались в водную поверхность, чтобы вовремя обнаружить выступавшие из-под воды кораллы.

Атолл был уже совсем близко, не более чем в четырехстах метрах. То был почти круглый остров, окружностью не более полутора миль,— но как он был причудлив!

Он представлял собой кольцо шириной около 30 метров. Внутри кольца находилось нечто вроде озера, воды которого были совершенно спокойны. Две линии подводных рифов тянулись от него к северу и к югу и уходили в открытое море на несколько миль.

Вокруг всего кольцеобразного острова бешено билось бушующее море.

— Осторожнее при повороте! — кричал капитан.

— Будьте спокойны, капитан. Мы проскользнем так, что вы и не заметите.

Громадная волна бросила шлюпку к самому каналу. Шлюпка оказалась поднятой на гребень волны, всю ее обдало пеной и потом ввергло в раскрывшуюся пропасть; но подоспевшая новая волна снова подняла шлюпку и с силой бросила вперед.

— Держи прямо, Горн! — кричал во всю мочь капитан.

Но шлюпка была уже в канале. Она проскользнула так быстро, что никто не заметил, как канал был пройден, и шлюпка вошла в крошечное море внутри атолла.

— Спускай парус! — скомандовал Ван-Сталь.

Ганс и малаец спустили парус, а Ван-Горн, маневрируя рулем, направил шлюпку к внутреннему берегу острова.

Полное спокойствие царило на этом озере, со всех сторон окруженном коралловыми скалами, защищавшими его от бушевавших за скалами валов.

— Да где же мы? — спросил совсем пораженный Ганс.

— В гавани, где нам не страшны ни ураган, ни волны,— ответил капитан.

— Но как она называется?

— Если бы я знал. Да и не все ли равно: как бы она ни называлась, она спасла нас от бури и предоставила нам спокойный ночлег.

Шлюпка пристала к берегу. После скудного ужина наши герои, разбитые усталостью, стали устраиваться

на ночь. Теперь они посмеивались над разыгравшейся стихией, чувствуя себя в полной безопасности.

Внимательно осмотрев остров и удостоверившись в том, что он безлюден, они улеглись в шлюпке под брезентом, оберегавшим их от дождя и брызг воды.

А ураган продолжал бушевать всю ночь с неослабевающей силой. По всему заливу Карпентария непрерывно дул ужасный южный ветер, такой горячий, будто он вырывался из печи или несся из пылающей пустыни. Ветер был так силен, что он раскачивал, как соломинки, росшие на островке громадные кокосовые пальмы.

Молнии по-прежнему бороздили небо; непрерывно гремыхал гром и низвергались потоки дождя. О внешний берег острова беспрерывно разбивались валы; гул разносился далеко кругом.

События дня и неумолкающий рев бури не давали заснуть нашим путникам. Особенно юноши не могли успокоиться. Каждый раз, чуть они только засыпали, сильный порыв ветра или раскат грома пробуждал их. Они вскакивали и тревожно озирались, словно чувствовали себя еще в море во время бури, но снова укладывались после нескольких успокаивающих слов капитана.

Отказавшись от мысли заснуть в эту беспокойную ночь, Корнелий подполз к капитану, которому также не удавалось заснуть, и улегся рядом с ним.

— Дядя, что было бы с нами, если бы мы не попали на этот остров? — заговорил Корнелий.

— Да, это настоящее счастье, этот остров. Рано или поздно волны и ветер, несомненно, перевернули бы шлюпку и тогда...

— Что за странный остров. Я никогда не видел такого.

— А их немало в Тихом океане, но по большей части они совершенно замкнуты, то есть не имеют канала, соединяющего лагуну с морем.

— Эта лагуна — настоящее море в кольце скал.

— Только в кольце не скал, а кораллов,— заметил капитан.— Весь остров сооружен коралловыми полипами.

— Коралловыми полипами?

— Да, главным образом одним из видов их — мадрепорами, маленькими существами, которые живут в море и, как видишь, воздвигают такие грандиозные постройки.

— Дядя, я до сих пор не могу успокоиться и успуть да и ты, видно, тоже. Вместо того чтобы томиться бес-

солнцем, расск
острова.
— Ладно. Слуша
ностей коралловых п
после своего образов
на какой-нибудь под
на ней навсегда не
известного роста, на
новые полипы; они н
начальником и навс
очередь, образуя но
Около них оседа
на скале целая коло
шие молодые личинк
со временем отмира
вого рифа. В течен
они выделяют извес
вов и рифов; а после
скелеты из извести о
над другим, до тех п
вод. Таким образом
бури, и все ему подо
ное, как кладбище
— А эти острова
форму?!
— Нет, форма их
рых полипы возводя
коралловые рифы,
отмели, непосредств
Здесь основанием дл
части почвы.
В тех местах, где
под воду, а вдали о
от него, идет полос
барьерные рифы. Т
которые тянутся вдо
ров, как, например,
идет вдоль северо-вос
жении тысячи двухсо
Третий вид мадре
и имеют такую коль
На дне Тихого океа
пулканов, опустивших
кие эпохи, предшест
рых из этих бездей
шой глубине по

сонницей, расскажи мне лучше о строителях этого острова.

— Ладно. Слушай. Мадрепоры — одна из разновидностей коралловых полипов. Их личинки некоторое время после своего образования плавают в воде, потом оседают на какой-нибудь подводной скале и с тех пор остаются на ней навсегда неподвижными. Когда они достигают известного роста, на всем их теле образуются почки — новые полипы; они неразрывно связаны с полипом-родоначальником и навсегда остаются на его теле, в свою очередь, образуя новые почки.

Около них оседают другие личинки. Так образуется на скале целая колония молодых полипов. Вновь осевшие молодые личинки перерастают старые колонии, и те со временем отмирают, образуя первый слой кораллового рифа. В течение всего своего существования они выделяют известь — строительный материал островов и рифов; а после отмирания их твердые, как камень, скелеты из извести образуют слои, возвышающиеся один над другим, до тех пор, пока не достигнут поверхности вод. Таким образом остров, на котором мы спаслись от бури, и все ему подобные острова представляют не что иное, как кладбище мириадов коралловых полипов.

— А эти острова все имеют такую кольцеобразную форму?!

— Нет, форма их зависит от формы тех скал, на которых полипы возводят свою постройку. Есть береговые коралловые рифы, представляющие собой коралловые отмели, непосредственно примыкающие к побережью. Здесь основанием для рифов служат ушедшие под воду части почвы.

В тех местах, где берег круто обрывается и уходит под воду, а вдали от берега, на некотором расстоянии от него, идет полоса подводных скал, полипы строят барьерные рифы. Так называются коралловые валы, которые тянутся вдоль берега иногда на сотни километров, как, например, Большой барьерный риф, который идет вдоль северо-восточного берега Австралии на протяжении тысячи двухсот километров.

Третий вид мадрепорных построек — атоллы. Они-то и имеют такую кольцеобразную форму, и вот почему. На дне Тихого океана находится множество потухших вулканов, опустившихся под воду в далекие геологические эпохи, предшествовавшие нашей. Вершины некоторых из этих бездействующих вулканов лежат на небольшой глубине под водой. И вот коралловые полипы, про-

никнув однажды на эти вершины и осев на них, начали возводить свою постройку, и в течение многих и многих лет подняли ее до уровня приливных вод.

Над поверхностью вод возводить свою постройку полипы не могут: у них не оказывается «строительных материалов», которые в воде в изобилии наносит им течение.

Дальнейшая работа производится уже не полипами, а стихийно — бурями. Бури набрасывают один на другой куски разломанных ими коралловых поясов, а поверх — обломки других пород, выступающие уже над уровнем вод. Ветер и воды заносят сюда семена, птицы свивают гнезда. Так образуется новый остров, иногда с пышной растительностью, травами, деревьями.

Ты знаешь, что кратеры вулканов по большей части круглы и пусты внутри. Полипы возводят свою постройку только по краям кратера и таким образом сохраняют в ней круглую форму кратеров. Так произошли эти причудливые острова, которые называются атоллами, что на малазийском языке означает низко лежащий остров.

И канал, через который мы проникли в лагуну, отражает форму кратера. На краях некоторых кратеров имеются широкие и глубокие разрывы, идущие вертикально. Полипы не могут жить на большой глубине, не перенося слишком резкого давления и низкой температуры, и возводят свои постройки там, где им обеспечена возможность существования. Поэтому они обходят разрывы в кратерах, оставляя пустое место, которое и образует канал или пролив на некоторых атоллах. Понял?

— Да, дядя. А постройки полипов крепки?

— Они так же крепки, как гранитные или кварцевые скалы. Полипы, эти крошечные существа, возводят ограды такой крепости, что волны не могут ни опрокинуть, ни разбить их. Правда, время от времени волны, беспрерывно разбиваясь о массы кораллов, тут и там отрывают от них отдельные куски и даже целые глыбы. Но эти разрушения ничтожны в сравнении с грандиозностью постройки этих крошечных архитекторов и каменщиков, день за днем, из поколения в поколение, в течение тысячелетий работающих над возведением своих зданий.

— Какая грандиозная работа!..

— Да, именно грандиозная: ведь в Тихом океане насчитывается двести девяносто коралловых островов, а если, кроме того, сосчитать все островки, где может поместиться деревня или кокосовая роща, то их окажется тысячи и тысячи.

— А разве не
коралловом основа
— Так думали
разрушило эти пре
боко снизу, поли
стройки над поверх
ло известно, что по
45 метров и очень
на глубине 90—10
свою стройку на у
— Значит, ни
что, продолжая сво
воедино все остро
— Ну, это то
только на отмелях
ших вулканах.

Но довольно бе
эта тема, нужно
острове спокойств
мы вполне заслуж

В

Наши путешес
часам утра, когда
Массы туч ухо
Гвинее. Над авст
солнце, и лучи его
валы.

Среди кокосовы
ве, летали стаи з
кармазиновом опе
пели, свистели, а в
ными и тонкими
ренными лапами
поисках маленьки
— Дядя! — кр
снулся, тотчас же
шаю тебя завтрак
— А что ты
Не дичь ли какую-
тощие птицы.

— А разве не все острова Тихого океана лежат на коралловом основании?

— Так думали раньше. Но то, что я тебе рассказал, разрушило эти предположения. Думали, что, начиная глубоко снизу, полипы мало-помалу выводили свои постройки над поверхностью вод. Только впоследствии стало известно, что полипы не могут жить на глубине больше 45 метров и очень редко, при особых условиях, живут на глубине 90—100 метров. Поэтому они сами начинают свою стройку на уже существующем основании.

— Значит, ни на чем не основаны предположения, что, продолжая свою работу под водой, полипы соединят воедино все острова Тихого океана?

— Ну, это только басни: полипы обосновываются только на отмелях, верхушках подводных скал и потухших вулканах.

Но довольно беседовать, Корнелий. Как ни интересна эта тема, нужно все же воспользоваться царящим на острове спокойствием и хорошенько отдохнуть. А отдых мы вполне заслужили.

Глава двенадцатая

В ПРОЛИВЕ ТОРРЕСА

Наши путешественники проснулись только к девяти часам утра, когда буря уже начала ослабевать.

Массы туч уходили к проливу Торреса и к Новой Гвинее. Над австралийским побережьем ярко светило солнце, и лучи его золотили еще посившиеся по заливу валы.

Среди кокосовых пальм, в изобилии росших на острове, летали стаи зеленых и красных попугаев: лори в кармазиновом оперении, маленькие pard Olatus — они пели, свистели, а berniclae — безобразные птицы с длинными и тонкими шеями, черными крыльями и растопыренными лапами — носились над водой и камнями в поисках маленьких рыбок и крабов.

— Дядя! — кричал Ганс, который, как только проснулся, тотчас же перебрался на берег.— Дядя, я приглашаю тебя завтракать.

— А что ты можешь предложить мне на завтрак? Не дичь ли какую-нибудь? Нет, не обманешь: кругом одни тощие птицы.

— Да нет, тут пальмы кокосовые; орехи их полны чудесного сока.

— От этого я не откажусь,— весело отозвался капитан.— Возьми топор, Ван-Горн, и пойдем достанем несколько орехов.

Все вышли на берег.

— Гм...— пробурчал старый моряк,— да их не так много тут осталось. Не австралийцы ли явились сюда, чтобы нарвать орехов?

— Нет, это не австралийцы; я думаю, что эту операцию произвели крабы. Смотрите, вот там,— и капитан показал на одну из пальм,— я вижу пустой и наполовину сломанный орех, а на песке, если я только не ошибаюсь, следы этих прожорливых животных.

— Как, разве крабы едят кокосовые орехи? — удивленно спросил Ганс.

— О, это не те крабы, которых ты видел. Эти крабы — великаны, а клещи у них необычайной силы. Как только они завидят кокосовую пальму, они тотчас же влезают наверх, обрывают орехи и сбрасывают их вниз.

— Крабы-великаны, да еще лазающие на деревья — вот диковина! Сколько же времени им нужно, чтобы разбить такой орех? Ведь он так тверд, что и топором его сразу не возьмешь.

— Крабы и не разбивают их. Они засовывают кончик своей клешни в маленькое отверстие, которое называется «глазом» плода, а затем, вращая орех, просверливают дыру, через которую и высасывают сок, не разбивая скорлупу.

— А эти крабы съедобны?

— Не только съедобны, но и очень вкусны. Я с удовольствием преподнес бы тебе одного такого краба. Посмотри хорошенько между ветвями деревьев: может быть, нам удастся найти там краба.

— На дереве, дядя?

— Да, днем они любят спать на деревьях, зацепившись клешнями за ветку.

Ганс принялся за поиски этих удивительных крабов, но безрезультатно. Зато он вознаградил себя находкой десятка кокосовых орехов, которые Ван-Горн тут же разбил топором.

К общему сожалению, орехи оказались не совсем спелыми; они дали немного молока, очень нежного на вкус, и еще меньше сока, похожего на сливки.

Юноши не удовольствовались только орехами; они сбили несколько птиц, среди них одну bernicla. Ее мясо

несколько жестко
завтрак, которому
В полдень капи
уже давно стих, во
моряки снова могл
вание. К тому же
живаться на этом
ной воды, да еще
кораблями.

Капитан хотел
и пробраться отту
выйдут все припас
их, и ни у кого н
таким опасностям,

Путешественни
рез канал и, выйдя
Капитан держался
по проливу малень
дикими племенами

Ветер дул с юг
сову проливу. Она
все большую скоро

Атолл и примык
лись далеко позади
лась морская глад
парусов какого-ниб

Ганс, свесившис
ные воды, удивляяс
вида рыбам.

Чаще всего мих
ников, названных
плавникам; они вы
и, забирая ими вет
парусов. Стаи плыл
то та, то другая рыб
рог, каждую минуту
природой оружие.
породой рыб — меч
что у парусников р
кий.

Несмотря на неба
гают и четырех мет
больших рыб; они
лотов и наносят им
парусники нападают
рыб.

несколько жестковатое, составило все же прекрасный завтрак, которому путешественники воздали должное.

В полдень капитан подал знак к отплытию. Ураган уже давно стих, волнение на море улеглось, и теперь наши моряки снова могли безопасно пуститься в далекое плавание. К тому же неблагоразумно было надолго задерживаться на этом острове, совершенно лишенном пресной воды, да еще посреди залива, редко посещаемого кораблями.

Капитан хотел поскорее достичь Торресова пролива и пробраться оттуда в Моллукское море до того, как выйдут все припасы. Да и ураган мог снова захватить их, и ни у кого не было желания подвергаться снова таким опасностям, как в предыдущую ночь.

Путешественники подняли парус, проскользнули через канал и, выйдя в море, взяли курс на северо-восток. Капитан держался как можно дальше от разбросанных по проливу маленьких островов, населенных еще совсем дикими племенами.

Ветер дул с юго-запада, подгоняя шлюпку к Торресову проливу. Она легко скользила по волнам, набирая все большую скорость.

Атолл и примыкавшие к нему коралловые косы остались далеко позади. Перед глазами капитана расстилалась морская гладь. Вокруг не было видно ни земли, ни парусов какого-нибудь корабля.

Ганс, свесившись с носа шлюпки, смотрел в прозрачные воды, удивляясь проплывавшим в глубине странного вида рыбам.

Чаще всего мимо шлюпки проплывали стаи парусников, названных так благодаря их сильно развитым плавникам; они выставляют их над поверхностью воды и, забирая ими ветер, движутся как будто при помощи парусов. Стаи плыли к северо-востоку. Время от времени то та, то другая рыба выставляли из воды свой костистый рог, каждую минуту готовые пустить в ход это данное им природой оружие. Этот рог роднит парусника с другой породой рыб — меч-рыбой, но с той только разницей, что у парусников рог округлен, а у меч-рыбы он плоский.

Несмотря на небольшую величину — редко они достигают и четырех метров,— парусники неумолимые враги больших рыб; они не боятся нападать на акул и кашалотов и наносят им часто смертельные удары. Иногда парусники нападают и на суда, принимая их за больших рыб.

Дальше шлюпке повстречались громадные мурены, плававшие почти на поверхности воды. А на самой поверхности, свешивая в воду свои длинные щупальца, покачивалось множество медуз, своеобразных моллюсков, похожих на вывернутый кошель; некоторые из них достигали размеров обыкновенного зонтика.

— Корнелий, посмотри, какие громадные медузы,— позвал Ганс старшего брата.

Братья с интересом принялись рассматривать эти плавающие на поверхности океана зонтики.

— Есть медузы и побольше этих,— вмешался капитан.— А самое удивительное — это то, что они светятся так, будто внутри этого кошеля находится электрическая лампа.

— Они совершенно студенисты?

— Скорее — пузырчаты. В воде они раздуваются, расширяются, но только возьмешь их, в руке остается что-то вроде бесцветной тряпки. Когда медуза в воде, ее вес можно определить в 8—10 килограммов, а вытащенная из воды, она легче раз в двадцать. Какие они бывают громадные, можно судить по тому, что в Бомбее лет двадцать назад прибой выбросил на берег такую грандиозную медузу, что в течение нескольких ночей ее совсем увядшее тело освещало берег на большое расстояние.

— Какие же у нее были щупальца?

— Говорят, они достигали двадцати метров.

Шлюпка продолжала плыть к выходу из залива. Но несмотря на то, что Ван-Гори пристально всматривался вдаль, он нигде не мог заметить земли.

Во время пересадки с затонувшей джонки они не успели захватить никаких приборов, с помощью которых теперь можно было бы точно определить положение шлюпки и ее курс. Только маленькая буссоль, захваченная капитаном, убеждала его в том, что рано или поздно они выберутся из залива и попадут в Моллукское море.

День прошел без всяких происшествий. На горизонте ни разу не открылись взору ни мачты корабля, ни скалы берега.

С приходом ночи океан расцветился так же, как и в предыдущую ночь. Но на этот раз море было спокойно, ночная тьма не так густа и зрелище фосфоресцирующего моря также изменилось. Вода за кормой переливалась тысячами огней, но уже не было таких величественных световых облаков, как накануне.

Несмотря на
уже новизны, Ган
глаз. То и дело о
стекавшими с них
В полночь све
ность моря потем
Около двух ча
отдохнуть, собира
Корнелия. Внезап
вдалеке на больше
точку почти у сам
— Не огонь
— Не думаю.
ответил капитан,
— Может, это
— Нет, это о
какого-нибудь ост
шенно неподвиже
— Как вы ду
залива?
— Возможно,
шесть часов в пут
особенно во время
— Тогда этот
кого-нибудь кораб
нередки. Хоть он и
прельщает возмож
побережья и тем
— Да, это так,
А, смотри, немного
огонек.
— Да это дика
— Неужто оп
нелий.
— Нет, не авст
жителей одного и
земные моряки —
своих лодках дал
питан.
— Без компаса
— У них, конеч
рошо находят напр
руководствуясь ино
хорошо, как перел
— Они совершо
— Не все, но ес

Несмотря на то, что это зрелище не представляло уже новизны, Ганс и Корнелий не могли оторвать от него глаз. То и дело они опускали руки в воду и любовались стекавшими с них бриллиантовыми каплями.

В полночь свечение внезапно прекратилось. Поверхность моря потемнела, как будто ее покрыли смолой.

Около двух часов ночи капитан и малаец, успев уже отдохнуть, собирались сменить на вахте Ван-Горна и Корнелия. Внезапно, почти одновременно, все увидели вдалеке на большом еще от них расстоянии светящуюся точку почти у самой воды.

— Не огонь ли фонаря это? — спросил Ван-Горн.

— Не думаю. Он лежит слишком низко на воде,— ответил капитан, не спускавший глаз с этого огня.

— Может, это лодка дикарей?

— Нет, это огонек не с лодки,— скорей с берега какого-нибудь островка. Присмотрись, дядя: он совершенно неподвижен,— сказал Ганс.

— Как вы думаете, капитан, мы вышли уже из залива?

— Возможно, что уже вышли. Мы уже тридцать шесть часов в пути и оставили за собой немало миль, особенно во время урагана.

— Тогда этот свет вполне может быть фонарем какого-нибудь корабля. В Торресовом проливе корабли нередки. Хоть он и очень опасен для плавания, но многих прельщает возможность не огибать всего австралийского побережья и тем сократить себе путь.

— Да, это так, но я почти уверен, что это не корабль. А, смотри, немного северо-восточнее загорелся такой же огонек.

— Да это дикари! — воскликнул Ван-Горн.

— Неужто опять австралийцы? — подхватил Корнелий.

— Нет, не австралийцы; у них нет лодок. Это лодки жителей одного из островов Торресова пролива. Туземные моряки — хорошие мореходы, и они пускаются в своих лодках далеко в открытое море,— ответил капитан.

— Без компаса?

— У них, конечно, нет никаких приборов, но они хорошо находят направление, определяя его по звездам или руководствуясь инстинктом, а инстинкт ведет их так же хорошо, как перелетных птиц.

— Они совершенно дики?

— Не все, но есть среди них еще совсем дикие племе-

на и даже людоеды. Я предпочел бы не встречаться с этими дикарями: они очень смелы и коварны.

— Так наше положение не очень-то улучшилось?

— Ну, смущаться пока нечего: у нас есть оружие, и в случае надобности мы сумеем защитить себя,— успокоил Корнелия капитан.— Иди отдохни и не бойся дикарей. Я не спущу глаз с этих огней.

Ван-Горн и юноша вытянулись на дне шлюпки, а капитан сел за руль, передав Лю Хангу шкот.

Две яркие точки все еще мерцали на горизонте, уходя, как и шлюпка, на север.

Капитана охватывало все большее беспокойство; чем дальше, тем больше он убеждался в том, что огни принадлежат лодкам туземцев, встречи с которыми он так хотел избежать.

Он зорко следил за малейшим движением этих огней, боясь обнаружить, что расстояние между ними и шлюпкой уменьшается. На всякий случай, во избежание неожиданного абордажа, капитан велел Лю Хангу держать наготове ружье. Но расстояние не только не уменьшалось, но даже одно время увеличилось: огни стали видны менее явственно.

Около трех часов утра один из огней потух, но другой, продолжавший гореть, стал приближаться к шлюпке.

— Ты ничего не слышишь? — спросил капитан Лю Ханга.

— Нет. Но, по-моему, фонарь держится теперь прямо за нашей кормой.

— Так оно и есть. Ах, если бы не было так темно! Да нет, уж лучше темень: это не фонарь корабля, конечно.

Через час огонек, действительно изменивший направление своего движения, оказался как раз за кормой шлюпки, но он держался еще далеко, не менее чем в шести — семи милях от шлюпки.

Еще через час горизонт осветился первыми лучами солнца. В неясном утреннем свете на севере открылись далекие, очень высокие горы, а на западе показались островки и группы рифов.

Капитан вскочил на ноги.

— Торресов пролив! — вскричал он.— Ван-Горн, Ганс, Корнелий, вставайте! Мы вышли из залива!

Глава тринадцатая

ПИРАТЫ ПАПУАЗИИ

Широкий Торресов пролив, отделяющий северное побережье Австралийского материка — землю Торреса, или Карпентария,— от Новой Гвинеи, или Папуазии, представляет собой один из самых опасных морских путей, какие только существуют.

Он был открыт испанцами Ортизом де Рез и Бернардо де ла Торрес в 1545 году, но с тех пор, в течение многих десятилетий, был совершенно забыт, так как плавание в нем представляет большие трудности. Даже в настоящее время, несмотря на составленные английским Адмиралтейством точнейшие карты, пролив по-прежнему мало посещается судами.

Ширина его — всего 30 лье, но как трудно его переплыть! Прежде всего, по всему проливу тянутся бесконечной лентой водяные [illegible], к тому же постоянно перемещаемые течением; кроме по всему проливу разбросан настоящий подводный лес коралловых рифов, непрерывно расширяемых полипами, и нескончаемое количество островов и островков, хотя и хорошо видных, но очень затрудняющих плавание судов и парусных, и паровых.

Коралловые острова и рифы настолько густо покрывают Торресов пролив, что долгое время, уже много десятилетий после плавания Торреса, европейские мореплаватели сомневались в существовании морского прохода между Австралией и Новой Гвинеей. Морские карты до вторичного открытия пролива Куком в 1770 г. изображали Австралию и Новую Гвинею как один материк.

Трудность плавания в Торресовом проливе была не единственной причиной забвения открытия Торреса. Об этом позаботилось главным образом испанское правительство: открытие пролива считалось государственной тайной, и оно было так тщательно погребено в Манильских правительственных архивах, что сами испанцы вскоре забыли о нем. Только в 1770 году капитан Кук переплыл пролив и тем положил конец сомнениям в существовании прохода между Австралией и Новой Гвинеей. А за несколько лет до этого из Манильских архивов было, наконец, извлечено донесение Торреса, в течение ста пятидесяти лет так ревностно охраняемое Испа-

нией. С тех пор проливу дано имя первого мореплавателя, открывшего его.

Острова Торресова пролива невелики, но очень густо населены. Жители их принадлежат к расе, образовавшейся от смешения папуасов и полинезийцев. Они, по большей части, высоки ростом и хорошо сложены; лоб у них широк, черты лица довольно правильные, волосы курчавы и обычно выкрашены в красный цвет. Они очень воинственны и враждебно относятся к чужеземцам. Моряки, которые имели несчастье быть выброшенными на берег одного из этих островов, не только не нашли здесь убежища, но встретили враждебное отношение со стороны населения.

В отличие от дикарей земли Карпентария у этих племен есть большие лодки — до 8 метров в длину, хорошо оснащенные; паруса их сделаны из переплетения листьев и волокон деревьев. На этих лодках они плавают по проливу, воюя с племенами, живущими на берегах Австралии и Новой Гвинеи.

Как только Ван-Гори, Ганс и Корнелий услышали возглас капитана: «Торресов пролив!», они разом вскочили на ноги.

— Как,— воскликнул Корнелий,— мы вышли из залива? Значит, мы плыли со скоростью большого парусника? А где же австралийский берег?

— Посмотри туда: направо от нас какие-то туманные громады. Это и есть земля Карпентария,— ответил капитан.

— А что за горы прямо против нас?

— Это — горы Новой Гвинеи. Горы, которые ты видишь, образуют очень высокий горный хребет в глубине острова. Некоторые из его вершин достигают, говорят, трех тысяч метров, и большую часть года на них лежит снег.

— Мы далеко от Новой Гвинеи?

— Милях в сорока, я думаю.

— Ты собираешься пристать к острову?

— Нет, к южному побережью острова нет нужды приставать. Оно мало исследовано, а среди его жителей немало пиратов. Искать встречи с ними, вы сами понимаете, не очень-то благоразумно. Я предпочитаю пробраться к островам Арру у самого входа в Моллукское море. Там, я надеюсь, нам удастся встретить голландские суда с ловцами трепанга.

— Эй, капитан,— прервал разговор Ван-Гори,—

вы тут беседуе
хищные птиц
— Нас пр
— Если м
ся, мирные бе
вы не видите
Их движения
Капитан об
Гори. Жест г
— А,— во
рашние ночны
тельно хищны
В пяти или
зались не хи
а две больши
что и шлюпка
витян; они от
Капитан сх
дывать подозр
что это были
пятьдесят чер
— Если я
встреча, дети
— И, наве
— Без со
на нас.
— Их не
нелий, взявш
у папуасов ес
— Нет,—
стрелами, отра
видностью са
называют пара
лову с плеч.
— Да, с н
— Поэтом
пытаться улиз
— Но куда
С их громадн
нас.
— Попроб
капитан.
— На бере
— Ну нет,
опаснее этих.
— Тогда н

вы тут беседуете и не замечаете, что нас преследуют две хищные птицы?

— Нас преследуют? — встрепенулся капитан.

— Если мы сейчас же не найдем, где бы нам укрыться, мирные беседы сменятся ружейной пальбой. Разве вы не видите на горизонте две маневрирующие лодки? Их движения очень подозрительны.

Капитан обернулся в ту сторону, куда указывал Ван-Горн. Жест гнева невольно вырвался у него.

— А,— воскликнул он,— так вот что означают вчерашние ночные огни! Ты прав, старина: это — действительно хищные птицы. Они могут быть очень опасны.

В пяти или шести милях к югу действительно показались не хищные птицы в буквальном смысле слова, а две большие лодки, плывшие в том же направлении, что и шлюпка. В них нетрудно было узнать лодки островитян; они отличались от европейских судов.

Капитан схватил подзорную трубу и принялся разглядывать подозрительные лодки. Теперь он убедился в том, что это были пироги островитян: в них было человек пятьдесят чернокожих дикарей.

— Если я не ошибаюсь, это папуасы. Скверная встреча, дети мои.

— И, наверное, пираты,— прибавил Ван-Горн.

— Без сомнения. Ты видишь, они плывут прямо на нас.

— Их не менее пяти[illegible]— добавил Корнелий, взявший у капитана подзорную трубу.— Дядя, у папуасов есть ружья?

— Нет,— ответил Ван-Горн.— Но они вооружены стрелами, отравленными соком упас, копьями и разновидностью сабель, очень тяжелых, которые туземцы называют паранги; одним ударом ими можно снести голову с плеч.

— Да, с ними шутки плохи...

— Поэтому-то и нужно избегать встреч с ними и попытаться улизнуть.

— Но куда плыть? — задумчиво сказал Ван-Горн.— С их громадными парусами они очень скоро догонят нас.

— Попробуем высадиться на берег,— предложил капитан.

— На берег какого-нибудь острова в проливе?

— Ну нет, там мы можем встретить дикарей еще опаснее этих.

— Тогда на берег Новой Гвинеи?

— Да, Ван-Горн. И давай не терять времени. Лодки развили такую скорость, что через час-два они, наверно, нагонят нас.

— Как же нам ускорить ход шлюпки?

— Надо увеличить паруса. Установи один шест на корме, другой — на носу и натяни между ними полотно и одно из одеял. Так мы наберем большую скорость. Ну, живее, ребята.

Все дружно взялись за работу, и вскоре два новых паруса, надувшись под свежим ветром, бросили шлюпку далеко вперед. К счастью, ветер дул с юга, и при попутном ветре шлюпка быстро понеслась, разрезая воды Торресова пролива.

Пираты, очевидно, скоро обнаружили, что шлюпка уходит от них, увеличивая свою скорость. До голландцев издалека донеслись злобные крики и почти одновременно треугольные паруса на обеих пирогах развернулись еще шире, а гребцы спустили в воду весла.

— Видите? Островитяне действительно преследуют нас,— сказал Ван-Горн.- Без злого умысла разве они стали бы так увеличивать свою скорость?

— Будем надеяться, что мы высадимся на берег Новой Гвинеи до того, как пироги настигнут нас. Если ветер не переменится, мы дойдем часа за три.

— А как нам быть потом? Ведь, высадившись, мы навсегда потеряем нашу шлюпку.

— Может быть, мы наткнемся на устье какой-нибудь реки. Тогда мы поднимемся вверх по ней.

— И дикари поднимутся вверх по реке вслед за нами.

— Ну, укрывшись за деревьями прибрежных лесов, нам не трудно будет отогнать их ружейной стрельбой.

— Мы можем столкнуться и там с каким-нибудь воинственным племенем.

— Новая Гвинея велика и не густо населена. Очень возможно, что вблизи места нашей высадки не окажется дикарей. Что, Горн, мы уходим от преследования?

— Так-то и уйдешь от этих чертовых лодок,— сумрачно ответил Ван-Горн, все время не спускавший глаз с двух далеких парусов.— Пираты налегли на весла. Однако мне кажется, что расстояние не уменьшилось.

— Смотри за парусами, Горн, а меня пусти на руль,— сказал капитан и пересел на корму.

Папуасы выбивались из сил, стараясь ускорить ход пироги и нагнать шлюпку. Время от времени ветер доносил до шлюпки крики пиратов, несомненно, означавшие

приказ остано
внимания.

Горы Но
так же как и
вывался на се

К девяти
в двадцати ми
ный и свежий

Капитан
койство: при
рости с пирога
гребцов.

К тому же
развивала так
шлюпкой зам
верно, оснащ
следования.

Хитрые о
шлюпки и нап
стигнуть шлю
рега.

— Будьте
Горн.

К десяти ча
ки можно бы
востока откры
ден, что там

Ветер все
все приближа
дцати пар вес

Теперь вся
отчетливо. Это
ми, скверно по
красные морех
о нем рассказ
соединенных м
дерева; нос п
гребнем; корм
лафет старинн

Соединял
листьев, котор
ме и на носу
из них была
палок, соедин
мачты эти не
полезны, так к

приказ остановиться, но на эти крики никто не обращал внимания.

Горы Новой Гвинеи становились все явственнее, так же как и сам берег, который все отчетливее вырисовывался на севере.

К девяти часам утра шлюпка была не больше чем в двадцати милях от берега. Но тут ветер, до сих пор ровный и свежий, вдруг начал ослабевать.

Капитан и Ван-Горн не могли скрыть свое беспокойство: при штиле шлюпка не смогла состязаться в скорости с пирогами, на которых было в четыре раза больше гребцов.

К тому же пироги теперь разделились; одна из них развивала такую скорость, что расстояние между ней и шлюпкой заметно уменьшалось. Вторая пирога, хуже, верно, оснащенная, отставала, но не прекращала преследования.

Хитрые островитяне, несомненно, поняли маневр шлюпки и напрягали свои силы для того, чтобы настигнуть шлюпку до того, как она достигнет берега.

— Будьте готовы! Зарядите ружья! — крикнул Ван-Горн.

К десяти часам, хотя берег и был еще далеко, с шлюпки можно было различить росшие на нем деревья, а с востока открывалась глубокая бухта. Капитан был убежден, что там находилось устье реки.

Ветер все слабел. Выдвинувшаяся вперед пирога все приближалась под ударами по крайней мере двенадцати пар весел.

Теперь вся оснастка пироги была видна совершенно отчетливо. Этот маленький парусник был построен людьми, скверно подготовленными к такой работе, но его прекрасные мореходные качества заслуживают того, чтобы о нем рассказать подробнее. Пирога состояла из двух соединенных между собой лодок, выдолбленных в стволе дерева; нос пироги был увенчан искусно выточенным гребнем; корма высоко поднята и уходила назад, как лафет старинных пушек.

Соединял пироги настил, перекрытый навесом из листьев, который поддерживали легкие столбы. На корме и на носу пироги были установлены мачты. Каждая из них была составлена из трех толстых бамбуковых палок, соединенных наверху и расходившихся книзу; мачты эти не имели ни рей, ни вант, да они были бы бесполезны, так как паруса состояли из ряда крепко скру-

ростных циновок, которые поднимались и опускались ветром.

Рулем служило длинное весло. А устойчивость пироге давали укрепленные с обеих сторон балансиры — лежавшие на воде полозья, прикрепленные к лодкам рядом бамбуковых палок. Эти балансиры хитро дополняли такелаж примитивных, но остроумно сконструированных судов.

Часть команды была приставлена к парусам, а на скамьях сидели гребцы, изо всех сил налегавшие на весла.

С пирог изредка доносились крики: «Миро! Миро!», что означало: мир! мир!

Но капитан не придавал значения этим выражениям миролюбия. Слова: «Мир! мир!» звучали ложью в устах пирата, когда он обращал их к людям, которых преследовал с оружием в руках.

Вместо того чтобы остановиться, капитан передал руль Гансу, а сам вместе с Корнелием и Лю Хангом сел на весла.

Еще через два часа только две мили отделяли шлюпку от берега. А пирога подходила все ближе и ближе...

— Река! — раздался радостный крик Ганса.

— Где? Перед нами? — спросил капитан, не бросая весел.

— Да, дядя, прямо перед нами.

— Хорошо, держи прямо на нее. Она широка?

— По крайней мере шириной в 50 метров.

— Мы поднимемся по ней и высадимся где-нибудь в лесу. Ну, живей! Наляжем хорошенько на весла — и мы спасены.

— Дядя, пирога всего в трехстах метрах от нас. Не дать ли по ней несколько выстрелов? — предложил Корнелий.

— Нет, не надо. Отстреливаться мы успеем и потом, а сейчас полезнее несколько лишних ударов весел: только это может теперь спасти нас.

Шлюпка под натиском четырех сильных гребцов и ветра, хотя и очень ослабевшего, стремительно разрезала волны. Но и пирога папуасов с каждым взмахом весел все ближе подходила к шлюпке.

Берег был уже не более чем в двухстах метрах. Ганс, с кормы видевший его прямо перед собой, различал уже кокосовые и фиговые пальмы, громадные папоротники — пышную растительность, которая образовывала сплошной зеленый массив по обоим берегам реки.

Пироги папуасов с каждым взмахом весел все ближе подходила к шлюпке

— Ну, еще одно усилие! — кричал Ганс.

Резкий удар всех трех пар весел перебросил шлюпку через песчаную косу, где, не набрав такой скорости, они, несомненно, надолго завязли бы. Пройдя мель, шлюпка вошла в устье реки и в поисках убежища поплыла прямо к островку, поросшему корнепуском — громадными морскими растениями, которые называют «деревья лихорадки».

Тогда, бросив весла, все пятеро схватились за ружья. В это время они увидели, что преследовавшая их пирога, готовая уже взять их на абордаж, принуждена была сделать крутой поворот для обхода песчаной косы.

Глава четырнадцатая

НА ОСТРОВЕ НОВАЯ ГВИНЕЯ

Новая Гвинея, или Папуазия,— один из самых плодородных и больших островов на всем земном шаре. Но, несмотря на его громадные естественные богатства, делающие остров весьма удобным пунктом европейской колонизации, остров этот до сих пор мало исследован. Если его берега уже достаточно изучены, то внутренние земли острова еще ждут своего изучения.

Благоприятны для мореплавания и берега Новой Гвинеи. Они изрезаны глубокими бухтами, часто такими большими, что могли бы служить стоянкой для целой эскадры. В одной из таких бухт находится наиболее посещаемый судами торговый пункт Дорей, но он является чуть ли не единственным крупным портом на всем острове.

Несмотря на то, что Новая Гвинея еще не исследована, она уже разделена европейскими державами: Голландией, которая владеет большей частью острова, Англией и Германией.

Мореплаватели — исследователи островов Тихого океана: Магеллан, Виллабос, Мендона, Дрек, Шютен, Тасман, Дампьер, Бугенвилль, Кук, Дюмон-Дюрвиль, Лаперуз и многие другие, избороздившие воды океана в поисках новых островов и островков, часто не представляющих никакого интереса, и давшие точнейшее описание всего Австралийского побережья, почти совсем пренебрегли обширными землями Новой Гвинеи, которую лишь изредка, и то мимоходом, посещали.

Только двое мореплавателей — Сиенци в 1826 году

и позднее Дальбертос — заинтересовались Новой Гвинеей, исследовали часть ее берегов и по рекам проникли в глубь острова, ведя борьбу с дикими племенами.

Однако этот остров был одним из первых, открытых европейскими мореплавателями в водах южного полушария. Еще в 1511 году к нему пристал португалец Оброн: в 1545 году Ориз де Рез и Бернардо де ла Торрес посетили остров и назвали его Новой Гвинеей. По сведениям одних, это название дано было острову потому, что, по предположениям первых открывших его мореплавателей, он должен был лежать в части земного шара, противоположной Африканской Гвинее; по другим сведениям, этим именем остров обязан тому, что чернокожие обитатели его похожи на жителей Африканской Гвинеи.

После этих первых посещений к острову подплыл пират Дампьер, который дал свое имя группе островов близ северного побережья Новой Гвинеи. После Дампьера в 1768 году — Бугенвиль, в 1770 году — Кук и в 1793 году — Энтрекасто только приставали к отдельным пунктам острова, но не проникали в глубь его.

Что касается внутренних земель острова, то исследование их очень запоздало. Оно настолько еще далеко от завершения, что Новую Гвинею можно считать одной из самых малоизвестных цивилизованному миру земель. Конечно, это объясняется не отсутствием интереса к этому чрезвычайно богатому по своим природным условиям острову, а трудностями, которые встречает тут каждый исследователь.

Прежде всего климат приморских областей чрезвычайно нездоровый, и поэтому побережье имеет очень мало пунктов для обживания европейцами. Кроме того, исследования затрудняет враждебность туземцев, но они, впрочем, имеют полное основание не слишком любить своих белых гостей, являющихся к ним, как и повсюду, «с пистолетом в одной руке и бутылкой водки — в другой».

Первыми такими колонизаторами были голландцы, занявшие некоторые пункты побережья еще в 1822 году. Их привлекла сюда боязнь, как бы англичане не обосновались на берегах острова и не вырвали таким образом из рук голландской компании монополию на торговлю пряностями.

Путешественники, проникавшие в глубь острова, дали описание протекающих по острову рек, среди которых есть несколько широких и многоводных, горных хреб-

тов с вершинами в несколько тысяч метров высоты, а также богатейшей флоры и фауны.

Громадные площади острова, который по разнообразию своей растительности ничем не уступает Малазийским островам, покрыты лесными массивами.

Здесь растет мускатник в совсем диком виде, а рядом — тековое дерево, такое крепкое, что оно особенно ценится для постройки кораблей, хлебное и манговое деревья, пальмы арек, кокосовая и саго.

Млекопитающих в Новой Гвинее насчитывается немного видов, но птицами остров чрезвычайно богат. Натуралисты насчитали 250 видов птиц, из которых большинство очень редки и водятся только на немногих островах Океании.

Этот обширный остров населен большим количеством племен, иногда резко отличающихся друг от друга расовыми признаками. Но преобладают в основном папуасы, которым и обязан остров своим наименованием — Папуазия. Само это слово характеризует их: по предположениям ученых, оно происходит от малайского выражения «пуа пуа», что значит «черный-черный», другие же ученые переводят его «курчавый». И то и другое в равной мере характерно для папуасов.

Еще недавно папуасы находились на самой низкой ступени развития; их старики рассказывали, что огонь стал известен папуасам чуть ли не на их памяти. На такой ступени развития находятся, возможно, и ныне племена, живущие в глубине острова, в местах, куда еще не проникали европейцы. Среди наиболее диких племен называют альфуров, арфаков и кару — воинственных горцев. Моряки долгое время опасались берегов Новой Гвинеи, где, по их словам, немало племен, живущих пиратством.

Ван-Стало был хорошо известен и сам остров, и его обитатели; не раз уже он ловил трепанг во многих пунктах побережья и не раз встречался с обитателями этого острова. Он знал поэтому и жестокость, и нравы тузем-ных пиратов.

Ни минуты не мешкая, лишь только шлюпка скрылась за островком, он тотчас подготовил свой маленький отряд к защите от нападения следовавшей по их пятам пироги.

— Живее! — скомандовал он.— Заряжайте ружья и прячьтесь за зеленью. Скройтесь хорошенько: против отравленных стрел этих островитян нет никаких средств.

— Ну,
патронов у
не одну ат
стрелки мы
у нас есть
на близкое
— Тем
слишком ме
— Но о
питан.— Не
— Да,—
зарослей.
— Что
— Пиро
Смотри, дяд
Ван-Стал
брался впер
ясно, что ос
чески старал
теперь так б
были отчетл
тали до шлю

Теперь м
были все вы
взгляда их м
благодаря ло
не свойствен
их лиц были
ной формы,
не так толсть
тые, были се
из окраше нн
Всю их о
ные из волок
Зато на них
зубов вепря
рыбьих косте
де — была ру
Все они б
ми, парангам
буковые сарба
отравленных
капитан: упас
Пирога вс
западного бер

— Ну, мы им не сдадимся. Ружья наши метки, а патронов у нас вполне достаточно, чтобы выдержать не одну атаку,— бодро говорил старый штурман,— и стрелки мы неплохие. Островитяне знают, конечно, что у нас есть ружья, и на реке не посмеют подойти к нам на близкое расстояние.

— Тем более, - заметил Корнелий,— что здесь слишком мелко для их тяжелой пироги.

— Но они могут пробраться по берегу,— сказал капитан.— Не теряйте их из виду. Вы видите их?

— Да,— отозвался Ганс, пробившийся сквозь чащу зарослей.

— Что они делают?

— Пирога обходит отмель, чтобы войти в устье реки. Смотри, дядя!

Ван-Сталь, скрываясь, как мог, в густой зелени, пробрался вперед и стал следить за маневрами пироги. Было ясно, что островитяне потеряли шлюпку из виду и всячески старались разгадать, куда она уплыла. Пирога была теперь так близко, что отчетливо бегавшие по ней люди были отчетливо видны простым глазом, а голоса их долетали до шлюпки.

Теперь можно было и рассмотреть их. Островитяне были все высокого роста и хорошо сложены. С первого взгляда их можно было принять за африканских негров благодаря лоснящейся черной коже, но в окраске ее был не свойственный неграм красноватый оттенок. Да и черты их лиц были правильнее и не так грубы: голова — овальной формы, нос — прямой и не расплющенный, губы — не так толсты, а рот — невелик. Волосы их, мягкие и густые, были собраны вместе и придерживались гребнем из окрашенного в красный цвет дерева.

Всю их одежду составляли одни передники, вытканные из волокон древесной коры, так называемой тиедеко. Зато на них было множество украшений: ожерелья из зубов вепря или из черепахи, браслеты из ракушек или рыбьих костей. Только на одном — должно быть, вожде — была рубаха из красной материи.

Все они были вооружены копьями, тяжелыми саблями, парангами, а некоторые держали еще в руках бамбуковые сарбаканы, предназначенные для метания стрел, отравленных самым опасным ядом, которого так боялся капитан: упас.

Пирога все приближалась к островку, плывя вдоль западного берега. Но плыть по реке ей было очень труд-

но. Корнелий был прав, предвидя, что при глубокой осадке тяжелых пирог река окажется для них слишком мелка, несмотря даже на начавшийся прилив.

Подойдя метров на двести к островку, где пряталась шлюпка, пираты внезапно остановились; было похоже на то, что пирога села на мель. Пираты метались по пироге, вглядывались в реку и издавали злобные крики.

— Они сели на мель! — радостно воскликнул капитан.

— Да, но их поднимет прилив, и скоро они доберутся до нас,— возразил Ван-Горн.

— Дядя,— вмешался Корнелий,— разреши открыть огонь. Может быть, убедившись в том, что мы хорошо вооружены, а стреляем мы метко, они откажутся от своих планов и предпочтут убраться.

— Мысль недурна. Но они не открывают враждебных действий, воздержимся от них и мы. Нет нужды растрачивать порох и пули. Пока что они ничем не заявили о своей враждебности, кроме того, что преследовали нас.

— По-моему, лучше всего воспользоваться тем, что они не могут двинуться с места, и как можно скорее бежать,— предложил Ван-Горн.— Имейте в виду, что скоро подойдет и вторая пирога.

— А куда нас приведет эта река? — спросил Корнелий.

— Я знаю столько же, сколько и ты,— ответил капитан.— Мы поднимемся вверх до тех пор, пока не найдем места, где можно было бы хорошо укрыться от пиратов. А когда они уберутся — они не замедлят это сделать, так как потеряли наш след,— мы опять выйдем в море и продолжим наш путь.

— Капитан, назад в шлюпку! — раздался голос Ван-Горна.— Вторая пирога приближается к реке!

Ван-Горн не ошибся. Отставшая пирога подходила к устью реки и искала прохода, чтобы добраться к первой, все еще сидевшей на мели.

Приближавшееся к пиратам подкрепление могло оказаться роковым для наших странников. Хотя снаряжения у голландцев было достаточно, чтобы оказать жестокое сопротивление, но было явно неблагоразумно пятерым начинать борьбу с сорока или пятьюдесятью папуасами, вооруженными отравленными стрелами.

— Бежим! — решил капитан.— Путь свободен, вода высока — надо воспользоваться этим и подняться вверх по реке.

Все пятеро вернулись в шлюпку и, держась позади

островка, пышная растительность которого прекрасно скрывала их от глаз дикарей, принялись бесшумно грести. Лодка двинулась вверх по реке, подгоняемая морским приливом, ослаблявшим течение реки.

Пираты, слишком занятые тем, чтобы сдвинуть крепко застрявшую в песке пирогу, не заметили движения шлюпки. Вскоре перестали доноситься голоса дикарей.

— Какая неприятная неожиданность ожидает их, когда, обшарив островок и оба берега, они нигде не найдут нас,— торжествовал Корнелий.

— Не радуйся заранее,— остановил его капитан.— Они не так-то легко откажутся от дальнейших поисков: не в их привычках упускать свою добычу. Нам остается только быть настороже, а в случае необходимости защищаться до последней капли крови.

— А мы не можем встретить по пути какую-нибудь деревню? — спросил Ганс.

— Не знаю; мне неизвестно даже названия этой реки. Во всяком случае, завидев деревню, мы не только не подплывем к ней, но поскорее скроемся в лесу.

— Мне кажется,— сказал Ван-Горн,— что немного выше река делает поворот.

— Тем лучше: нам легче будет скрыться от дикарей. Вперед! И смотрите во все стороны!

Река сохраняла все ту же ширину, но она становилась мелководнее, а русло ее перерезали песчаные отмели, которые шлюпка тщательно обходила.

По обоим берегам реки росли громадные деревья, иногда так густо, что могли помешать высадке. Тут встречались грандиозные тековые деревья, оплетенные лианами и кротовиками; манговые деревья, похожие на европейские вязы, ветви которых никли под тяжестью плодов — апельсинов в коричневой шкурке, очень нежных на вкус; встречались тут и хлебные деревья, плоды которых с их желтоватой мякотью, разрезанные ломтями и поджаренные, столь же питательны, как и вкусны; великолепные сахарные пальмы с длинными перистыми листьями, дающими настоящий растительный конский волос, а ствол их при надрезе выделяет сок, вполне заменяющий сахар; кокосовые пальмы, усыпанные орехами; каучуковые деревья и, наконец, бамбук, образующий высокую и плотную ограду.

На деревьях, по кустам порхали, пели, кричали великолепные и странные птицы: попугаи с белыми клювами и самки их в красном и черном оперении, волочившие за собой длинные желтые хвосты; promerops, крупные,

как голуби, птицы с бархатисто-черным оперением и длинным широким хвостом, сплетенным в причудливые косы; cicinuros regni, величиной с дрозда, но окрашенные в самые яркие цвета, настолько яркие, что они кажутся цветами или порхающими драгоценными камнями, отливающими красным, как рубин, зеленым, как изумруд, желтым, как золото, или белым, как серебро.

Берега этой реки были столь же богаты растительностью и птицами, как и безлюдны. Как ни напрягай зрение, нигде нельзя было увидеть ни одного человека.

Нашим странникам казалось, что они попали на необитаемый остров. По правде сказать, они не были склонны жаловаться на безлюдье. Они слишком хорошо знали, что нельзя рассчитывать на помощь туземцев; скорее нужно было опасаться их появления.

Около двух часов дня приблизительно в трех милях от устья реки капитан велел пристать к берегу. Пора было дать гребцам отдых и возможность приготовить завтрак, о котором до сих пор нечего было и думать.

Разложить костер они все же не решились, боясь привлечь внимание папуасов: ведь они могли скрываться в чаще леса. Поэтому нашим странникам пришлось удовлетвориться одними бисквитами, коробкой копченых сельдей и прибавить к ним несколько плодов, сорванных поблизости на громадном дереве, называемом durion.

Эти плоды были величиной с человеческую голову; снаружи они были покрыты острыми и крепкими шипами, а внутри их была мякоть, белая и нежная на вкус, как сливки, и слегка отдававшая запахом выдержанного сыра, сперва неприятным, но к которому со временем так привыкают, что находят его прелестным.

В четыре часа шлюпка двинулась снова вверх по реке. Капитан, хотя и не замечал ничего подозрительного на обоих берегах, хотел уйти как можно дальше от пиратов-островитян.

Но шлюпка уплыла все же недалеко. Только начала спускаться ночь, как вода с отливом схлынула. Шлюпка села на мель почти посередине реки.

Глава пятнадцатая

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

Тщетны были все усилия поставить шлюпку на воду. Мель, в которой она увязла, была очень длинна, да и река за ней, как казалось при слабом свете вечерней зари, становилась все мелководней.

Капитан ни за что не хотел оставлять шлюпку: она могла попасть в руки пиратов, а ее потерю ничем нельзя было возместить. Все пятеро смельчаков решили поэтому провести ночь на отмели, ожидая возвращения прилива.

В конце концов ночевать на отмели было даже безопаснее, чем перебираться для этого на берег. Ведь никто не мог знать, не окажется ли там, за зарослями, какое-нибудь воинственное и дикое племя папуасов. Да и спать здесь можно было спокойнее, чем на земле в лесу, где водилось множество змей.

— Мы не надолго будем прикованы к мели,— успокаивал капитан двух своих племянников, которые обсуждали создавшееся положение.— К утру нас поднимет прилив, и мы пристанем к берегу. Я убежден даже в том, что скоро мы сможем двинуться вниз и спуститься к морю.

— А ты не боишься, что пираты расположатся у устья и будут держать нас здесь, как в осажденной крепости? — спросил Корнелий.

— Ба-а! Как только они убедятся в том, что нам удалось ускользнуть от них и уплыть вверх по реке, они уберутся.

— А если они заупрямятся?

— Мы подождем, когда им надоест держать нас в осаде. У нас достаточно провианта — консервов хватит еще на две или три недели. О пище, впрочем, не стоит и думать: в этих местах нет недостатка ни в дичи, ни в съедобных плодах. Нам остается только испытывать терпение пиратов.

— А не хочешь ли ты попробовать прорваться к морю?

— Нет, борьба с пиратами затянулась бы, и мы рисковали бы привлечь к себе внимание туземцев. Кто может быть уверен в том, что у этих грабителей нет друзей где-нибудь тут поблизости. Я предпочитаю заставить их томиться в безделье, тогда они сами уберутся отсюда. Возьмите, ребята, еще по бисквиту и ступайте отдыхать. Кто первый станет на вахту?

— Я стану первый,— предложил Корнелий.

— Хорошо. Становись ты, а с тобой будет Ван-Горн. Четыре глаза всегда лучше двух.

Капитан, Ганс и Лю Ханг растянулись на дне лодки и тотчас заснули, пользуясь недолгими часами отдыха. Ван-Горн и Корнелий устроились один на носу шлюпки, чтобы наблюдать за верховьем реки, а другой — на кор-

ме, не спуская глаз с нижнего течения реки, откуда все время можно было ожидать пиратов.

Мертвая тишина царила над лесом, бросавшим непроницаемую тень на реку. Ни один звук не нарушал тишины, кроме жужжания ночных насекомых, легкого шелеста листьев из-за небольшого ветерка, идущего с моря, и рокота вод, спокойно катившихся по песчаному руслу.

Время от времени между листвой вспыхивали светящиеся точки, тотчас затухавшие, чтобы снова зажечься в другом месте. Но вахтенных не беспокоили эти огни: они знали, что эти огоньки — светлячки, часто встречающиеся на островах Малайзии. Светлячки так блестящи и ярки, что женщины в этих краях украшают ими волосы, накалывая их на золотые или серебряные булавки.

Уже прошел час, а Ван-Горн и Корнелий, не спускавшие глаз с темной дали, не заметили ничего подозрительного. Вдруг вдалеке пронеслась какая-то черная масса; она с большой скоростью пересекла реку, описав удлиненную параболу. Корнелий видел, что она отделилась от ствола громадного дерева на левом берегу и скрылась в лесу на другой стороне реки.

— Ван-Горн, — окликнул Корнелий своего товарища,— ты видел?

— Нет,— ответил Ван-Горн.

— В темноте пронеслось что-то черное, и так быстро, что я не успел рассмотреть, что это такое.

— Птица какая-нибудь...

— Нет, оно было слишком велико и не имело вида птицы. Что бы это могло быть?

— Не понимаю... Не снаряд ли это какой-нибудь, брошенный в нас папуасами?

— Дядя говорит, что у них нет ничего, кроме стрел и паранг.

В этот момент черная масса снова пронеслась над рекой по воздуху, и до шлюпки донеслось легкое дуновение.

— Ну что? Видел? — спросил Корнелий.

— Да,— спокойно отвечал Ван-Горн.

— Так что же это такое? — волновался Корнелий.

— Это — кубинг, как его называют малайцы: животное, которое обычно называют летучей кошкой или лисицей.

— Лисица, которая летает?

— Эти животные скорее похожи на обезьян, чем на лисиц. Они не очень велики, рост их примерно пол-

метра, голова у
белки, шкура тем
ный пушистый х
они пролетают со
сейчас видел, лет
— Как же он
— Очень прос
— Обезьяны
— Я не говор
как и у птиц. Они
рая идет от перед
хвоста. Когда в во
как будто плавая,
понка служит им
— И эти живо
— Я видел их
вин; они и здесь
— Ш-ш...
— Еще один?
— На этот ра
Ван-Горн и Ко
реки доносился ш
в воду. Но тьма б
шагах едва можно
— Ты слышал
— Да,— ответ
чувствовалось бес
— Кто-то пры
— Боюсь, что
— Пираты, ве
— Пираты не
— Они могли
вдоль берега, с ра
Ван-Горн ничег
головой.
— Что нам де
— Только по-
ими берегами. Есл
отмель, чтобы доб
— Верно... Сл
— И третий по
— Не окружа
послышалась дрож
— О, посмотр
берег реки.
Только тогда

метра, голова у них маленькая и похожа на головку белки, шкура темно-рыжая, а у некоторых есть еще длинный пушистый хвост. Пространство в 60—80 метров они пролетают совершенно свободно, но эти, которых ты сейчас видел, летают еще дальше.

— Как же они летают?

— Очень просто: на крыльях.

— Обезьяны с крыльями? Что за чепуха!

— Я не говорю ведь тебе, что у них такие же крылья, как и у птиц. Они снабжены широкой перепонкой, которая идет от передних лап к задним и продолжается до хвоста. Когда в воздухе они перебирают своими лапами, как будто плавая, они действительно летают, и эта перепонка служит им крыльями.

— И эти животные водятся тут, на острове?

— Я видел их в окрестностях Дорей и в заливе Гальвин; они и здесь должны быть.

— Ш-ш...

— Еще один?

— На этот раз вряд ли летающая обезьяна...

Ван-Горн и Корнелий застыли на месте. С верховья реки доносился шум, как будто от падения каких-то тел в воду. Но тьма была так непроницаема, что и в десяти шагах едва можно было что-нибудь различить.

— Ты слышал? — спросил Корнелий.

— Да,— ответил Ван-Горн. На этот раз в его голосе чувствовалось беспокойство.

— Кто-то прыгнул с берега в воду.

— Боюсь, что так.

— Пираты, верно?

— Пираты не проберутся сюда.

— Они могли высадиться и отправиться пешком вдоль берега, с расчетом напасть на нас с двух сторон.

Ван-Горн ничего не сказал, но отрицательно мотнул головой.

— Что нам делать?

— Только по-прежнему внимательно следить за обоими берегами. Если это человек, то ему придется перейти отмель, чтобы добраться до нас.

— Верно... Слышишь, опять этот всплеск.

— И третий поодаль...

— Не окружают ли они нас? — В голосе Корнелия послышалась дрожь.

— О, посмотри туда,— указал Ван-Горн на левый берег реки.

Только тогда Корнелий заметил на поверхности

воды продолговатые темные массы, которые медленно продвигались к отмели, взбаламучивая вокруг себя воду.

— Что это, лодки?

— Нет, крокодилы.

— Так здесь водятся и крокодилы? Они нападут на нас? — волновался Корнелий.— Как хорошо, что мы по крайней мере в шлюпке.

— В шлюпке-то в шлюпке, но мы так завязли в песке, что не сможем скоро выбраться на берег. Если крокодилы подплывут сюда, они и в шлюпку могут забраться, и сломать ее ударами хвоста им не так трудно.

— Разбудить дядю, Горн?

— Разбуди всех. Мне думается, что нам предстоят довольно неприятные минуты.

Капитан, Ганс и Лю Ханг тотчас вскочили, лишь только Корнелий, растолкав их, шепнул:

— Вставайте! Крокодилы!..

Капитан, осмотревшись и увидев, откуда движутся крокодилы, сейчас же понял, какая угрожала опасность.

— Дело может принять серьезный оборот,— сказал он.— Крокодилы на Новой Гвинее очень хищны и не боятся людей. Что, прилив начался?

— Вода как будто начинает подниматься.

— Пока прилив не поставит нас на воду, придется защищаться.

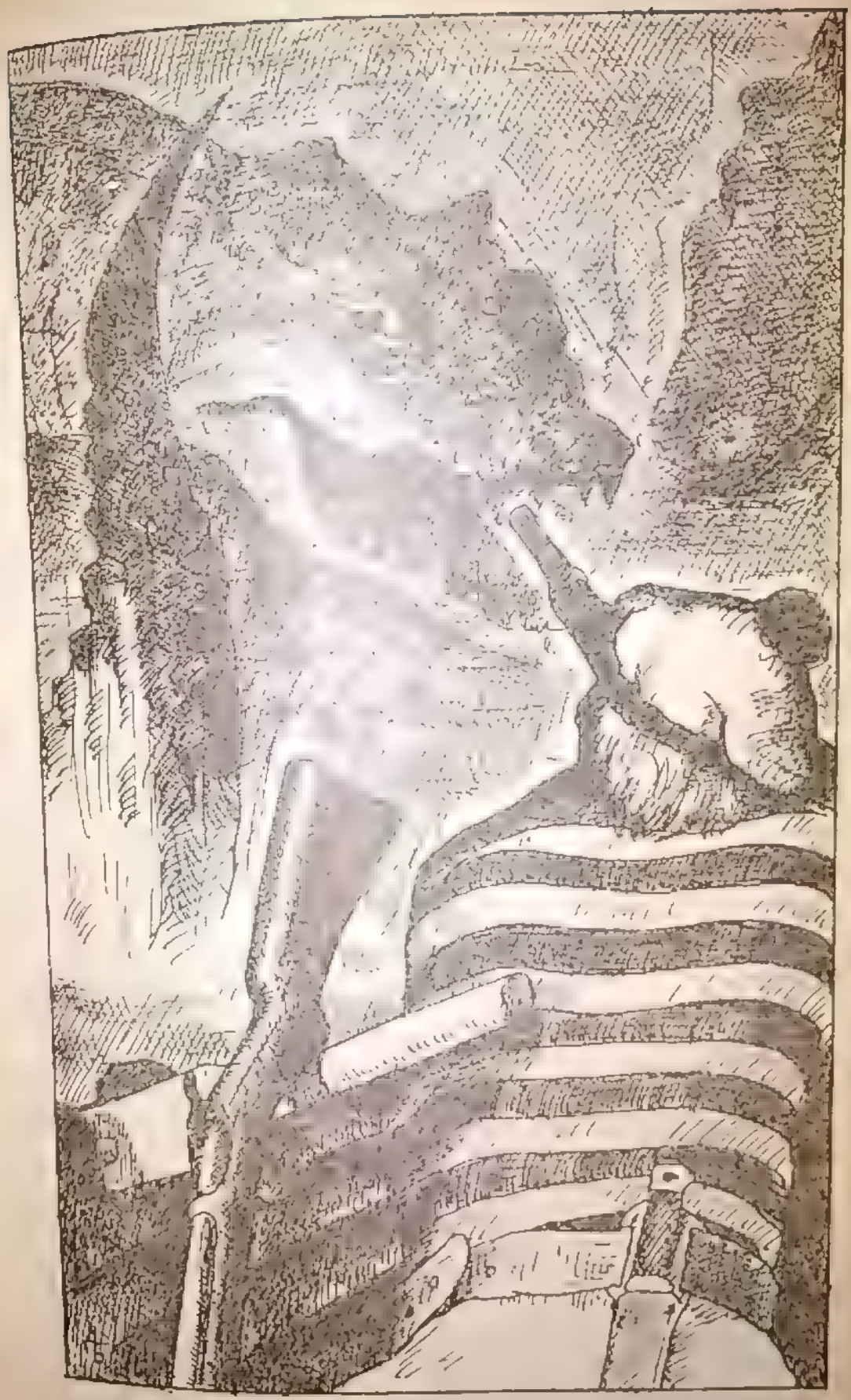
— Но как же нам защищаться? Стрелять — дикари, пираты ли, другие ли, услышат выстрелы и двинутся на нас.

— Так-то оно так, но не дать же нам себя на съедение крокодилам, боясь привлечь новых врагов! Как только прилив снимет нас с мели, мы доплывем до берега и уйдем в лес. А пока нужно отразить нападение. Только смотрите, стреляйте прямо в пасть: туловище крокодилов покрыто такой крепкой чешуей, что пули только отскакивают от нее.

Крокодилы приближались. Теперь было видно, что их было не два и не три, а целая стая: двадцать, тридцать, может быть, и больше.

Как могли они собраться в таком количестве, когда днем на всей реке не было видно ни одного? Приплыли ли они из какого-нибудь озера или болота, с верховьев реки? Этого никто не мог объяснить, но перед злосчастными моряками теперь вставала новая грозная опасность.

Кр
они



Крокодилы не останавливались: они подходили все ближе и ближе

Крокодилы, почувствовав добычу, со всех сторон приближались к шлюпке и уже окружили отмель.

При слабом свете звезд можно было увидеть, как крокодилы раскрывали громадные челюсти с длинными зубами и смыкали их со звуком, подобным тому, какой производит, падая, крышка сундука.

Их хвосты яростно били по воде, разлетавшейся брызгами во все стороны, а чешуйки позванивали так, будто кто-то переворачивал мешок с серебром.

Крокодилы приблизились вплотную к отмели, остановились и стали на лапы, вытянувшись вперед, словно рассматривая, что за добыча приготовлена им. Потом один из крокодилов — должно быть, самый крупный, так как в нем было по крайней мере восемь или девять метров,— одним прыжком вскочил на отмель и двинулся прямо к шлюпке.

— Как он отвратителен! — проговорил Ганс, дрожа.

— Смелее, ребята! — крикнул Ван-Сталь, который и на этот раз не потерял присутствия духа.— Этот — мой!

Крокодил был уже в нескольких шагах от шлюпки. Ван-Сталь вскинул ружье, прицелился и выстрелил прямо в раскрытую пасть чудовища.

Крокодил был убит наповал: пуля, пройдя через горло, проникла глубоко в его тело. Крокодил резко вытянулся, как конь, становящийся на дыбы, ударил хвостом по песку и упал, судорожно корчась. Но остальные крокодилы ничуть не были испуганы выстрелом, хотя он и был им непривычен — папуасы не имеют ведь огнестрельного оружия, а европейцы бывают здесь так редко. Почти одновременно вся стая вскочила на отмель и бросилась к шлюпке.

— Стреляй! — скомандовал капитан, сам заряжая свое ружье.

Натиск был ужасен. Исполинские ящерицы, готовые проглотить не только людей, но, казалось, и самую шлюпку, быстро надвигались, давя и тесня друг друга, чтобы первыми прийти к добыче. Их теплое, зловонное дыхание уже доносилось до осажденных. Но и те не оставались в бездействии, хотя выраставшая перед ними смертельная опасность сперва сильно смутила их.

Моряки безостановочно стреляли, заряжали и снова стреляли в выраставшую перед ними стену чудовищ с разинутыми пастями. Только какому-нибудь крокодилу удавалось подойти слишком близко к шлюпке, как, убитый, он с грохотом падал в воду.

Крокодилы
ближе и ближе.
топоры, гарпуны
тили их ударами
необыкновенной
вокруг себя, пр
разрывали пасти
К счастью, б
кодилы не могл
шлюпку, а все
оказались беспл
Осажденным
выбравшись из
ротливыми.
Натиск ослаб
перед шлюпкой
ударами последн
браться вплотну
Ханг посылали
пасти.
Это отчаянно
вспышки пороха
вотных. Они ото
лакомой добычи
вались.
Ван-Горн и В
тились за ружья
вого натиска, он
— Держись
минут, и шлюпк
крокодилы приб
— Да, вода
нелей.
— Дядя, дяд
идет на нас. Кро
— Дарю его
только,— ответи
Два выстрела
дил отступил на
скатился в реку;
ное тело чудови
Остальные кр
ности. Они двину
но только для то
С новой сило
отчаянно защища

Крокодилы не останавливались; они подходили все ближе и ближе. Капитан, а за ним и другие схватили топоры, гарпуны и стали ждать крокодилов. Они встретили их ударами топоров и гарпунов; действуя ими с необыкновенной ловкостью, наши герои крушили все вокруг себя, проламывали черепа, разбивали челюсти, разрывали пасти отвратительных животных.

К счастью, борта шлюпки были так высоки, что крокодилы не могли преодолеть их и забраться в самую шлюпку, а все их усилия разбить или перевернуть ее оказались бесплодными.

Осажденным способствовало еще и то, что крокодилы, выбравшись из воды, становились грузными и неповоротливыми.

Натиск ослабевал. Теперь капитан и Ван-Гори, стоя перед шлюпкой с топорами в руках, встречали тяжелыми ударами последних смельчаков, осмеливавшихся подобраться вплотную к шлюпке, а Корнелий, Ганс и Лю Ханг посылали из шлюпки пулю за пулей в разинутые пасти.

Это отчаянное сопротивление, грохот выстрелов и вспышки пороха сломили наконец упорство хищных животных. Они отступили, но только до края отмели: от лакомой добычи они все же, по-видимому, не отказывались.

Ван-Гори и Ван-Сталь бросили топоры и снова схватились за ружья. Ободренные удачным отражением первого натиска, они еще энергичнее отстреливались.

— Держись крепче! — кричал капитан.— Еще десять минут, и шлюпку поднимет прилив. Пусть эти чертовы крокодилы приблизятся тогда к нам.

— Да, вода быстро поднимается,— подхватил Корнелий.

— Дядя, дядя! — закричал Ганс.— Смотри, еще один идет на нас. Крокодилы не хотят уходить!

— Дарю его тебе, мой мальчик. Не промахнись только,— ответил ему капитан.

Два выстрела раздались почти одновременно. Крокодил отступил на шаг, и оказавшись на самом краю отмели, скатился в реку; течение подхватило и унесло неподвижное тело чудовища.

Остальные крокодилы были, казалось, в нерешительности. Они двинулись было вперед, еще раз отступили, но только для того, чтобы снова пойти на шлюпку.

С новой силой они обрушились на наших героев, так отчаянно защищавшихся. Теперь крокодилы совсем рас-

скрежет. Челюсти их еще более зловеще стучали, а хвосты все яростнее били по воде. На этот раз натиск был особенно жесток.

Может быть, эта атака и оказалась бы роковой для наших героев, но в тот момент, когда крокодилы были у самой шлюпки, Корнелий закричал:

— Мы плывем!

Действительно, шлюпка, до сих пор покачивавшаяся под ударами зыби, внезапно оказалась поднятой на воду.

— Вперед! — вскричал капитан.— Горн, Ганс, Лю Ханг, садись на весла!

Все трое тотчас схватили весла и первыми же сильными ударами окончательно сдвинули лодку с мели и направили ее к левому берегу реки. А капитан и Корнелий, стоя на корме, не спускали глаз с крокодилов, двинувшихся за лодкой вплавь. И тут пули не миновали тех, что приближались слишком близко к шлюпке.

Крокодилы отстали. Шлюпка подошла к берегу и стала пробираться сквозь заросли водяных растений.

Тут только все пятеро свободно вздохнули: опасность была позади.

Но не успели они отдохнуть, как снизу реки послышались голоса и удары весел о воду.

— Кто там плывет? — беспокойно спросил капитан.— Горн, посмотри, да осторожнее.

— Пираты! — послышался сдавленный шепот Ван-Горна из зарослей.— Они услышали выстрелы, и вот они тут как тут.

Капитан замер, прислушиваясь к отдаленным голосам.

— Да, это они. Они поднимаются по реке.

— Как же это им удалось пройти мели с их тяжелой пирогой? — недоумевая спросил Ганс.

— Они разделили ее надвое, сняли мостки и снасти. Скорее прячьте шлюпку, набросайте на нее зелень, и бежим в лес,— прошептал ему в ответ Ван-Горн.

Глава шестнадцатая

ДОМ В ВОЗДУХЕ

Бедствия наших странников не ограничились нападением крокодилов. Самые тяжелые испытания, по-видимому, теперь только начинались. Несомненно, вы-

стрелы привлекли пиратов: они обнаружили, где находится шлюпка, и, преодолев все препятствия, настигали свои жертвы. Пироги поспешили подняться вверх по реке не на помощь морякам, а чтобы поделить добычу с крокодилами.

Голоса пиратов и удары весел были теперь слышны совсем близко. Шлюпку поэтому быстро вытащили на берег и накрыли ее грудой тростников и камышей, чтобы скрыть от пиратов оставшиеся в ней припасы и необходимые вещи.

Все пятеро, оставляя шлюпку, захватили с собой только ружья, порох и пули — единственное средство для защиты и от зверей, и от людей.

— Ну, в путь! — скомандовал капитан.

Все двинулись за [illegible] леса. В это же время на реке появилась первая пирога, за ней вскоре и вторая.

Наши странники ух[illegible] все дальше от берега, углубляясь в чащу леса, та[illegible]стую, что и днем здесь было почти совсем темно. В по[illegible]тьме едва можно было различить стволы деревьев.

Но Корнелию девственная чаща леса была давно знакома: не раз он попадал в такие леса во время своих экскурсий на острове Тиморе. Он легче других находил путь между деревьев и поэтому он пошел во главе отряда, держа курс на запад.

Деревья сменялись деревьями; одни — с громадными и гладкими стволами, уходившими в высоту на пятьдесят — шестьдесят метров, другие — низкие, узловатые, изогнутые во все стороны, или тонкие, с несоразмерно широкими листьями.

Ползучие растения, лианы переплетались между собой: они сплетали громадные воздушные сетки между деревьями, а внизу из земли поднимались чудовищные корни деревьев, создавая впечатление общего хаоса.

Корнелий медленно и осторожно двигался вперед, больше всего опасаясь тех ужасных питонов, которые так часто встречаются в этих краях. Пробираясь по лесу, можно нечаянно задеть ногой спящего питона, а они так сильны, что, обвив, могут задушить даже быка.

Так продвигались наши путники все дальше на запад, заметая свои следы от пиратов. Проблуждав весь день, они вышли на поляну, со всех сторон окруженную лиственным массивом.

Наступала ночь. Хотя луны на небе и не было, но было светло и видно далеко вокруг.

К своему удивлению, Корнелий, все еще шедший первым, заметил посреди поляны черную массу, которая, казалось, висела в воздухе на высоте не менее 15 метров от земли.

— Дядя! — вскричал Корнелий.

— Что случилось? — спросил капитан, выходя с остальными, вслед за Корнелием, из леса.

— Смотри! — И Корнелий указал капитану на черную массу.

Капитан посмотрел и ухмыльнулся.

— Да это же жилище папуасов. Если оно обитаемо, дело скверно,— сказал он.

— Жилище?

— Ну, да. Чтобы избежать неожиданного нападения зверей или врагов, папуасы часто ставят свои хижины на очень высокие столбы.

— Но это строение слишком обширно для одной хижины.

— Значит, в нем живет несколько семей: папуасы часто объединяются по нескольку семей, чтобы построить себе такой воздушный дом.

— Вот хорошо, если он окажется необитаем! — произнес Ван-Горн.

— Сейчас мы это узнаем,— прервал его капитан.— Обитатели такой хижины обычно поднимают на ночь все бамбуковые лестницы, по которым они взбираются наверх. Если мы не увидим снаружи лестниц — значит, обитатели наверху.

— Если бы там наверху были люди,— заметил Ганс,— то днем они слышали бы наши выстрелы, и теперь им было бы не до сна, они подавали бы какие-нибудь признаки жизни.

— Ты прав. Можно надеяться, что хижина пуста.

— А зачем тебе нужна эта хижина?

— Как зачем? Да если она пуста, мы устроимся в ней. Здесь и отдохнуть можно, и в случае нападения она очень удобна для защиты.

— Ты думаешь, что она крепко стоит? У меня-то мало доверия к такой легкомысленной постройке.

— Напрасно: воздушные хижины островитян обычно очень устойчивы; их столбы из бамбука очень крепки, несмотря на всю свою легкость. Во всяком случае следуйте за мной, и как можно тише.

Прячась в кустарниках, травах и ползучих расте-

ниях, которыми поросла вся поляна, все пятеро направились к причудливой постройке и остановились в нескольких шагах от поддерживавших ее столбов.

Воздушный дом был поднят метров на пятнадцать над землей. Несмотря на всю его кажущуюся непрочность, он был так крепок, что делал честь своим строителям. Руководствуясь не знанием, а скорее инстинктом, папуасы все же сумели воздвигнуть жилище, которое могло выдержать и натиск ветров, и даже ураганов, столь частых в этих краях.

Начиная стройку, папуасы сперва вколачивают очень глубоко в землю длинные и толстые бамбуковые столбы, которые в земле, всегда сырой, не гниют. Затем строители связывают столбы между собой волокнами растений и специальными лианами.

На высоте восьми метров над землей на столбах укладывается первая площадка из пластин более легкого бамбука; к столбам их прикрепляют крепкими жилами пальмовых листьев. Это первый этаж. Над ним, на три или четыре метра выше, возвышается второй этаж, еще шире и лучше укрепленный, чем первый, так как он-то и служит, собственно говоря, жилищем. Настил укладывается из пластин особенно крепкого бамбука, а стены делаются из рядов сплетенных в циновки тростников. Крышу, с двумя скатами, папуасы укладывают из нескольких слоев широких листьев, по которым воды частых ливней стекают вниз.

Наверх в самое жилище обитатели взбираются при помощи бамбуковых лестниц. На ночь лестницы поднимаются, чтобы враг не мог застать врасплох во время сна.

В этом жилище, на высоте пятнадцати метров над землей, папуасы могут спокойно спать, не боясь неожиданного нападения людей и зверей.

Капитан не в первый раз встречал такую постройку. Он обошел ее кругом и сейчас же обнаружил, что лестницы находятся на своем месте.

— Дом, по-моему, пуст,— шепнул он своим спутникам.

— Может быть, папуасы там, наверху, убиты.

— И это возможно. Папуасские племена, живущие на побережье и в глубине острова, ненавидят друг друга и воюют между собой. При нападении врагов строителям такого воздушного дома приходится иногда покинуть его, даже не окончив стройки.

— Ну что же, воспользуемся их отсутствием и зай-

чем это жилье! — воскликнул Ганс, обрадованный близостью отдыха.

И он приготовился вскарабкаться по лестнице, но капитан остановил его.

— Подожди. Возможно, что только часть обитателей ушла, а наверху кто-нибудь еще остался и не пожалеет для тебя отравленной стрелы. Дай мне сперва удостовериться в том, что дом совершенно пуст.

Капитан обхватил обеими руками один из столбов и сильно потряс его. Вся постройка, несмотря на свою устойчивость, вся, с основания до верхушки, слабо качнулась, и послышался легкий треск.

— Если там есть люди наверху, они, надеюсь, проснутся от толчка, — проговорил капитан.

Ван-Сталь поднял глаза к верхней площадке, но не обнаружил наверху никакого движения. Только птицы, уснувшие, верно, на крыше, с громким криком взлетели на воздух.

— Никого,— сказал Ван-Горн.

Ганс полез наверх по одной лестнице, а капитан — по другой. Оба одновременно достигли первого этажа и так же одновременно снова схватились за столбы, заставив задрожать все здание.

Не обнаружив и на этот раз никакого движения и никакого шума, они полезли выше и скоро оказались на второй площадке. Она выступала из-за края столбов, образуя галерею вокруг всего дома.

Тут они остановились: настил площадки показался им ненадежным. Папуасы, удивительно цепкие и подвижные, не очень заботятся о кладке настила в своих воздушных домах: очень часто они оставляют между бамбуковыми стропилами неперекрытые пространства в двадцать — тридцать сантиметров. Но для людей, не привыкших ходить по таким узким мосткам или подверженных головокружению, не слишком-то приятно пробираться по тонким, прогибающимся пластинкам бамбука на высоте пятнадцати метров над землей.

За Гансом и капитаном наверх полезли и остальные.

— Черт возьми,— воскликнул Ганс,— ну и галерея! По ней не погуляешь!

— Она неудобна для нас,— заметил капитан.— А папуасам лучшей и не надо.

— Но по ней опасно ходить, особенно детям.

— О, их дети проворны, как обезьяны, и такие пустяки не смущают их. Идем дальше.

— Честное слово, у меня нет никакой охоты попасть

ногой в провал и слететь вниз. Я предпочитаю ползти на четвереньках.

— Верно,— согласился с ним капитан,— на четвереньках, так на четвереньках. Не стоит зря ломать себе шею.

И оба, уподобившись четвероногим животным, поползли на четвереньках по галерее во внутренние покои. Пол там был покрыт толстыми и крепкими циновками. Капитан и Корнелий поднялись на ноги и огляделись.

Внутреннее помещение воздушной хижины было замкнуто четырьмя стенами и перекрыто крышей, продолжавшейся над галереей. Все жилье было разделено на четыре комнаты, выходившие на галерею.

Капитан высек огнивом пламя и зажег им несколько сухих листьев. Теперь он мог окончательно убедиться в том, что дом был не [illegible] покинут его обитателями, но в нем не оставалось [illegible] ничего, свидетельствовавшего об их пребывании.

— Тем лучше,— сказал он, довольный результатами осмотра,— мы сможем спокойно провести здесь остаток ночи.

— Убрать лестницы? — спросил снизу Ван-Горн.

— Да. Сделай это, Ван-Горн,— ответил ему капитан.

Старый моряк стал карабкаться наверх, вталкивая за собой по мере восхождения ненужные уже ему лестницы.

— Наконец-то и у нас есть дом,— радовался Ганс.

— Не только дом — целая крепость, откуда мы сможем отбиваться от пиратов, если они снова покажутся.

— Вернее, если они откроют наше убежище,— добавил Ван-Горн, появляясь в это время наверху.— Я боюсь, что они оказались хитрее нас.

— Ты заметил что-нибудь подозрительное? — спросил Ван-Сталь.

— Я могу ошибиться; но в то время, как я карабкался наверх, я слышал легкий свист.

— Неужели они напали на наш след?

— Не знаю, что сказать, капитан.

— В такую темную ночь? В лесу? — удивился Корнелий.

— О, у дикарей зрение, как у ночных птиц.

— Но на какую же добычу они рассчитывают, что так упорно преследуют нас?

— Прежде всего на ружья и снаряжение. Их упорство только этим и объясняется.

— Их так соблазняют ружья?

— Конечно. Ведь у них есть только стрелы и сарбаканы. Имей они ружья и патроны — все соседние племена окажутся у них в зависимости.

— Ну, в эту крепость они не смогут забраться,— сказал Ганс.

— Ты забываешь,— возразил ему Корнелий,— что они могут перерубить бамбуковые столбы.

— Как мы полетим тогда сверху! Мне страшно подумать об этом.— И Ганс зажмурил даже глаза, представляя себе падение воздушного дома.

— Выгляните, ребята, наружу: не слышно ли чего со стороны леса,— предложил капитан.

Ганс и Корнелий обошли всю галерею, откуда открывалась вся поляна в кольце лиственной чащи.

В это время на небе взошла луна и залила все вокруг своим светом. Если бы на поляне были люди, юноши легко обнаружили бы их присутствие.

— Никого,— сказал Корнелий.

Вслед за ними вышел на галерею и Ван-Горн. Царившая всюду тишина, по-видимому, не успокоила его.

— Поляна поросла кустарниками,— сказал он,— пираты могут пробираться, скрываясь за ними. Будьте все же осторожнее.

В этот момент, как будто в подтверждение опасений Ван-Горна, темная полоска пронеслась по воздуху и скрылась за одной из внешних стен жилища, всего в полуметре над головой Лю Ханга.

— Стрела! — встревоженно шепнул капитан.

Вытянувшись во весь рост, он осторожно вытащил стрелу из стены.

— Она пущена из сарбакана,— сказал он.

Стрела имела сантиметров пятьдесят в длину; то был стебель бамбука, заостренный на одном конце, с пучком хлопка и пробкой из сердцевины растения — на другом.

— Она отравлена? — спросил Корнелий.

— Без сомнения; они не могли рассчитывать ранить кого-нибудь из нас таким легким снарядом. Прячьтесь в дом: упас — яд, никого не щадящий.

— Кто же метал ее? Неужели пираты?

— Да, они. Живее, в дом...

Все пятеро быстро оставили галерею и спрятались за стенами дома. Как только они оказались в безопасности, пущенная откуда-то из-за кустарников вторая стрела упала на крышу и, пробив ее, упала на галерею.

Глава семнадцатая

МЕЖДУ ОГНЕМ И СТРЕЛАМИ

Папуасы слабо вооружены и никогда не могут устоять против атак белых с их дальнобойными, меткими ружьями. Но если они и не могут рассчитывать на свои луки, стрелы, палицы – грубые куски очень твердого дерева,— на свои копья с костяными наконечниками, то они обладают оружием, делающим их очень опасными в борьбе, ведущейся из засады.

Это оружие изобретено не ими, они заимствовали его, конечно, у других островитян — малайцев или жителей Борнео. Но пользуются папуасы этим оружием с удивительной ловкостью. Называется оно — сарбакан, а малайцы называют его — сумпитан.

Оно представляет собою полую бамбуковую трубку, длиной в полтора метра, начисто вычищенную внутри при помощи тонкого стебля, для того чтобы стенки ее были совершенно ровные и гладкие.

В эту бамбуковую трубку папуасы вставляют тонкий бамбуковый прутик с наконечником в виде всаженного в бамбук острого и длинного шипа; с другого конца на прутик насаживается пробка из сердцевины растения, причем размер ее подогнан к размеру стрелы. Дикари выдувают стрелу из трубки, и она может пролететь до пятидесяти метров и глубоко вонзиться в тело человека, животного или птицы.

Человек, животное, птица, пронзенные такой стрелой, умирают не позже, чем через несколько минут, так как наконечник стрелы смочен в соке упас — одного из самых сильных ядов, какие только известны людям.

Тотчас же после ранения человека охватывает сильная дрожь. Пульс сперва учащается, но очень скоро наступает упадок сил; дыхание становится затрудненным; появляется одышка, начинаются спазмы, конвульсии, агония — и смерть наступает не позже, чем через минуту. Ученые полагают, что этот яд действует одновременно и на кровеносную и на нервную системы человека.

Дикари отравляют стрелы и другими ядами: очень часто они употребляют сок ползучего растения, называемого сеттинг, яда еще более сильного, вызывающего мгновенную смерть.

Капитан хорошо знал, как страшно действие отравленных стрел; поэтому он увел всех с террасы, чтобы не служить папуасам мишенью для обстрела. Обе стрелы, уже пущенные дикарями, капитан забрал с собой и, осмотрев их, удостоверился в том, что пираты действительно вооружены сарбаканами.

Но и держась за стенами, осажденные могли отстреливаться: для чего в стенах были оставлены многочисленные бойницы.

Все пятеро встали в этих бойницах. Они зорко следили за поляной, осматривая каждый куст, за которым могли скрываться пираты. В случае нападения — с какой бы стороны оно ни было направлено на воздушную хижину — моряки могли остановить его ружейным огнем.

Ждать им пришлось недолго. Через несколько минут из-за кустарников выскочили черные тени; они двинулись к воздушной хижине. То были пираты; их было немало: человек сорок, наверно.

Корнелий прицелился и выстрелил. Настигнутый меткой пулей папуас дважды повернулся на месте и, не издав ни звука, упал бездыханным на землю.

Такой меткий выстрел ошеломил осаждающих. Они отступили к лесу и скрылись там, прячась за деревьями.

Наступила томительная тишина.

— Внимание! — закричал вдруг капитан.

Семь или восемь стрел одновременно прорезали воздух. Но они были пущены со слишком далекого расстояния, и только две из них вонзились в бамбуковые перекладины площадки, а остальные упали на землю к подножию столбов.

— Целый град стрел...— вздохнув, сказал Корнелий.

— И град, несущий яд. Наше счастье, что мы находимся за стенами,— отозвался Ван-Горн.

— А что мы будем делать потом,— задумчиво сказал капитан, которого не успокоило отступление пиратов.— Если осада продолжится, что станет с нами?

— Ничто не гонит нас отсюда. В этой птичьей клетке совсем не так скверно.

— А провиант? У кого из нас есть хоть капля воды?

— У меня, правда, есть бисквиты, да только два, а воды... Ее нет ни у кого.

— Неужели дикари поведут правильную осаду? — спросил Ганс.

— Ты можешь быть в этом уверен. Не сумев взять нас силой, они возьмут нас голодом.

— Смотрите

нелий.

Осажденные,

рожно пробирав

они не шли пря

некоторые из ни

скрыться от стр

— Да они

Ван-Горн, показ

охапку травы, и

Корнелий вы

за выстрелом.

— Промах и

— И с наше

закричал Ганс.

Ганс и капи

пули пропали да

продвигались к

— Под земл

Горн.— Не мог

Но тут чело

прикрытия и бе

к хижине. Прež

дить свое ружь

сильно ударили

порки тотчас ру

Три выстрел

ли, как подкоше

что есть мочи, н

валился на зем

— Они храб

ко надеяться н

сколько челове

нескольку столб

Ван-Горн.

— Ну, не та

бов так много,

как хижина ру

того как их про

в атаку. Но гля

раз так же.

Все пятеро

дании.

Пираты спо

уходить: от вре

стрел, но и эти

— Смотрите: они возвращаются! — вскричал Корнелий.

Осажденные, выглянув через бойницы, увидели осторожно пробиравшихся к хижине пиратов. На этот раз они не шли прямо, а прятались, как могли, в кустах; некоторые из них даже не шли, а ползли по земле, чтобы скрыться от стрелков.

— Да они хотят подрубить столбы! — воскликнул Ван-Горн, показывая Корнелию двигавшуюся к хижине охапку травы, из-за которой торчали топоры и копья.

Корнелий выстрелил; но ни один крик не последовал за выстрелом.

— Промах или наповал, — сказал Ван-Горн.

— И с нашей стороны движутся топоры и копья! — закричал Ганс.

Ганс и капитан выстрелили в одно время, но и их пули пропали даром: пираты, скрытые за охапками травы, продвигались к хижине.

— Под землей они, что ли, прячутся? — ворчал Ван-Горн.— Не могу различить ни одного живого существа.

Но тут человек двадцать папуасов выскочили из-за прикрытия и бесстрашно, под пулями, бросились бегом к хижине. Прежде чем кто-нибудь наверху успел разрядить свое ружье, пираты добежали до столбов и так сильно ударили по ним своими парангами, что две подпорки тотчас рухнули.

Три выстрела ответили на эту атаку. Два пирата упали, как подкошенные; третий побежал было прочь, вопя что есть мочи, но он сделал только несколько шагов и повалился на землю. Остальные скрылись в кустах.

— Они храбры, эти разбойники. Нам остается только надеяться на то, что они не захотят терять по нескольку человек при каждой атаке; иначе, подсекая по нескольку столбов, они свалят скоро хижину,— заявил Ван-Горн.

— Ну, не так-то скоро,— вмешался капитан,— столбов так много, что им придется всем погибнуть до того, как хижина рухнет на землю. Мне думается, что после того как их проучили во второй раз, они не полезут снова в атаку. Но глядите в оба, чтобы встретить их и в третий раз так же.

Все пятеро застыли у бойниц в напряженном ожидании.

Пираты снова скрылись в лесу, но и не думали совсем уходить: от времени до времени снова слышался свист стрел, но и эти не долетали до хижины.

Было ясно, что пираты не желали больше подвергаться новой опасности: меткие выстрелы осажденных заставили их отказаться от открытого нападения. Теперь они окружили хижину, чтобы не допустить бегства осажденных.

Капитан был прав: пираты, испытав меткость стрельбы осажденных, готовились взять их не силой, а измором.

Как бы то ни было, остаток ночи прошел спокойно, без новых атак пиратов и без стрельбы осажденных.

В хижине не жалели об этом; хотя в запасе зарядов было еще немало, однако беспрестанно расходовать их было слишком опасно.

Взошло солнце и осветило окружавшие поляну леса.

Положение обоих лагерей оставалось неизменным. Пираты рассыпались по опушке леса, скрываясь за громадными стволами деревьев. Их голоса доносились до хижины.

А в хижине осажденные обсуждали свое положение, с каждым часом становившееся все более катастрофическим.

— Скверные дела,— говорил Ван-Гори.— Если осада затянется, я не знаю, как мы справимся с голодом и особенно с жаждой.

— Если бы знать, что вблизи есть родник,— сказал Корнелий,— я отправился бы туда. С меня достаточно этого заточения.

— Но оно только начинается. Тебе оно успеет еще наскучить: пираты и не думают уходить из леса,— возразил капитан.

— А если попробовать выбить их оттуда...

— Как?

— Спуститься вниз и напасть на них.

— Они забросают нас стрелами, прежде чем мы доберемся до земли; а ты помнишь, что стрелы отравлены?

— Однако, как нам быть? Не помирать же нам с голоду.

— Будем надеяться, что дикари скоро сами убегутся.

— А жажда...

— Будем томиться, пока хватит сил.

— Ах, хотя бы один разбойник вылез на открытое место,— не выдержал Ван-Гори.

— Они держатся за прикрытием. На их месте мы сделали бы то же самое.

— Дядя, по
Там в кустарни
нелий.

Прежде чем
ложился и выст

В ответ на
лами, но и на э

— Они не
нелий, раздосад

— Конечно,
с хорошими с
патроны. Давай

— Тощий бр

— У меня

— А у меня

— У меня н

— И у меня

— А у вас,

— У меня

Сталь.

— В таком с
несварения желу

Они братски
составлявших ве
в один момент.

После завтр
Ханг отправили
карауле. Все че
тотчас же, лишь

День прошел
ших все же опу
лы: дикари дем
осаду до конца.

К вечеру нес
от голода и ещ
скудного завтра
рту, а воды они

Никто из них
мый молодой, сто
тя в горле у нег

К концу дня
деным некоторо
даний. Теперь в
поста не выдерж

— Нужно ж
заговорил капита

— Дядя, позволь попробовать вытянуть их из лесу. Там в кустарниках что-то зашевелилось,— сказал Корнелий.

Прежде чем капитан успел ответить, Корнелий приложился и выстрелил.

В ответ на выстрел пираты засыпали хижину стрелами, но и на этот раз они не долетели до своей цели.

— Они не хотят вылезать из лесу, - заявил Корнелий, раздосадованный упорством дикарей.

— Конечно, не хотят; они увидели, что имеют дело с хорошими стрелками. Брось попусту растрачивать патроны. Давайте завтракать.

— Тощий будет у нас завтрак...

— У меня есть три бисквита,— сказал Ван-Горн.

— А у меня два,— отозвался Ганс.

— У меня ни одного,— заявил Корнелий.

— И у меня тоже, - добавил Лю Ханг.

— А у вас, капитан? — спросил Ван-Горн.

— У меня есть трубка и табак,— ответил Ван-Сталь.

— В таком случае мы никак не рискуем заболеть от несварения желудка.

Они братски поделили между собой пять бисквитов, составлявших весь их запас. Бисквиты были уничтожены в один момент.

После завтрака Ван-Сталь, Ганс, Корнелий и Лю Ханг отправились отдохнуть, а Ван-Горн остался на карауле. Все четверо были так утомлены, что заснули тотчас же, лишь только вытянулись на циновках.

День прошел без новых атак пиратов, не оставлявших все же опушку леса, откуда изредка долетали стрелы: дикари демонстрировали свою решимость довести осаду до конца.

К вечеру несчастные осажденные жестоко страдали от голода и еще сильнее от жажды. После утреннего скудного завтрака у них не было и маковой росинки во рту, а воды они не пили с прошлого вечера.

Никто из них, однако, не жаловался, даже Ганс, самый молодой, стоически переносил и голод, и жажду, хотя в горле у него пересохло, а язык распух.

К концу дня свежий вечерний ветерок принес осажденным некоторое облегчение, но не уменьшил их страданий. Теперь всем было ясно, что долго они такого поста не выдержат.

— Нужно же наконец на что-нибудь решиться,— заговорил капитан.— Бедный Ганс совсем ослабел.

— Я не жалуюсь, дядя,— отозвался Ганс, как можно бодрее.— Если вы все будете держаться, то и я не отстану от вас.

— Нет, мой мальчик, ты еще молод и не можешь быть так вынослив, как мы. Я решился: я иду искать воду или плоды, которые могли бы утолить жажду.

— Они убьют тебя, дядя...

— Я сумею спуститься по лестнице так, что они меня не увидят.

— Капитан, я пойду с вами,— вызвался Лю Ханг.

— А я? Обо мне вы забыли, что ли? Пустите меня сойти на землю, капитан. Мне шестьдесят лет: если они и убьют меня, то я уже довольно пожил на свете,— решительно сказал Ван-Горн.

— Нет, старина. Ты останешься здесь, чтобы защитить молодых. В шестьдесят лет ты не можешь быть подвижен и ловок, как раньше, а спуск на землю не такая простая штука.

— Мускулы мои еще достаточно крепки. Я спущусь легко, как какой-нибудь юнга. — Я один; а если они убьют вас, кто довезет ваших племянников до дому?

— А ты? Разве ты не моряк и не сумеешь совершить плавание и более далекое, чем до острова Тимора? Да и нечего об этом говорить: пираты еще не убили меня и, надеюсь, не убьют.

— Капитан, пустите меня одного! — взмолился Лю Ханг.— Я бегаю, как лань; они никогда меня не нагонят.

— Нет, милый... О!..

Ван-Сталь быстро повернулся лицом к лесу, где засели пираты.

— Что ты увидел? — вскричали Ганс и Корнелий, хватаясь за ружья.

— Блестящую точку, как будто какой-то огонек пронесся над нами во тьме.

— Откуда он взялся?

— Он вылетел из-за деревьев.

— Неужели пираты задумали теперь поджечь хижину?

— Этого я и боюсь. Подождите: я вижу в лесу огонек.

— А я,— прервал его Корнелий,— я вижу, как пираты пробираются к хижине; они бегут по поляне, прячась по кустам.

— Готовьтесь к нападению! Если им удастся поджечь бамбуковые столбы, дом запылает, как спичечная коробка. Ты их видишь еще, Корнелий?

— Да, теперь я вижу и огни в лесу: их два, и они движутся. Ах!..

Вырвавшееся откуда-то из-за деревьев маленькое пламя пронеслось в воздухе, оставляя за собой хвост искр, и ударилось о наружную часть площадки.

Корнелий, подвергаясь опасности упасть вниз или быть сраженным ядовитой стрелой, рипулся на галерею, чтобы извлечь из дерева эту огненную стрелу до того, как от нее успеет вспыхнуть бамбук.

— Самая обыкновенная стрела,— сказал капитан, рассматривая вытащенную из столба и принесенную Корнелием стрелу,— не с клочком зажженного хлопка на конце.

— А! Негодяи! — [illegible]овался Ван-Горн.— И ни один из них не хочет пока[illegible]ся...

Вторая огненная стрела пронеслась в темноте; она застряла в стене, угрожая поджечь цыновки, сплетенные из камыша и листьев. Ганс постепенно выдернул ее и затушил.

— Если вы хотите остаться в живых,— вскричал капитан,— и не хотите быть заживо изжаренными, отбросьте пиратов в лес, иначе вся наша хижина через десять минут будет пылать, как свеча.

По команде капитана раздалось сразу пять выстрелов из всех пяти ружей. Огонь был направлен на кусты, откуда, очевидно, посылались огненные стрелы.

Начался обстрел поляны. Выстрелы следовали за выстрелами; пули свистели, падали в кусты, в высокие травы, пронизывали их и буравили землю, но ни одна даже не задела кого-нибудь из пиратов: так хорошо они попрятались в зарослях.

Пираты, не отойдя ни на шаг, слали одну огненную стрелу за другой. Осажденным было теперь понятно, что пираты готовы на самые тяжелые жертвы, лишь бы покончить с этой кучкой так яростно сопротивляющихся врагов.

Ганс и Лю Ханг без устали бегали по галерее, но они едва успевали выхватывать горящие стрелы и тушить распространявшийся от них огонь. Трое остальных продолжали обстрел поляны.

За десять минут цыновки на стенах и бамбуковые столбы уже дважды загорались ярким пламенем и дважды юноши успевали затушить огонь.

Борьба не могла продолжаться долго. Ван-Горн, Корнелий и капитан осыпали пиратов градом пуль, но огненные стрелы все яростнее сыпались с поляны на хижину.

Они летели со всех сторон поляны на галерею, вонзались в циновки стен и в листья на крыше.

— Дядя! — вскричал наконец Ганс.— Крыша горит! Мы ничего не можем сделать!

— Проклятие!

— Мы погибнем в огне! — простонал Корнелий.— Бежим! Бежим!

Глава восемнадцатая

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Воздушная хижина, вся в огненных стрелах, пылала уже в нескольких местах, каждую минуту грозя рухнуть и увлечь за собой в своем падении всех пятерых несчастных осажденных. Крыша, выложенная толстым слоем тяжелых листьев дрека и тонким бамбуком, загорелась сразу в двух местах. Горели местами и стены, и часть галереи.

Пламя от сухих листьев и дерева разгоралось все ярче, заливая багрянцем всю поляну и опушку леса. Облака дыма поднимались над домом; ночной ветер разносил их во все стороны. От хижины отлетали клочья прожженных циновок. На землю падали пылающие головешки и, скача по этажам, распространяли огонь по всему дому.

Капитан и его спутники, не в силах затушить пожар, перебежали в еще не объятую огнем часть хижины.

Тут их увидели пираты; они выскочили из-за кустов и высоких трав, где до сих пор прятались, и, размахивая своими тяжелыми парангами, с криками торжества бросились к пылающей хижине.

Старый штурман, поминая всех чертей, выстрелил в первого пирата, который бежал впереди атакующих.

Пират со стоном покатился по земле.

Осажденные сейчас же воспользовались замешательством среди пиратов, вызванным этим удачным выстрелом; не медля ни секунды, они спустили лестницы и один за другим сбежали на нижнюю площадку, пробираясь сквозь облака дыма и пламя уже горевших столбов.

Пираты сперва бросились к телу своего товарища, но, заметив маневр осажденных, снова двинулись к хижине.

Внезапно они остановились. Издалека, со стороны

реки, донеслись отчаянные крики. Пираты прислушивались к ним, явно встревоженные.

Все застыли — и пираты, и осажденные. Крики становились все многочисленнее и громче, разрастались в какой-то сплошной рев.

Что происходило там? Несомненно, что-то серьезное и непосредственно касавшееся пиратов: осажденные видели, как их враги круто повернули, побежали к лесу и в одну минуту скрылись, направляясь на восток.

— Они убегают! — закричал Корнелий, вне себя от радости.— Мы спасены!

— Пусть бегут,— проворчал Ван-Горн.— Слезайте быстрее, не то хижина обрушится на нас.

Не прошло и одной минуты, как все пятеро были уже на земле, а еще через мгновение они бежали к лесу, в сторону, противоположную той, куда скрылись пираты.

Они перебежали поляну и вошли в лес из диких банановых пальм и орехов.

Воздушная хижина пылала теперь, как громадный факел, отбрасывая вокруг багровые тени и клубы черного дыма. Крыша рухнула; обе площадки, охваченные пламенем, отваливались кусками; пылающие бамбуковые столбы с грохотом падали на землю, воспламеняя вокруг сухие листья и кусты.

— Вовремя мы убрались из хижины... Еще несколько секунд — и никто из нас не ушел бы живым,— проговорил капитан.

— Но отчего удрали пираты? Ведь мы были почти в их руках? — настойчиво спрашивал Ганс.

— Очевидно, на берегу происходит какая-то битва. На пиратов напало, наверно, какое-нибудь враждебное им племя,— ответил капитан.— Ты слышишь, какие крики несутся оттуда?

— Да, если бы не это неожиданное нападение,— отозвался Ван-Горн,— спеклись бы мы живьем. Хотел бы я знать, что за друзья оказались у нас на этом острове.

— Но и этим друзьям нам попадаться не следует. Пусть дикари перережут друг друга, а мы подождем, пока можно будет подойти к реке.

Шум становился все сильнее и сильнее. Теперь с берега доносились вопли неистовой ярости. Изредка эти кровожадные крики смешивались с глухими раскатами не то барабана, не то другого, подобного барабану, инструмента. И чем дальше, тем больше шум битвы перекрывался стонами и рычаниями, как будто там, у реки, душили людей.

— Да, там идет побоище,— говорил капитан,— да еще какое жестокое.

— Но теперь нам придется встретиться с победителями, кто бы они ни были. Зарево пожарища, несомненно, привлечет их внимание,— забеспокоился Ван-Горн.

— Да разве мы здесь останемся? — возразил Ван-Сталь.— Уйдем пока в лес, а когда крики стихнут, мы проберемся к реке.

— А уцелела ли шлюпка?

— Будем надеяться, что ни пираты, ни их враги не открыли ее местонахождения. Если мы не найдем ее на месте, какое это будет для нас бедствие!

— Без шлюпки — прощай, навсегда, Тимор!

— В путь, друзья,— сказал капитан,— не будем ожидать возвращения пиратов или других врагов. Пойдем в лес искать воду или какие-нибудь плоды.

Они пустились в путь, пробираясь по лесу в направлении на запад.

Если и днем в лесу было темно, то теперь, ночью, в двух шагах нельзя было ничего разобрать: ни один луч луны не проникал сквозь густую листву, даже зарево пожарища, и то гасло по мере того, как наши путники углублялись в лес.

Они шли наугад, натыкаясь на деревья, путаясь среди лиан, спотыкаясь о корни. Но вскоре глаза их привыкли к темноте, и они зашагали увереннее, не падая больше и обходя и чудовищные корни, и сети ползучих растений, и густые заросли.

Шум далекого побоища доносился и сюда, но чем дальше, тем он становился глуше. Через полчаса он совсем затих, потому ли, что резня прекратилась, или потому, что расстояние между местом боя и нашими путниками сильно увеличилось.

И капитана, и его спутников, по правде сказать, мало интересовал исход побоища: кто бы ни одержал верх, они могли встретить в победителе только врага.

Около полуночи, пройдя около восьми километров, они подошли к реке. Русло ее было сплошь пересечено отмелями и островками водяных растений, а берега покрыты густой растительностью.

— Остановимся здесь,— предложил капитан.— Мы достаточно далеко отошли: здесь нас никто не найдет.

Первой заботой каждого было напиться; все они бросились к реке и жадно прильнули к холодной и чистой воде. После этого они принялись за поиски плодов, так как голод давал уже о себе знать.

Найти плоды, чтобы утолить голод, было здесь совсем не трудно: растительность Папуазии так богата, что всюду в лесах, диким образом, во множестве растут деревья, дающие вкусные и питательные плоды. Здесь, на берегу этой реки, в изобилии росли манговые деревья, дающие крупные плоды; под их горькой, как у граната, кожей содержится питательная и ароматная мякоть, которая тает во рту. Вблизи манговых деревьев на citrus decumanus росли так называемые помбос — вид апельсинов, размером с голову ребенка; малайцы называют это дерево туа виадангсо и очень любят лакомиться его плодами.

Путешественники наелись; успокоенные царившей вокруг тишиной, они улеглись на траве между высокими кустарниками и тотчас заснули.

Ничто не нарушило их сна до самого восхода солнца. При первых лучах солнца воздух огласился криками попугаев, очевидно, проведших ночь в ветвях росшего вблизи громадного тека. Как ни устали наши странники, как ни был глубок их сон, пронзительные крики попугаев все же разбудили их.

— Давно я так хорошо не спал,— проговорил, потягиваясь, Корнелий.— По правде сказать, этот отдых нами вполне заслужен.

— Что, ничего не слышно? — спросил капитан, еще лежавший на траве.

— Нет. Только попуган орут в ветвях тека. Мы далеко теперь от места побоища, да оно, верно, и окончилось.

— Будем надеяться, что пираты разбиты и оставшиеся в живых убрались отсюда,— сказал Ван-Гори.— Может быть, новый враг не будет так упорен, как они.

— Скоро мы все узнаем, — сказал капитан.

— Вы хотите возвратиться к реке?

— Конечно, я беспокоюсь за шлюпку.

— Во всяком случае перед выходом нам следовало бы позавтракать, и немного лучше, чем мы ужинали. Как бы ни были вкусны плоды, мой желудок требует другой пищи.

— Что касается меня,— подхватил Ганс,— то я не отказался бы от хорошего бифштекса. И дичи тут, должно быть, немало.

— Не только немало, но даже очень близко от нас,— сказал Ван-Гори, взгляд которого был устремлен на густые заросли водяных растений.

— Что ты увидел?

— Смотри: разве ты не видишь, как кто-то копошится в зарослях?

— Вижу; здесь, верно, водится крупная рыба?

— А не крокодилы ли это? — улыбнулся Ван-Горн.

— Нет, не крокодилы,— отозвался капитан.— Но там в тростниках нам приготовлен завтрак, которым вы останетесь вполне довольны.

Ван-Сталь говорил так уверенно, потому что успел заметить медленно передвигавшихся по песку отмели, скрытой зарослями, животных с вытянутыми круглыми туловищами около полуметра длиной, с короткими лапами, которые, казалось, росли из-под выпуклого панциря.

— Что это за животное?— спросили юноши.

— Черепахи.

— На Тиморе я никогда их не встречал.

— Тем лучше: ты в первый раз отведаешь их мяса. Ван-Горн, иди за мной.

По песчаной косе, тянувшейся почти до середины реки, капитан и штурман подбежали к черепахам, которые даже не заметили присутствия человека. Черепах было четыре, и все очень большие. Моряки ловко схватили двух черепах, перевернули их на спины, чтобы не дать им убежать, и бросились к двум другим, но те уже успели удрать в воду.

— Пусть уходят,— сказал капитан Ван-Горну, который хотел было полезть за ними в реку,— и эти две нас обеспечат надолго.

Капитан позвал Корнелия и Лю Ханга. Черепахи были так крупны, что двоим невозможно было их унести.

— Какой странный на них панцирь,— удивлялся Корнелий, внимательно разглядывая черепах.

— А как он крепок...

— Но откуда здесь такие крупные черепахи? Я слышал, что они живут только в море.

— Есть несколько видов черепах: одни живут на земле или в болотах — они встречаются чаще всего; другие живут в морях или реках, и эти достигают очень крупных размеров. На Новой Гвинее водится немало видов черепах, и они составляют самое лакомое блюдо тузем-цев.

— А чем питаются черепахи?

— Травами, корнями, червями, водяными насекомыми, а морские черепахи — водорослями и мелкими раковидными животными.

— И они водятся повсюду?

— Да, во мно
что достигают дейс
сах и реках Гимала
дающие до пятидес
с них снимают их
Самые крупные чере
встречаются в Афр
вах Собрания или
собеседники, как кру
пах я видел на остр
чудовища по размер
древних эпох.

— За черепахам

— О, нет. В Юж
составляет очень вы
идет на изготовлени
ножей, оправ для оч
преимущественно ре
панциря, представля
выжимают масло, оч
черепах так выгодн
количестве, и в резул
исчезли.

— А почему,—
черепахами не всегд

— Очень просто.
вает, хороши ли ее п
под хвостом делают
она масла. Если п
недостаточно жирна
откормилась. С тощ
вый панцирь, самый
скают в воду.

— Ведь она все

— Ничего подоб
терый был ее колыб
паха продолжает жи
его, устраивается в н
новый панцирь, но ни
чей, как первый.

Пока по пути на
лию о черепахах и
хвороста и между ка
стер хорошо разгоре
сеных черепах, отсе
огнем, панцирем кни

— Да, во многих морях и странах. Бывают такие, что достигают действительно громадных размеров. В лесах и реках Гималайского хребта встречаются черепахи, дающие до пятидесяти килограммов мяса. Кроме того, с них снимают их выпуклый и очень крепкий панцирь. Самые крупные черепахи носят название слоновых; они встречаются в Африке, в канале Мозамбик и на островах Собрания или Бурбонов; они не очень длинны, но объемисты, как крупный бочонок. Самых крупных черепах я видел на острове Галапагос. Это были настоящие чудовища по размерам; их можно принять за животных древних эпох.

— За черепахами охотятся только ради их мяса?

— О, нет. В Южной Америке на реках охота на них составляет очень выгодный промысел: панцирь черепах идет на изготовление гребней, дорогих ковров, рукояток ножей, оправ для очков и т. д. За другим видом черепах, преимущественно речных, охотятся не только из-за их панциря, представляющего тоже ценность: из их жиров выжимают масло, очень нежное и тонкое на вкус. Ловля черепах так выгодна, что их уничтожают в громадном количестве, и в результате в некоторых странах они почти исчезли.

— А почему,— вмешался Ван-Горн,— охотники за черепахами не всегда их убивают?

— Очень просто. Поймав черепаху, охотник осматривает, хорош ли ее панцирь и достаточно ли она жирна; под хвостом делают надрез, чтобы узнать, много ли даст она масла. Если панцирь некрасив, а сама черепаха недостаточно жирна, ее бросают назад в воду, чтобы она откормилась. С тощей же черепахи, но имеющей красивый панцирь, самый панцирь снимают, а черепаху отпускают в воду.

— Ведь она все равно подохнет?

— Ничего подобного. Даже лишенная панциря, который был ее колыбелью и мог стать ее могилой, черепаха продолжает жить. Она долго ищет убежища, а найдя его, устраивается в нем, отсиживается и наращивает себе новый панцирь, но никогда он не бывает так красив и прочен, как первый.

Пока по пути на берег капитан рассказывал Корнелию о черепахах и охоте на них, Ганс натаскал сухого хвороста и между камнями разложил костер. Когда костер хорошо разгорелся, Ван-Горн взял одну из принесенных черепах, отсек ей голову, а черепаху положил над огнем, панцирем книзу.

Очень скоро аппетитный запах распространился далеко вокруг костра; животное жарилось в собственном жиру, а сковородой служил ее панцирь.

Когда черепаха достаточно прожарилась, Ван-Горн топором раскрыл ее панцирь, ловко вынул мясо и разложил его на широких листьях перед своими товарищами. На вкусную пищу все набросились со зверским аппетитом, который объяснялся их вынужденным постом.

Всю черепаху они все же одолеть не смогли; остаток мяса был оставлен на вечер, вместе с мясом второй черепахи, которую Ван-Горн тоже успел зажарить.

После обеда капитан и штурман закурили свои трубки. Выкурив их, они подали знак к отправлению.

Наши путники снова углубились в лес.

Теперь они шагали бодро и к полудню подошли к реке, на левом берегу которой они скрыли в зарослях свою шлюпку.

Глава семнадцатая

ПАЛЬМА САГУ

На обоих берегах было совершенно спокойно; только попугаи нарушали тишину своей непрерывной болтовней. Побоище, шум которого доносился в течение почти всей ночи, давно, по-видимому, окончилось. Только откуда-то издали едва доносился отдаленный рокот барабана. И пираты, и их враги ушли, видно, далеко от места их встречи.

Наши странники продвигались вперед с большой осторожностью, опасаясь неожиданной встречи с каким-нибудь отставшим отрядом пиратов. Так они подошли к самому берегу и осмотрелись вокруг.

Они не увидели ни одного человека.

Всюду были видны свежие следы недавней резни. Кустарники, трава были смяты, водяные растения вырваны; отмель, обнаженная отливом, была вся усеяна топорами и разбитыми копьями. В стволах деревьев торчали вонзившиеся в них стрелы. Вдалеке на противоположном берегу маячила одинокая, вдребезги разбитая пирога. А на земле, среди кустов и трав, валялись трупы убитых папуасов, наполовину уже обглоданные крокодилами.

— Пираты были побиты,— решил капитан, осмотрев поле недавней битвы.

— Не альфуры ли напали на них? — спросил Корнелий.

— Очень возможно.

— Значит, где-нибудь поблизости находится их деревня.

— Боюсь, что так; нам следует поэтому как можно скорее убраться отсюда.

— Только бы найти шлюпку...

— Пойдем ее искать. Мне что-то кажется, что мы ее не найдем,— сказал Ван-Горн.

— Но она так хорошо спрятана и замаскирована.

— Да, но и глаза у папуасов слишком зорки. Груда трав и ветвей могла привлечь их внимание.

Они уже подходили к тому месту, где, по предположениям Ван-Горна, должна была находиться шлюпка.

— Стоп! — воскликнул Ван-Горн, внезапно останавливаясь.— Я узнаю громадный тек, за которым мы прятались; я сделал на нем зарубку топором. Шлюпка должна быть в нескольких шагах от этого гиганта.

— Я тоже узнаю местность. Идем! Я сгораю от нетерпения,— отозвался Ганс.

Капитан и оба юноши стремглав бросились к теку. Чем ближе они подходили, тем больше волнение охватывало их. Корнелий, бежавший впереди, вдруг остановился и произнес упавшим голосом:

— Я не вижу ни травы, ни ветвей, которыми мы накрыли шлюпку.

— Вот они! — вскричал Ван-Сталь.

Но и ему пришлось разочароваться.

— Они разбросаны во все стороны,— печально сказал он, бросив взгляд на разбросанные кругом ветви.— Шлюпки нет!

— Они украли ее! — воскликнули остальные четверо.

— Да... Мы погибли. Что теперь делать? Как вернуться на Тимор?

Злосчастные странники были совсем подавлены новым обрушившимся на них бедствием. Они застыли на месте, бессмысленно обводя взглядом берег и заросли, где они спрятали свою шлюпку. Потом, обшарив кругом кусты, они нашли только никуда негодное сломанное весло и обрывки веревок. Это было все, что оставалось им от шлюпки, от провианта, от всего, что в ней находилось.

Даже Ван-Сталь, который ни разу не падал духом, и тот был смущен и горестно поник головой.

Может быть, юноши не могли осознать всю глубину постигшей их беды, но они были не так потрясены, как капитан.

Ван-Горн остановился в задумчивости, по-видимому, соображая, как выйти из создавшегося положения.

— Подумать только,— говорил он, как будто рассуждая сам с собой,— что ожидало бы нас, если бы мы не догадались захватить с собой все ружья и патроны. К счастью, у нас есть еще триста или четыреста зарядов, ружья в исправности, а с ними ни в одной стране не пропадешь.

Эти слова ободряюще подействовали на капитана.

— Да,— сказал он,— мы не пропадем... Но как вернуться на Тимор без шлюпки?

— Капитан,— спросил его штурман,— вы можете определить, где мы находимся?

— Э...— протянул капитан,— здесь ли, там ли, не все ли равно.

— Может быть, наше положение и не так уже безвыходно, как мы думаем. Еще немного энергии и усилий, и мы выберемся отсюда.

Капитан вопросительно посмотрел на старого моряка, а тот продолжал еще более спокойным тоном:

— Я хочу только знать, как далеко мы находимся от порта Дорей.

— От Дорей? — переспросил капитан, и по его губам проскользнула улыбка.

— Да. Ведь если мы попадем в порт, пробраться на Тимор нам ничего уже не будет стоить. Вы сами знаете, что туда приплывают не только ловцы трепанга, китайцы и малайцы, но и голландцы; мы найдем там и друзей, и соотечественников.

— Да, конечно.

— И я думаю, что мы не так далеко от порта, чтобы не суметь пробиться к нему.

— Ты прав, старина. Но Дорей находится на северо-западной оконечности Новой Гвинеи. Чтобы добраться туда, нам придется пересечь громадные лесные массивы, населенные дикарями. Но твоя мысль заставила меня подумать о другом...

— О чем, капитан?

— Ты знаешь реку Дорга на юго-западе острова, самую большую реку в этих краях? Нужно пробраться к ней; там мы построим плот или выдолбим лодку в ство-

ле дерева и спустимся на ней к морю. А выбравшись в море, мы направимся к островам Арру — их тоже посещают моряки. Дорга, по-моему, находится не дальше чем в двадцати или тридцати лье отсюда; в шесть дней мы дойдем до нее.

— Чудесная мысль! — вскричал Ван-Горн, радуясь тому, что к капитану возвращается вся его обычная энергичность.

— Дядя, может быть, нам лучше держаться берега моря, чтобы не углубляться снова в лес; ведь там так трудно идти,— предложил Ганс.

— Это увеличит расстояние в три или четыре раза. Южный берег острова весь изрезан глубокими бухтами и заливами. Вместо шести или семи дней нам понадобится целый месяц, чтобы дойти до реки.

— Это невозможно, ведь у нас нет никаких припасов,— прибавил Ван-Горн.

— Относительно еды беспокоиться нечего. Мы не двинемся в путь, пока у нас не будет нужных запасов. На дичь в лесу не приходится рассчитывать: ее, по-моему, в этих краях немного.

— Да, здесь можно найти только плоды: вкусные, но малопитательные,— согласился с капитаном Ван-Горн.

— Откуда же ты возьмешь припасы, о которых только что говорил? — спросил Корнелий.

— Мне думается, что мы возьмем с собой в дорогу бисквитов на несколько дней, и таких вкусных, каких вы еще не ели.

— Не рассчитываешь ли ты встретить в этом лесу хорошую булочную или амбар, доверху наполненный мукой? — иронизировал Корнелий, думая, что капитан сам посмеивается над ним.

— Ни на то, ни на другое я не рассчитываю, а бисквиты у нас будут, и вкусные, и в большом количестве. Не правда ли, старина? — хитро подмигнул капитан Ван-Горну.

Старый штурман подхватил шутливый тон капитана:

— Да, и не позже чем через час... Капитан и я — мы будем мельниками, а вам и Лю Хангу придется взять на себя роль булочников.

— Хотел бы я видеть это чудо,— воскликнул Корнелий.

— Терпение, друзья мои, терпение. Вы увидите это чудо, не будь я капитан Ван-Сталь. Но прежде всего нужно найти место, где можно было бы раскинуть ла-

герь, не опасаясь нашествия дикарей. Уйдем подальше от реки в глубь леса.

Благоразумие действительно требовало того, чтобы они ушли от мест, где каждую минуту могли снова появиться пираты.

Захватив остатки черепахового мяса, отряд углубился опять в лес и направился на запад. Маленькая буссоль, и на этот раз не забытая капитаном при высадке, помогала им не терять нужного направления, когда сплошная стена зарослей заставляла их отклоняться в сторону.

Корнелий и Ганс, как опытные охотники, привыкшие к лесным дебрям, и на этот раз шли впереди отряда. При каждом удобном случае они заходили в чащу леса и пытались обнаружить дичь, которая могла выскочить из зарослей. Но их расчеты не оправдывались.

Птиц тут было множество, и каких восхитительных птиц! Время от времени среди зелени показывался epinachus magnificus — вид голубя с широким венчиком на головке, весь блестяще-черный, кроме головки и брюшка, синих, как потемневшая сталь. Встречался здесь и epinachus alba, примерно такой же величины, как и европейские голуби, но с оперением густо черным на внешней части туловища и ослепительно белым — на внутренней, и с хвостом необыкновенной длины. Видели юноши и стаю pomerops superbus, совершенно черных, с большим гребнем торчащих перьев на головке. А попугаи самой разнообразной окраски были так многочисленны, что Ганс и Корнелий уже не обращали на них внимания.

Но четвероногих в этом лесу не было совершенно, но, по утверждению капитана и Ван-Горна, звери тут водились, хотя и в небольшом количестве.

Часа в три дня, когда весь отряд проходил по долине, где лес был не так густ, они повстречали нечто такое, что привлекло их внимание. Они очутились у большого дерева, с ветвей которого свисали, держась лапками, головой к земле, безобразные птицы с густо коричневым, в желтых отсветах оперением; птицы эти были величиной с курицу. Они облепили все дерево, как бахрома, свисая с его ветвей. Их было не меньше двухсот. Они тщательно завернули свои туловища крыльями и висели совершенно неподвижно.

— Что это за птицы? — спросил Ганс, останавливаясь перед деревом в полном недоумении.

— Pteropus eduli — так называют их натуралисты,—

сказал капитан.— Но почему они ви
кие, то это гром
ные, чтобы вспорхнуть и
ки?

— Это дерево — вид
тся летучие мыши. По
ком положении тут ж
сит только отпустить с
воздухе и улететь — пото
жет.

— Какие ужасные жи
но, большой вред людя

— Нет, как раз наобо
услугу человеку, уничтож
секомых, как москитов

— Но как они безобра
их не любят и боятся.

— Конечно. В этих у
страшное, мрачное. Во мно
которое объясняется скор
к летучим мышам доходит
зают, но, убив, распласт
дверям дома. Какая не
которые не только не вред
Но мы теряем время. Вп

Маленький отряд дви
юноши срывали сочные
из ходу утоляли ими жаж
ред ними показалась пол

Проходя по опушке п
вился перед деревом, в
было ничего достоприме
высоких — всего пять или
контора в окружности; его
кой очень длинных лист
метров; эти листья не подд
вниз.

— Вот и хлеб,— сказ

Юноши уже забыли о
пиком — они это посчита
появились у неказистого де
вая его.

— Хлеб? — переспро

— Да,— отвечал и
ку на листьях ж

ответил капитан.— А если ты хочешь более понятное название, то это громадные летучие мыши, ожидающие ночи, чтобы вспорхнуть и улететь.

— Но почему они висят так нелепо, свесив голову вниз?

— Это дерево — вид смоковницы; его плодами питаются летучие мыши. Поев, они засыпают в таком неудобном положении тут же, на месте своего обеда. Им стоит только отпустить свои когти, чтобы очутиться в воздухе и улететь — потому они и висят в таком положении.

— Какие ужасные животные! Они причиняют, вероятно, большой вред людям?

— Нет, как раз наоборот: они оказывают большую услугу человеку, уничтожая множество таких вредных насекомых, как москитов и других кровососущих.

— Но как они безобразны на вид. Понятно, что люди их не любят и боятся.

— Конечно. В этих уродливых птицах есть что-то странное, мрачное. Во многих они вызывают отвращение, которое объясняется скорее предрассудками. Ненависть к летучим мышам доходит до того, что их не только убивают, но, убив, распластанных прибивают гвоздями к дверям дома. Какая несправедливость к существам, которые не только не вредят, но даже помогают человеку! Но мы теряем время. Вперед!

Маленький отряд двинулся дальше. Тут же на пути юноши срывали сочные плоды и, не останавливаясь, на ходу утоляли ими жажду. Через некоторое время перед ними показалась поляна.

Проходя по опушке поляны, капитан вдруг остановился перед деревом, в котором на первый взгляд не было ничего достопримечательного. Оно было не очень высоким — всего пять или шесть метров в высоту, метра полтора в окружности; его верхушка была покрыта шапкой очень длинных листьев, достигавших нескольких метров; эти листья не поднимались кверху, а косо падали вниз.

— Вот и хлеб,— сказал капитан.

Юноши уже забыли обещание капитана стать мельником — они это посчитали шуткой. Теперь они остановились у неказистого дерева, с недоумением разглядывая его.

— Хлеб? — переспросили они.

— Да,— отвечал им Ван-Горн.— Мука хороша, я вижу на листьях желтую пыльцу.

— Это и есть мука — пыльца на листьях? — возмутился Корнелий.

— Нет, мука находится в стволе дерева.

— Не смейся, Ван-Гори.

— Вот увидишь, смеюсь ли я над вами или нет.

Ван-Гори подошел к дереву, замахнулся топором и с силой ударил по стволу дерева.

Дерево было очень крепким: топор не вонзился в него глубоко. Капитан пришел на помощь Ван-Горну, и через четверть часа дерево с треском рухнуло, перерубленное на высоте около тридцати сантиметров над землей.

Ван-Гори торжествовал.

— Ну, что? Еще не верите? Тогда смотрите,— обратился он к юношам.

Ганс, Корнелий и Лю Ханг подошли ближе; к величайшему своему удивлению, они увидели, что ствол таинственного дерева был наполнен зернистым веществом, розоватым и как будто твердым.

— Так это и есть мука? — спросили они.

— Да,— ответил капитан,— или, вернее, саго.

— Саго! — воскликнул Корнелий.— Мне знакомо это название; я даже ел что-то так называвшееся и помню, что оно было очень вкусно.

— В этом нет ничего удивительного; саго вывозят в другие края в большом количестве: а, как ты видишь, здесь его немало.

— Да. А эти деревья встречаются только на Новой Гвинее?

— Нет, саговые пальмы растут на многих островах Тихого океана. Самые лучшие, самые плодоносные — те из них, которые натуралисты называют metroxilon sagus, но и другие виды дают хорошую муку. Перед вами пальма, ребята, которая растет почти на всех Малайзийских островах, в частности на Борнео, на Филиппинских островах, на Моллукских, на некоторых островах Индонезии, на Суматре и даже в Америке, особенно в Новом Орлеане. В каждой стране саговые пальмы дают особый сорт муки. На Мальдивских, например, островах мука мелкозерниста и коричневата, на Суматре — зерна крупные, круглые и имеют желтоватый оттенок или совсем белые. На Моллукских островах и здесь, на Новой Гвинее, мука саговой пальмы розовая и становится почти прозрачной при погружении ее на несколько минут в воду.

— Какое богатство для здешних жителей! Не пахать, не сеять, не жать — и всегда иметь муку!

— Еще какое богатство: дерево такой толщины, как это, может дать до сотни килограммов муки. Три или четыре таких дерева, не требующих никакого ухода, могут прокормить целую семью в течение года.

— А как употребляют эту муку? Такой, какой ее дает дерево?

— Нет, муку еще надо приготовить.

— А как ее готовят?

— Это ты сейчас увидишь. За работу, Ван-Горн!

Пока капитан рассказывал юношам о саговой пальме, Ван-Гори успел собрать все, что было нужно для приготовления муки. Он срезал листья пальмы, разрубил ствол на куски длиной в пятьдесят — шестьдесят сантиметров, что, правда, стоило большого труда, так как кора в несколько сантиметров толщины была так крепка, что топор отскакивал от нее. Но Ван-Горн все же разрубил ствол на ровные восемь кусков.

— Тяжелая работа...— произнес он, отирая пот со лба.— Теперь, капитан, приготовьте мне пестик.

Ван-Сталь срезал толстую ветвь и, очистив ее от сучьев, закруглил один конец. Окончив работу, он протянул ветку Ван-Горну.

В тот же момент раздался душераздирающий крик, заставивший всех вздрогнуть.

Все обернулись и увидели Лю Ханга, барахтавшегося в тисках громадной змеи, неизвестно откуда взявшейся.

— Питон! — вскричал капитан, и от ужаса все невольно шарахнулись в сторону.

Глава двадцатая

ЛЕСА ПАПУАЗИИ

Если Новая Гвинея — страна самых прелестных птиц, какие только существуют на свете, то она и страна страшных змей. В лесах Папуазии водится немало самых крупных и чудовищных из всех рептилий — питонов.

За исключением боа тропической Америки, ни один вид змей не достигает таких размеров, как питон. Эти змеи имеют иногда до семи метров в длину, а обычная их длина пять — шесть метров.

Они встречаются не только на Новой Гвинее, но почти на всех островах Малайзии; их немало и в Индии, и в

Африке. В Европе их тоже встречают, но только в виде ископаемых; это доказывает то, что они жили в Европе в доисторические времена.

Питон — не ядовит, но это не дает основания его не бояться. Он очень жесток и безбоязненно нападает не только на людей, но и на самых крупных и сильных животных, даже на тигров. Англичанин Геддингтон был в Индии свидетелем того, как питон, напав на тигра, обвил его своими кольцами и задушил, несмотря на отчаянные удары, которые наносила его жертва.

Их мускульная сила так велика, что они могут сжатием своих колец задушить быка и переломать ему кости. А живучесть их такова, что даже когда их убивают, они продолжают душить свою жертву.

В напавшем на Лю Ханга питоне было не меньше шести метров. Ужасное животное спало, вероятно, в высокой траве и было разбужено приближением малайца. Питон бесшумно поднялся и в один миг сжал малайца в своих чудовищных объятиях.

Несчастный [illegible] пытался, изо всех сил пытаясь вырваться от [illegible]. Он был бледен, как мертвец, глаза его выкатились из орбит, руками, оставшимися свободными, [illegible] отталкивал голову змеи, которая [illegible] к нему свой раздвоенный язык.

Корнелий, Ганс и Ван-Горн застыли на месте, как будто парализованные ужасом. Не растерялся один капитан; он схватил топор и бросился на питона, прекрасно понимая, что и одна минута промедления может быть роковой для несчастного Лю Ханга: его тело уже сдавало под жестоким давлением колец змеи.

Топор, взвившись над змеей, одним ударом перерубил ее туловище надвое. Удар был смертельный; боль заставила питона разжать тиски своих объятий и выпустить из них свою жертву. Но и теперь, разрезанная надвое, окровавленная, змея взметнула верхнюю часть своего туловища и со свистом бешенства бросилась на своего противника.

Ван-Сталь был человеком не робкого десятка: он снова взмахнул топором над головой змеи. Голова отделилась от туловища и упала в траву, где уже корчились две части питона.

— Бедняжка,— сказал капитан Лю Ханг, который все еще лежал на земле и не мог перевести дух,— кости-то у тебя целы?

— Кости целы,— отвечал ему Лю Ханг слабым, пре-

Питон бесшумно поднялся и в один миг сжал малайца в своих объятиях

рывающимся голосом.— Я задохнулся бы, если бы вы не пришли мне на помощь.

— Как же ты вовремя не заметил питона?

— Я стоял спиной к кустам, когда почувствовал, что змея обвила меня. О, как я испугался!

— Я думаю. Хорошо, что я подоспел вовремя.

— Как я вам благодарен, капитан!

— Первый раз я испытал такой страх,— заговорил Корнелий, выйдя из оцепенения.— У меня ноги подкосились.

— Неудивительно, что ты так испугался: тигр, и тот не осмеливается приблизиться к питону. Лю Хан, ты полежи, покуда не придешь в себя, а мы опять примемся за работу.

Ван-Гори взял палку, обточенную капитаном в виде пестика, и принялся толочь розовую массу в пне дерева.

— Ван-Гори, зачем ты толчешь саго, а не выбираешь его из пня? — удивился Ганс, который все время внимательно следил за работой Ван-Горна.

— Муку невозможно было бы иначе выбрать из ствола: волокна дерева крепко связывают ее с корнями,— ответил Ван-Гори.

Ван-Сталь подошел к пню, засучил рукава и запустил руку во внутрь. Он достал муку, смешанную с очень крепкими белыми волокнами.

— А волокна тоже идут в пищу? — заинтересовался Корнелий.

— Они жестки и несъедобны. Муку отделяют от них; а для этого нужно решето, и мы его потом сделаем из этой же самой пальмы.

Капитан сложил всю извлеченную из ствола массу саго, потом опустил в нее, служивший теперь ступкой, один из кусков разрубленного Ван-Горном дерева и истолок в стволе; потом слепил из них хлебцы и положил их печься на угли.

Хлеб из саго, еще теплый, вместе с мясом черепахи составил такое меню, что все не могли нахвалиться.

После ужина Ван-Гори воткнул в землю несколько палочек и перекрыл их громадными банановыми листья-

ми, чтобы уберечь муку от ночной сырости, а вокруг этого «склада» разбросал опорожненные уже куски дерева, окружив таким образом «склад» искусственным валом.

Вскоре все, разбитые усталостью, заснули, кроме Корнелия, оставшегося в карауле на первую половину ночи.

Ночь прошла совершенно спокойно. Ни один человек не показался за все это время вблизи лагеря голландцев.

Утром все снова принялись за работу, чтобы сделать запас хлеба. Ван-Гори приготовил решето и просеял муку, совершенно очистив ее от древесных волокон.

В дупле того же пня, который уже служил ступкой, мука была замешана с водой; потом из нее слепили хлебцы, по килограмму в каждом, обернули их в листья банана и испекли на углях костра.

К полудню хлебцев было столько, что все пятеро едва могли унести их. Остаток муки был брошен птицам.

— Вот у нас и запас хлеба больше чем на неделю,— удовлетворенно говорил Ван-Сталь.

— Все у нас есть теперь, кроме мяса,— заметил Ганс.

— И мясо будет. И даже, если нам и не встретится ни один зверь, мы добудем несколько птиц; в этом лесу немало таких, мясо которых очень вкусно.

— Хорошо бы захватить с собой в дорогу и воды. Ведь может случиться, что за целый день мы не встретим ни одного источника или речушки.

— Во что же мы ее возьмем: у нас ведь нет ни одной бутылки?

— И у папуасов нет бутылок,— возразил Ван-Сталь,— но, выходя в море, они всегда берут с собой изрядный запас пресной воды. Природа сама снабжает их бутылками.

— Какими же?

— А вот смотри...

И капитан показал на группу бамбуков, росших в нескольких шагах от них. Он подошел к бамбукам и топором срубил самый толстый.

— Вот тебе и бутылка, Ганс,— смеялся Ван-Сталь, глядя на удивленное лицо своего племянника.— Удивляться нечему. Ведь ты знаешь, что у бамбука между двумя коленами полый ствол.

— Теперь я понимаю,— вскричал Ганс, — над коленом проделывают дыру и ствол наполняют водой.

— Совершенно верно. Как видишь, это не так слож-

но. Теперь приготовьте несколько бутылок, а завтра перед выходом мы наполним их водой. Сегодня же мы отдыхаем.

Но долго отдыхать им не пришлось. Вскоре из-за деревьев послышался собачий лай, нарушивший их безмятежный отдых.

— Не папуасы ли это возвращаются? — встрепенулся Корнелий.

— Папуасы не держат у себя собак,— ответил капитан, но все же взял в руки ружье и замер в ожидании.

— А может быть, это какой-нибудь охотник-европеец? — подумал вслух Ганс.

— В этой глуши, вдали от посещаемых европейцами гаваней? Нет, не может быть,— твердо сказал Ван-Гори.

— Может быть, какой-нибудь исследователь...

— Это возможно, но боюсь, что это не так.

Лай раздался снова и с той же стороны.

— Не собачий ли это лай?

— Послушайте: разве это не собачий лай? Тут не ошибешься.

— А почему же он не удаляется и не приближается?

Да, это странно.

— Что бы там ни было, нужно узнать, что это такое. Берите свои ружья и ступайте за мной,— сказал Ван-Сталь Корнелию и Гансу.

Сам он поднялся с земли и с ружьем в руке стал бесшумно пробираться к лесу. Корнелий и Ганс пошли за ним.

Они шли, скрываясь за деревьями и кустарниками, чтобы в случае опасности успеть укрыться от отравленных стрел. В лесу уже было почти темно, хотя солнце только заходило.

Снова послышался лай. Каково же было удивление Корнелия, Ганса и капитана, когда лай донесся на этот раз откуда-то с высоты, с дерева.

Капитан покатился со смеху.

— Ты смеешься? — возмутились братья.— В чем дело?

— Есть над чем посмеяться. Хотите увидеть прословутую собаку? Посмотрите вон на то дерево.

Братья взглянули на дерево, но ничего не увидели и вопросительно посмотрели на капитана.

— Да где же собака?

— Наверх посмотрите, на самую верхушку.

Еще более удивленные Корнелий и Ганс подняли глаза к верхушке дерева. Перед ними на суку сидела птица, по величине и оперению похожая на ворону; время от времени, с равными промежутками, она испускала крик, который нельзя было отличить от лая собаки.

— Ну и страна! — воскликнул Ганс.— Собак здесь нет, но зато лают птицы.

— Хорошо, что они безвредны,— сказал капитан.— Такой лай не может нам причинить никакого вреда. Мы можем теперь спокойно вернуться назад.

Они вернулись в лагерь уже в полной темноте и тотчас улеглись спать.

Эта ночь, как и предыдущая, прошла совершенно спокойно, если не упомянуть о ложной тревоге, поднятой караулившим Ван-Гер[illegible] его встревожили пробегавшие где-то в отдалении [illegible].

К восходу солнца наши [illegible]ники, вполне отдохнувшие, были на ногах. Груз [illegible] хлебцев был разделен между всеми в соответствии [illegible]ами каждого; несколько бамбуковых бутылок было наполнено водой, и все двинулись в дальнейший [illegible].

Отряд снова углубился в лес, по-прежнему идя на запад в расчете прийти к берегам реки Дорга.

Как трудно было пробираться по этой чаще раскинувшихся во все стороны [illegible] деревьев и кустарников, таких густых, [illegible] солнце едва пробивался сквозь листву!

Тековые деревья, саговые пальмы, лимонные деревья, сахарные пальмы, ротанги сменяли друг друга. Листва их сплеталась на верхушках так густо, что образовывала сплошной плотный навес над землей, а стволы соединялись цепкими лианами; по земле же тянулись нескончаемые сплетения ползучих растений.

Не было недостатка в этом лесу и в плодоносных деревьях.

Здесь было немало манговых деревьев, нежные плоды которых не раз утоляли жажду наших путешественников. Дальше росли durion, громадные плоды которых, покрытые очень крепкими шипами, могут причинить серьезный вред, если упадут на голову проходящего; потом шли хлебные деревья (artocarpus integrifolia) с такими крупными плодами, что только несколько человек могли поднять и унести их.

Часа через три наши путники очутились среди деревьев, от которых исходил какой-то особый, приятный и пряный запах.

— Какой запах! — воскликнул Корнелий.— Ты слышишь, дядя?

— Да,— ответил Ван-Сталь.

— Откуда этот запах? Он исходит от этих деревьев?

— Да, от этих самых. Если нарвать их плодов, можно заработать очень много денег.

— Что же это за плоды?

— На этих деревьях растут маленькие орешки, их называют мускатными и очень высоко ценят в наших краях. Посмотрите, они стоят того.

Глава двадцать первая

В ПОГОНЕ ЗА ЗВЕРЕМ

Мускатник отдаленно напоминает европейский лавр, но он гораздо красивей.

Мускатник невелик: всего семь — восемь метров в высоту. Растет он диким образом, но выбирает особую почву, одновременно и влажную, и открытую для солнечных лучей. Встречается он только на нескольких островах Молуккского моря, на Новой Гвинее и островах Банда и Амбойна; все остальные плантации уже давно опустошены голландцами.

Плоды мускатник дает только на девятом году, но плодоносным остается в течение шестидесяти — девяноста лет, при условии, конечно, хорошего ухода: тщательной поливки и обрезки.

То, что называется в Европе «мускатным орехом», не растет на дереве в том виде, в каком мы его знаем. Плоды мускатного дерева представляют собой нечто вроде крупных абрикосов с желтой кожурой; созрев, они раскрываются и открывают красноватую мякоть, мясистую и волокнистую, в середине которой находится мускатный орех в очень крепкой скорлупе.

Цветет и дает плоды мускатник круглый год, но орешек созревает только на восьмом — десятом месяце; собирают же его обычно в апреле, июле и ноябре.

Для сохранения орешка от порчи его высушивают сперва на солнце в продолжение трех-четырех дней; потом, освободив от скорлупы, бросают в таз, наполненный водой с небольшим количеством извести; таким образом орешки оберегают от насекомых. Иногда вместо непосредственной сушки на солнце, несколько ослаб-

ляющей их запах, мускатные орешки заворачивают в листья и кладут на слабый огонь.

Самые лучшие и ароматные орешки те, которые рвутся и собираются с дерева вручную, за несколько дней до того, как они вполне созреют; те, что, созрев, падают сами или срываются с диких деревьев, уступают им по качеству.

Эти орешки настолько дороги, что голландцы, когда-то господствовавшие на большинстве островов Малайзии, обратили на торговлю ими особое внимание. Благодаря этому мускатные орешки стали источником настоящих бедствий для туземцев тех островов, где растет мускатник.

Голландцы решили обеспечить за собой всю торговлю пряностями, приносящую громадные барыши, и не допустить к ней других европейских торговцев. Для этого они решили ограничить число деревьев, чтобы иметь возможность охранять их, и прежде всего распорядились уничтожить [illegible] мускатника, которые где-либо встречались на [illegible]ах Океании, кроме двух островов — Банда и Амбоина. Что касается этих двух островов, то там число этих деревьев было строго ограничено многочисленными предписаниями власти. Туземцам было запрещено иметь деревьев сверх определенного, установленного для каждого количества. Нарушителю этих предписаний угрожала смерть. Одно только присутствие чужеземного торговца на том острове, где рос мускатник, влекло за собой обезглавливание, а иногда даже колесование тех, кого власти заподозрили в незаконной торговле. Голландская компания содержала на каждом острове «приставов-вырывателей», которые тщательно следили за тем, чтобы количество деревьев не превышало указанную норму; остальные деревья они уничтожали, вырывая из земли, за что и получили название «вырывателей». Это делалось специально для поддержания высоких цен в Европе.

Но все-таки не удалось быть [illegible] голландцам, так как [illegible] внутри островов было мало населения, в некоторые места голландцы [illegible] не проникали, и потому в диком виде мускатник продолжал еще расти, не поддаваясь истреблениям колонизаторов-завоевателей. Но и другим купцам эти деревья, растущие на свободе, также не были известны, и голландцы смогли действительно осуществить монополию торговли пряностями. В течение двух с половиной столетий, с XVII до половины XIX века, амстердамский рынок оставался

ственным в мире, на котором можно было покупать мускатный орех и головки гвоздики.

Дикие меры, введенные завоевателями для обеспечения монополии своей торговли, принесли неисчислимые бедствия. С одной стороны, они вызвали обезлюдение торговых островов, а с другой стороны, дали возможность морским разбойникам поселиться в тех портах, которые покинули торговцы. Еще более важным последствием этой системы было порабощение туземцев, осужденных на каторжную работу на плантациях Голландской компании. Туземцам теперь не оставалось времени для обработки своих садов, и все другие промыслы были принесены ими в жертву ради посадки деревьев, дававших плоды пряностей.

Только спустя долгое время голландцы поняли бессмысленность этих насильственных мер. Стремясь к чрезмерному повышению цены, они только ограничивали потребление пряностей и, с другой стороны, вызывали озлобленность туземцев. Насилия и ограничения прекратились, и малазийцам была предоставлена свобода и торговли, и посадки мускатных деревьев и гвоздики.

— Какие красивые деревья! — восхищался Корнелий, подходя к туземцу.— А запах какой!

— Если бы мы могли нарвать здесь орехи и забрать их с собой, мы вознаградили бы себя за все потери,— заметил Ван-Горн.

— А туземцы?

— О, папуасы не знают, какую цену представляет мускатник. Здесь нет плантаций, и мускатные орешки никто не собирает. Сами туземцы не употребляют их в пищу; вот гвоздику они ревниво охраняют, так как ею приправляют все свои кушанья.

— Так здесь есть и гвоздика?

— Вот, недалеко от тебя, за мускатными деревьями.

— Пойдем, посмотрим.

Все подошли к гвоздике. Это дерево также росло не очень высоко — метров на шесть всего. Ветви его были усыпаны гроздьями темно-красных цветов, от которых исходил пряный запах.

— Это цветы,— объяснил капитан,— которые дают то, что в торговле называется гвоздичными головками. Их отделяют от лепестков и высушивают на солнце до черноты.

— А много дает одно дерево? — спросил Корнелий.

— Очень много: одно дерево может обеспечить его владельцу приличный ежегодный доход. Начав цвести

на седьмой год, гвоздика продолжает давать плоды еще сто лет.

— А эти деревья очень распространены?

— Их много на всех островах Малайзии, но истинная их родина — Моллукские острова. Пересаживали их и на некоторые острова вблизи Африки, но там эти деревья оказались не так долговечны и плодоносны.

— Сколько драгоценных деревьев в этом диком краю, где они никому не нужны!

— Это правда; но когда европейцы являются сюда, они хищнически эксплуатируют и все это богатство, и туземцев, которые не получают почти никакой пользы, но зато на них обрушивается множество бедствий.

Во время этой беседы стая очень крупных птиц села на мускатник и тотчас принялась клевать плоды.

— Что это за птицы? — спросил Корнелий.

— Вид голубей.

— И они питаются мускатными орешками?

— Да, это лакомство [illegible]их. Но они приносят пользу, перенося повсюду [illegible] мускатника; благодаря им мускатные деревья [illegible] там, где человек не сажал их.

— Как же это, дядя?

— Птицы проглатывают мускатные орехи и выбрасывают их потом, не переваривая; так они разбрасывают их всюду, где пролетают. От косточки, попавшей на благоприятную почву, вырастает новое дерево. Впрочем, таких птиц, разносящих семена деревьев и таким образом становящихся сеятелями, немало.

— При таком питании эти птицы должны быть необыкновенно вкусными.

— Да, говорят. Подстрели-ка одну из них.

Юноша уже хотел поднять ружье, чтобы выстрелить в голубя и удостовериться в правильности своих предположений, когда Ван-Гори остановил его:

— Смотри, вот тебе жаркое получше твоих голубей.

Корнелий оглянулся и увидел пробегавшее по опушке леса животное, похожее на свинью. Корнелий выстрелил. Животное, сделав резкий скачок в сторону и громко хрюкнув, скрылось за деревьями.

— Бабируса! — вскричал капитан, успевший рассмотреть животное.

— Он ранен,— крикнул Ван-Гори.— Живее, Корнелий, бежим за ним!

Корнелий и Ван-Горн бросились в лес. Они бежали по кровавому следу, оставленному животным на траве и кустах.

Бабирусса не мог уйти далеко; топот и хрюканье были еще слышны, сливаясь с шелестом раздвигаемых кустов и ветвей.

Корнелий бежал во всю прыть, с ловкостью лани перепрыгивая через все препятствия: корни, лианы. Он далеко опередил не поспевавшего за ним Ван-Горна, который с трудом продирался в чаще, стараясь не упустить из виду Корнелия.

Но как ни быстро бежал Корнелий, истекавший кровью бабирусса все дальше уходил от погони.

Этот бег с препятствиями продолжался не менее получаса. Наконец Корнелий увидел животное: бабирусса забился в кусты. Корнелий выстрелил; он видел, как бабирусса упал, очевидно, на этот раз убитый.

— Попал? — вскричал Ван-Горн, собравший все свои силы, чтобы догнать Корнелия.

— Он не шевелится.

— Хорошо. Теперь нам обеспечен не один вкусный и сытный обед.

И оба охотника склонились над убитым животным. Капитан не ошибся: перед Корнелием и Ван-Горном действительно лежал убитый бабирусса. Это название дано животному малайцами; оно означает свинья-олень.

Бабирусса входит в семейство свиней, среди которых составляет особый вид. Он похож больше всего на кабана, но шея у него не так толста, морда более вытянута, глаза очень маленькие; длинные же ноги резко отличают его от других животных из семейства свиней и им, верно, оно обязано названию — олень. Но есть у бабируссы и другие отличающие его от свиней черты: щетина у него короткая и мягкая, цвет ее — пепельно-серый; клыки бабируссы в обеих челюстях загнуты вверх и назад полукругом, так что морда животного обрамлена как будто рукоятками шпаг; верхняя челюсть вооружена двумя длинными клыками, также загнутыми назад. Несмотря на свою величину — они имеют около тридцати пяти сантиметров,— эти клыки не имеют большого значения; страшнее бивни нижней челюсти, которыми бабирусса наносит очень тяжелые раны.

Бабирусса — дикое животное; он живет в девственных лесах на островах Океании. Но, взятый совсем молодым, бабирусса легко приручается. Туземцы охотятся

на них и уничтожают в большом количестве, так как мясо бабируссы очень вкусно.

Такой бабирусса и был убит теперь Корнелием.

— Вторая пуля попала прямо в челюсть,— говорил Корнелий Ван-Горну, рассматривая убитое животное.

— Разрежем его на четыре части; хотя и жаль, но мы вдвоем сможем унести только четверть. Нужно скорее разделаться с бабируссой и отправляться назад. Мы пробежали, наверно, километра три, и капитан будет беспокоиться. Да и заблудиться в этой чаще не так трудно.

— А буссоль с тобой?

— Нет, я оставил ее капитану. Да она и послужить нам не может: мы ведь не знаем отправной точки.

— Да, правда. Мы слишком далеко ушли. Но не могу же я упустить такую добычу!

Топором, который Ван-Горн всегда носил за поясом, он рассек тушу на части и отделил лучшие куски. Взвалив их себе на спину, [illegible] и Ван-Горн бодро зашагали назад, стараясь [illegible] который привел бы их к мускатной роще.

Но в погоне за зв[illegible]м они забыли сделать зарубки на деревьях, которые теперь помогли бы им найти обратный путь — предосторожность необходимая, когда углубляешься в густой лес. Кровавый же след бабируссы был теперь затоптан и потерян для охотников.

Злосчастные охотники [illegible] плутал, уклоняясь то в одну, то в другую сторону. Они прошли уже три, четыре, пять километров, а [illegible] реки, где они оставили своих товарищей по стр[illegible]ло, так и не могли найти.

Их охватило сильнейшее волнение.

— Мы сбились с пути,— печально сказал Корнелий.

— Боюсь, что так. И нет ничего удивительного в том, что мы уклонились в сторону. Без всяких указаний пути человек всегда движется по кривой и всегда, говорят, забирает вправо.

— Так что, вместо того чтобы приблизиться, мы только отдалились от своей цели?

— Очень возможно,— со вздохом согласился Ван-Горн.

— Нас преследует одна неудача за другой. Что станется теперь с нами?

— У нас есть ружья...

— Ну так что же?

— Мы можем подать сигнал капитану.

Хорошо, стреляй!

Ван-Горн разрядил в воздух свое ружье; но охотники находились в это время среди громадных деревьев, таких высоких и густо стоящих, что плотная стена ветвей не давала звуку распространиться.

В течение нескольких минут охотники стояли молча, боясь шелохнуться, чтобы не упустить звука ответного выстрела.

— Нет ответа! — прервал наконец молчание Корнелий.

— Никакого ответа...— подтвердил Ван-Горн, и ему стало страшно от сознания, что они теперь отрезаны от капитана.— Может быть, густая листва задерживает звук; уйдем отсюда, поищем более открытое место.

Они долго шли, пока чаща несколько не расступилась перед ними.

Ван-Горн поднял ружье и выстрелил. Снова ни звука в ответ — ни далекого, ни близкого. Только шум крыльев вспугнутых выстрелом птиц послышался со всех сторон.

— Мы заблудились! Мускатная роща, может быть дальше от нас, чем мы думаем,— сказал Корнелий.

— Рано еще отчаиваться. Давай разберемся. Когда мы погнались за зверем, мы оставили мускатную рощу по левую руку, то есть мы уходили на восток.

— Правильно.

— Где мы сейчас?

— Судя по лучам солнца, восток должен быть с той стороны.

— Бабирусса, по-моему, убегал на юг. Так что, взяв теперь на север, мы не можем не пересечь дорогу капитану.

— А если он отправится искать нас?

— Во всяком случае мы знаем, что рано или поздно капитан двинется на запад к берегам Дорга. Будем держать и мы на запад, где-нибудь мы с ним да встретимся.

— Идем!

Они двинулись в путь, держась по солнцу, клонившемуся теперь к горизонту. Но и тут определить правильно направление было трудно, так как сквозь лиственную чащу лучи солнца едва пробивались.

В лесах Папуазии не так-то легко найти дорогу; тот же лес, куда попали теперь злосчастные охотники, представлял, можно сказать, не один, а два леса, вставленных один в другой.

Громадные деревья уходили в высоту на восемьдесят

метров от земли; с их очень толстых ветвей свисали вниз бесчисленные лианы. А внизу земля поросла множеством других деревьев, более низких, которые как бы образовывали второй, внутренний лес. Лучи солнца, пробившись сквозь листву первого — внешнего леса, задерживались густой листвой второго, и только редкие из них достигали земли. Потому и в полдень здесь почти темно; к вечеру темнота сгущается, а ночью здесь кромешная тьма. Нет возможности продвигаться, не наскакивая ежеминутно на близко стоящие друг к другу громадные стволы.

Но в этом двойном лесу есть и свое преимущество: он лишен света, зато в нем нет ни кустарников, ни ползучих растений, которые при полном отсутствии света не могут подняться из земли.

По такому лесу пробирались теперь Ван-Гори и Корнелий, натыкаясь то на пальмы, то на тековые деревья, на мимозы, на манговые деревья.

Встретив где-нибудь просвет между деревьями, охотники останавливались, чтобы еще раз выстрелом подать сигнал потерянным спутникам. Но сколько они ни стреляли, ответа все не было.

К заходу солнца они подошли к поляне. Здесь на опушке леса, у подножия громадного тека, они решили отдохнуть: беспокойство и усталость от непрерывной ходьбы совсем сломили их силы.

— Бедный дядя,— вздыхал Корнелий,— как он должен теперь волноваться!

— Мы найдем его, Корнелий,— успокаивал Ван-Гори.— Завтра, только встанет солнце, мы снова двинемся в путь и завтра мы услышим ответный выстрел. Капитан всегда предусмотрителен: он не ушел далеко от того места, где мы с ним расстались.

— Но какую ночь он проведет! Он думает, что мы попали в плен к папуасам.

— Нет, он знает, что ружья при нас, а мы не таковы, чтобы так легко сдаться. Не будем отчаиваться, Корнелий. Утро вечера мудренее.

Чтобы несколько рассеять мрачное настроение, Ван-Гори разжег костер и положил потом на угли жариться мясо бабируссы.

Теперь они имели на ужин мясо, но не было хлеба: хлебцы из саго они оставили у мускатника, когда бросились преследовать раненого зверя.

Но и хлеб они нашли чем заменить. Поблизости оказалось хлебное дерево. Ван-Гори сорвал несколько пло-

дов, разрезал их на ломти, поджарил, и получилось блюдо, вкусом напоминавшее не то тыкву, не то артишок.

Плоды были величиной с голову ребенка и покрыты жесткой кожурой, содержавшей желтоватую мякоть...

Ужин, как он ни был вкусен, прошел не очень оживленно. И Корнелий, и Ван-Горн, хотя и нуждались в подкреплении, почти не притронулись к яствам.

После ужина они потушили огонь, боясь привлечь внимание папуасов, если бы те оказались где-нибудь поблизости. Потом они устроили постель из груды ветвей и вытянулись на них, терпеливо ожидая первых лучей солнца, чтобы снова возобновить поиски своих оставленных товарищей.

Глава двадцать вторая

ПЛЕННИК

Несмотря на усталость, ни Ван-Горн, ни Корнелий не могли сомкнуть глаз. Их беспокойство, вместо того чтобы улечься, побежденное усталостью, все возрастало: они боялись, что капитан, Ганс и Лю Ханг, отправившись на поиски, только отдаляются от них.

Всю ночь они беспокойно ворочались на своем неудобном ложе. Каждую минуту то один, то другой настораживался, задерживая дыхание, как будто ловя какие-то далекие звуки: крики, выстрелы. Иногда они поднимались и всматривались в темноту, словно вот-вот появятся из-за деревьев их спутники.

Но проходил час за часом, и ничто не нарушало покоя лесной чащи.

Под утро, совершенно разбитые и усталые, они было совсем заснули. Но вдруг издалека донеслись какие-то крики. В одно мгновение Ван-Горн и Корнелий были на ногах.

— Ван-Горн, ты слышал? — спросил Корнелий дрожащим голосом.

— Да,— ответил Ван-Горн, взволнованный не менее Корнелия.

— Не крик ли это капитана?

— Как знать; но я надеюсь скоро встретиться с ним.

— Бежим, Горн, не то они снова удалятся от нас.

— Побежишь тут, в этой тьме кромешной...

— А не выстрелить ли еще раз?

— Не надо. Может быть, это крики папуасов.

Они быстро пошли
куда раздался крик.
зали, вызывая проклят
Снова послышался
вечнее первого. Можно
люди приближались.
Волнение Ван-Горна
пределов. Не в силах с
Но лес становился гущ
деревья, падали, подни
Они пробежали так
реды мелькнул между
ничивался, открывая вд
Крики теперь смол
Корнелий снова хоте
чтобы подать знак свои
жал его.
— Не стреляй. Я в
Тут и Корнелий уви
ми метров в пятистах
— Они расположи
воскликнул Корнелий.
Но Ван-Горн охлад
— Ты уверен в то
сказал он.— Будем ост
а потом подадим знак
— Не оставаться
— Не оставаться н
Нужно издали рассмо
— Хорошо,— нехо
живая свое недовольст
рожностью Ван-Горна
Огонь разгорался,
вокруг.
Ван-Горн и Корне
правились к костру. О
за деревьями и зарос
Только в шестидес
наконец рассмотреть с
удивления и разочаро
менно у них обоих.
Перед ними вокр
пуасов.
Они оживленно о
пуас, очевидно, плени
земле; он тщетно

Они быстро пошли, почти побежали в ту сторону, откуда раздался крик. Но деревья то и дело замедляли шаги, вызывая проклятия старого штурмана.

Снова послышался крик; во второй раз — еще явственнее первого. Можно было подумать, что кричавшие люди приближались.

Волнение Ван-Горна и Корнелия достигло крайних пределов. Не в силах сдержать его, они теперь бежали. Но лес становился гуще, и они все чаще налетали на деревья, падали, поднимались и снова бежали.

Они пробежали так, верно, больше километра. Впереди мелькнул между деревьями просвет; он все увеличивался, открывая вдали поляну.

Крики теперь смолкли.

Корнелий снова хотел разрядить в воздух свое ружье, чтобы подать знак своим товарищам, но Ван-Горн удержал его.

— Не стреляй. Я вижу впереди огонь.

Тут и Корнелий увидел меж [illegible] деревьями метров в пятистах [illegible] костра.

— Они расположились [illegible] лагерем!..— радостно воскликнул Корнелий.

Но Ван-Горн охладил его [illegible].

— Ты уверен в том, что [illegible], а не папуасы? — сказал он.— Будем осторожны: сперва узнаем, кто там, а потом подадим знак.

— Не оставаться же нам [illegible] здесь...

— Не оставаться на месте, [illegible] не подходить близко. Нужно издали рассмотреть, что там за люди.

— Хорошо,— нехотя [illegible] Корнелий, сдерживая свое недовольство излишней, по его мнению, осторожностью Ван-Горна.

Огонь разгорался, освещая стволы могучих деревьев вокруг.

Ван-Горн и Корнелий, держа ружья наготове, направились к костру. Они шли тихо, все время скрываясь за деревьями и зарослями.

Только в шестидесяти шагах от костра они смогли наконец рассмотреть сидевших вокруг него людей. Жест удивления и разочарования невольно вырвался одновременно у них обоих.

Перед ними вокруг костра сидели двенадцать папуасов.

Они оживленно о чем-то говорили. Тринадцатый папуас, очевидно, пленник, лежал, связанный лианами, на земле; он тщетно пытался разорвать свои путы.

Все двенадцать сидевших у костра папуасов были коренасты, мускулисты, с бронзовым цветом лица; грудь у них была очень широка, лица угловаты, как у малайцев, волосы короткие и вьющиеся. Они были совершенно голы. Единственным их украшением была рыбья кость, продетая через хрящ носа.

Вооружение их состояло из палиц и копий.

Тот же, который лежал связанный на земле, принадлежал, по-видимому, к другому племени. Его тело имело более вытянутые формы, кожа была черна, как у африканцев, лицо овальное, а черты лица правильные. Длинные пышные волосы были подняты над лбом бамбуковым гребнем. Шея его была украшена браслетами, ожерельями из зубов зверей и ракушек. На груди у него была широкая лиственная повязка, а на бедрах висел короткий передник из красной материи.

— Что это за люди? — шепотом спросил Корнелий.

— Те, что сидят у огня, — так же тихо ответил ему Ван-Гори,— альфуры или арфаки — племя, живущее внутри острова. Пленник, по-моему, должен принадлежать к одному из племен с побережья.

— Что они собираются с ним сделать?

— Убить, я думаю. Они сейчас, должно быть, обсуждают, оставить его заложником или убить.

— Спасем этого несчастного!

— Хорошо. Тем более что пленник принадлежит к одному из тех наименее диких племен побережья, которые поддерживают торговлю с европейцами. Возможно, что и этот, если нам удастся его спасти, поможет нам, если не найти капитана, то во всяком случае добраться до берегов Дорга. Но ты не торопись: узнаем сперва, что они собираются с ним сделать.

Им не долго пришлось ожидать. Очень скоро к костру подошел еще один дикарь, ростом несколько выше других, также совершенно голый, но украшенный ожерельями и металлическими кольцами в ушах; пучок ярких перьев в густых волосах венчал его голову.

— Вождь...— шепнул Корнелию Ван-Гори.

Пришедший подошел к пленнику. При его приближении тот содрогнулся от ужаса. Очевидно, начался допрос. Закончив его, вождь сделал знак сидевшим у огня папуасам; они тотчас же поднялись и принялись сносить и укладывать полукругом груды хвороста и колючих веток, приготовленных, вероятно, заранее.

После этого они грубо схватили пленника, подняли его, еще крепче скрутили ему руки, но развязали ноги.

— Они сожгут его! — ужаснулся Корнелий.

— Не думаю.

— Разве ты не видишь, что они разжигают хворост?

— Вижу. Но я думаю, что его собираются пытать. Будь готов и стреляй, как только я подам тебе знак.

Дикари волокли теперь своего пленника к дереву, у подножия которого была разложена груда хвороста. Папуасы зажгли хворост.

Несчастный пленник испускал нечеловеческие крики; с бешенством, удваивавшим его силы, он пытался разорвать лианы, которыми были опутаны его руки. Он бросал отчаянные взгляды на огонь, к которому его вели папуасы. Но он только бился в крепких руках своих мучителей, не имея никакой возможности вырваться и бежать.

Дикари привязали [illegible] к спине пленника и зажгли ее. Так они [illegible] к дереву, у подножия которого пылал костер. [illegible] его вперед, заставляя перешагнуть через [illegible] и подойти к дереву.

Пленника привя[illegible] к дереву. Хворост разгорался; языки пла[illegible], каждую минуту угрожая сжечь тело [illegible].

— Негодяи! [illegible] Ван-Гори.— Огонь, Корнелий!

Оба выстрела раз[illegible] одновременно. Около костра два дикаря свалились [illegible], а остальные, испуганные выстрелами и не понимая, откуда исходит этот грохот, с криками бросились врассыпную, оставив на земле своих убитых или раненых товарищей.

В одно мгновение Ван-Гори и Корнелий очутились у костра. Одним скачком Корнелий перепрыгнул через широкий круг огня. Прежде всего он выдернул из-за спины несчастного горящий пук трав; затем он разрезал лианы, которыми пленник был привязан к дереву, и вынес его из огненного круга. Далеко от костра он бросил несчастного на землю.

— Не бойся! — крикнул Корнелий дикарю, распутывая его руки.

Ван-Гори уже торопил Корнелия:

— Скорее. Альфуры, оправившись от неожиданного нападения, соберутся и атакуют нас.

— Нельзя же оставить так этого малого.

— Если он дорожит своей шкурой, он побежит за нами.

Папуас, почувствовав себя на свободе, вскочил на ноги и протянул руку Корнелию.

Спасибо, белый человек,— произнес он по-голландски.

— Да он говорит по-нашему! — воскликнул Корнелий.

— Ну так что ж,— невозмутимо отвечал Ван-Гори.- Значит, я прав: он из тех племен, которые общаются с голландскими моряками и купцами.

— Пойдешь с нами? — спросил Корнелий дикаря.

Но ответа не последовало... Дикарь молча разглядывал своих освободителей, как бы стараясь угадать их намерения.

— Он знает, верно, только два-три слова по-голландски,— сказал Корнелий.

— По-малайски с ним легче будет объясниться,— сказал Ван-Гори и повторил предложение Корнелия по-малайски.

— Я ваш раб,— ответил папуас,— я пойду за вами, куда вы велите.

— Очень нам [illegible] еще рабами обзаводиться,— проворчал Ван-Горн.— Будешь нам товарищем. Идем!

И все трое быстро удалились.

Папуас, хорошо [illegible] леса своей родины, шел впереди, а за ним пробирались Ван-Гори и Корнелий. Боясь неожиданного нападения альфуров, голландцы шли осторожно, все время оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. Но альфуры были так напуганы выстрелами и смертью двух своих воинов, что попрятались в лесу, не смея выглянуть оттуда. Ни один звук человеческого голоса не долетал теперь до ушей голландцев.

Так они дошли до поляны и расположились отдохнуть. Пока Корнелий возился с огнем, приготовляя завтрак, Ван-Гори заговорил с папуасом.

— Ты как думаешь: твои враги будут преследовать нас? — спросил штурман папуаса.

— Нет, они слишком испугались ваших ружей,— ответил тот.

— А что ты им сделал? За что они собирались тебя сжечь? Откуда ты пришел? Кто ты?

— Я — папуас с берегов Дорга. Меня зовут Ури-Урната, как и моего отца — вождя племени.

— С берегов Дорга? — повторил Ван-Горн.— Вот так удача! Твоя деревня далеко отсюда?

— Два дня ходьбы.

— А зачем ты ушел так далеко?

— Я поклялся убить Оранго, альфура, врага моего отца и моего племени.

— И сам попал в плен к Оранго? Это он отдавал приказ сжечь тебя?

— Да.

Корнелий, знавший по-малайски только несколько слов, как ни вслушивался в разговор Ван-Горна и Ури-Утаната, ничего не понял. Он попросил Ван-Горна перевести ему слова папуаса.

Передав Корнелию все, что он успел узнать, Ван-Гори добавил:

— Когда два племени папуасов ведут между собой войну, лучшие воины дают клятву перед богами убить вождя их врагов. Молва об этом распространяется по всем племенам. Вожди предупреждают об этом; они принимают меры предосторожности и, со своей стороны, всячески стараются захватить в плен тех, кто дал такую клятву. А захватив, [illegible] на костер. Это-то и случилось с Ури-Утаната.

Корнелий был чрезвычайно обрадован, узнав, кто был их пленник: он уже [illegible] на берегу Дорга вместе с капитаном, Гансом и Лю Хангом.

— Все случилось так, как я предвидел,— торжествовал Ван-Горн.

— Стало быть, Ури-Утаната покажет нам дорогу к реке? Ты сказал ему, что мы направляемся туда?

— Об этом я [illegible] буду говорить с ним.

И Ван-Гори рассказал папуасу об их неудачной охоте и о разлуке со своими спутниками.

— Вы спасли мне жизнь,— сказал Ури-Утаната, выслушав рассказ Ван-Горна,— и я вам помогу, чем только смогу. Мы отыщем ваших товарищей, а после этого вы получите большую пирогу для возвращения на родину. Наше племя не очень любит белых людей: у нас есть на что пожаловаться в их поведении, но моим спасителям и мой отец, и все племя окажут самый радушный прием.

— А как же нам найти наших товарищей?

— Я знаю, где находится большой лес с мускатными деревьями. Там я охотился на голубей, которые питаются косточками плодов мускатника. Мы пойдем прямо туда.

— Но подожди: твое плечо все в ожогах. Нужно как-нибудь уменьшить боль.

— Ури-Утаната — воин, и он закален в боях: он не боится боли! — гордо ответил папуас.

— Тогда в путь!

— Идем!

— Солнце уже высоко, нужно торопиться.

Солнце действительно уже золотило верхушки деревьев. Птицы просыпались на ветвях и оглашали лес своим пением.

Тут были стаи charmascyparpia и cos sanamala, с ярким оперением, в котором смешалось красное, желтое и черное; они щебетали, греясь в первых лучах солнца. Потом проснулись cicimuras regia, с ярко-красными спинками; великолепные parozies, бархатисто-черные с изумрудно-зеленым полуожерельем и головкой, увенчанной пятью длинными лазоревыми хохолками, ослепительно блестящими на концах. В вышине носились несколько пар крупных, как голуби, птиц; их оперение было как фиолетовый шелк, шейку обнимал воротник в золотистых точках, который топорщился, как у испанских придворных пятнадцатого века, а округленный великолепный хвост был раз в пять длиннее туловища.

По правде сказать, наши путники не слишком-то обращали внимание на эту роскошное зрелище. Они торопились к опушке с мускатниками, где они оставили своих товарищей, и ни о чем другом сейчас не могли и думать.

К тому же на каждом шагу они встречали препятствия: корни, [illegible] стволы деревьев; низко растущие ветви мешали им продираться вперед и заставляли быть внимательными.

В довершение этих трудностей часов в девять утра они наткнулись на сплошную широкую стену растений, так густо сплетенных, что пробраться через них не было никакой возможности.

— Что это за заросли? — заинтересовался Корнелий.

— Перец. Здесь его столько, что им можно было бы наполнить весь трюм бедной «Хай Нам», и такой груз окупил бы все наши труды.

— Целое богатство.

— Да, но у нас есть более серьезные заботы, чем мечты о груде перца.

Глава двадцать третья

НО ГДЕ ЖЕ ОНИ?

Эта часть леса была действительно непроходима. Тут были тысячи ростков одного и того же растения; его семена попали, верно, на благоприятную почву —

должно быть, на наносный слой,— ростки проросли, широко распространились, разбросав во все стороны ползучие ветви, поднялись наверх и зацепились за деревья. Так рос перец, а у нас так растет дикий виноград.

Существует несколько сортов перца, растущего в Индии, на Цейлоне, во Французской Гвиане и на многих островах Океании. Но родина перца, по-видимому, Малайские острова, где он растет диким образом. Здесь, на Новой Гвинее, он тоже рос дико, и никто не заботился не только об уходе, но и о сборе его плодов. Все ветви перца были засыпаны гроздьями цветов без чашечек, удлиненных, белых, которым предшествовали маленькие ягоды, сперва зеленые, потом красноватые и наконец желтые.

Ягоды собирают до того, как они поспевают, так как в спелом виде они лишаются своего обжигающего вкуса и аромата. Их сушат на солнце или у слабого огня, пока они не становятся коричневыми. Так получается то, что называется черным перцем и ценится выше других сортов.

Белый перец, менее острый и ароматный, приготовляется из того же черного перца: его погружают в теплую воду и потом снова просушивают. Тот перец, что растет на Новой Гвинее и на Молуккских островах, и после сушки остается серым, а ароматом он отличается от других сортов.

Любопытно отметить, что это ароматическое зернышко в значительной степени содействовало установлению в древние времена постоянных сношений между Индией и европейскими странами, Грецией и Римом.

У римлян торговля перцем была по оборотам одной из крупнейших; за перцем пускались морем в далекие азиатские страны, не останавливаясь перед опасностью плавания по неизведанным морям.

Перец тогда продавался почти на вес золота, что запечатлелось даже в латинской поговорке: «Дорог, как перец» и осталось до наших времен в поговорках многих народов.

Но это богатство теперь не прельщало наших путников. Они обошли заросли перца, но его запах еще долго заставлял их чихать.

Они снова углубились в лес, следуя за Ури-Утаната, который уверенно вел их вперед.

После трехчасовой непрерывной ходьбы они расположились наконец отдохнуть у подножия громадного

текового дерева. Вдруг Ван-Горн и Корнелий увидели, как папуас пригнулся и скрылся за листвой раскидистого кустарника.

— В чем дело? — всполошился Корнелий.— Опять альфуры?

— Ничего не вижу,— проворчал Ван-Горн, не представляя себе, как объяснить движение дикаря.

Но и он, в свою очередь, нырнул вдруг под куст и зашептал Корнелию:

— Прячься скорее.

— Что ты увидел? — недоумевал Корнелий, но все же последовал примеру Ван-Горна.

— Чудесный завтрак... Видишь, на верхушке тека сидят птички. Красивые, да?

Корнелий поднял глаза и едва удержался от возгласа восхищения.

На самой верхушке дерева сидело пятнадцать или двадцать птичек! Все оттенки самых драгоценных тканей, весь блеск и отсветы металла — все гармонически мешалось в их оперении.

Головки их были золотисто-желтого цвета сверху и изумрудно-зеленого — снизу, спинка — каштановая с золотистым налетом, а снизу, из-под крыльев, вырывались пучки перистых длинных, легких, окрашенных в желтый цвет с серебристыми отсветами.

Под солнцем, заставлявшим искриться все это красочное богатство, птичек можно было принять за букеты цветов, осыпанных драгоценными камнями.

— Какие восхитительные птицы! — восторгался Корнелий.— Таких нет, верно, ни в одной больше стране.

— Да, и поэтому-то они называются райскими птичками.

— Так вот она, знаменитая райская птичка...

— И мы не зря ими восхищаемся: они так же вкусны, как и красивы: они ведь питаются плодами мускатника. Смотри, как жадно смотрит на них Ури-Утаната. Он будет рад, если мы собьем парочку райских птиц и ему достанутся их перья.

— Перья? На что они ему?

— Об этом потом, а сейчас прицелься хорошенько.

Оба выстрелили. Две райские птички свалились с дерева и, кружась в воздухе, упали на землю, а остальные вспорхнули и улетели.

Корнелий поднял упавших птиц и замер, любуясь их чудесным оперением.

Папуас, в восторге от сбитых голландцами птиц, схва-

тил одну из них и тут же принялся ощипывать, бережно откладывая в сторону выдернутые перья.

— Для чего он это делает? — удивился Корнелий.

— Из каждой из этих птиц он изготовит два или три чучела и продаст их китайцам, малайцам или европейцам.

— Как? Из каждой два или три чучела?

— Удивляться нечему. Перья райских птиц ценятся очень высоко богатыми китаянками, которые украшают ими свои парадные комнаты, а также европейцами и американцами, у которых они идут как украшения для женщин. Туземцы знают, что эти перья покупаются очень дорого, и потому беспрестанно охотятся за райскими птичками. В результате эти [illegible] птицы совсем исчезает, так усердно туземцы истребляют их, а между тем райские птички водятся только на [illegible] Гвинее и на островах Арру.

В охоте папуасы очень ловки. Для того чтобы не испортить оперения райских [illegible], они пускают в ход особые стрелы — очень тонкие тростниковые стрелы с глиняными наконечниками; они мечут их при помощи сарбаканов. Обычно, чтобы [illegible] птичку, папуасы становятся под деревьями, куда слетаются на ночь эти птицы, и стреляют по ним при первых лучах восходящего солнца. Удар глиняного наконечника стрелы так силен, что оглушает птицу, и она валится вниз.

— Вот ловкачи!

— Да, ловкачи, и не только на охоте. Они не менее ловкие при изготовлении чучел. Из одной птицы они умудряются сделать не одно, а два или три чучела, и таким образом из одной убитой птицы извлекают двойной или тройной доход. Кроме того, райские птицы линяют; папуасы поэтому в определенные времена года рыщут по лесам в поисках упавших перьев, тщательно собирают их и потом делают из них чучела. В самих чучелах они часто подменяют перья райских птиц перьями других птиц, и так ловко, что ни один знаток не отличит подделки. В этих проделках виноваты прежде всего сами европейцы: они-то показывают всегда туземцам пример недобросовестной торговли.

— А что получит Ури-Утаната за этих птичек?

— Какие-нибудь грошовые, но очень ценимые туземцами побрякушки или несколько бутылок водки. Торговля с туземцами тем и выгодна, что их продукты, высоко ценимые на европейских рынках, купцы обменивают на грошовые изделия и таким образом сильно наживаются.

Ну, это не дело...

Хорошо, если бы европейцы честно вели торг, а то, не ограничиваясь этим, они попросту надувают туземцев.

— Теперь я понимаю, почему папуасы, и даже наш Ури-Утаната, не слишком любят белых.

— Да, они, может быть, отчасти и правы...

Пока Ван-Горн и Корнелий беседовали, Ури-Утаната успел ощипать птиц и бережно завернул их перья в большой лист арека. Тогда птицами завладел Ван-Горн и искусно зажарил их над костром.

После вкусного завтрака все трое двинулись дальше в путь. Папуас, истинное дитя лесов, без всякого компаса, ведомый одним инстинктом, уверенно шел к мускатной роще. Пройдя несколько километров, он остановился и указал своим спутникам куда-то вдаль.

— Мускатная роща,— сказал он,— находится за этим массивом.

Ван-Горн поспешил передать Корнелию радостную новость.

— Так мы сейчас увидим и капитана, и Ганса! — радостно воскликнул Корнелий.

— Отсюда они должны услышать выстрел. Стреляй, Корнелий, — предложил Ван-Горн.

— Да, да, — заторопился Корнелий.

Он поднял ружье и выстрелил в воздух. Но и на этот раз никто из них не услышал ответного выстрела.

Ван-Горн и Корнелий беспокойно переглянулись.

— Ничего! По прежнему ничего...

Голос Ван-Горна дрожал.

— Да где же они, наконец?

— Не понимаю.

— Может быть, они спят?

— Средь бела дня, все трое? Это невозможно! Скорее они отправились искать нас. Пойдем быстрее, сейчас мы все узнаем.

Сгорая от нетерпения увидеться со своими друзьями или узнать по крайней мере, не случилось ли с ними какой беды, Ван-Горн и Корнелий уже не шли, а бежали к мускатной роще.

Вот и мускатники... Несчастные охотники прекрасно узнавали местность, которую покинули только накануне, погнавшись за бабируссой.

— Их нет,— прошептал Корнелий; в его голосе слышалось настоящее отчаяние.— Где их найти теперь? Что делать?

— Подожди, не может быть, чтобы они не оставили ничего, не уведомили нас, куда они отправились.

Ван-Горн нашел место, где накануне был раскинут лагерь голландцев. И сейчас там были видны прогоревшие угли костра, кусочки хлеба из саго, но ничего больше.

— Поищем вокруг,— предложил Ван-Горн.

И все трое принялись шарить по всей поляне. Папуас, ушедший дальше других, вдруг вернулся бегом.

— Там, там,— кричал он, показывая на группу деревьев.

— Что там?

— Иди сюда.

Корнелий и Ван-Горн подбежали к нему. Ури-Утаната повел их к шалашу, сплетенному из ветвей, у подножия громадного дерева. На примятой траве там и сям валялись остатки хлеба, расстрелянные патроны, оторванный рукав от куртки капитана, вся изорванная шляпа Лю Ханга, а вокруг, в стволах деревьев, торчали стрелы и на земле валялось сломанное копье.

— Что тут случилось? — спрашивал Корнелий, не желая поверить своим глазам.

А между тем представлявшаяся им картина не оставляла никаких сомнений.

— Они убиты! Все: дядя, Ганс, Лю Ханг...

Корнелий плакал.

— Сюда, сюда! — закричал в это время Ури-Утаната. Он увидел прикрепленный шипом к стволу дерева клочок бумаги. Бережно взяв его в руки и увидев на нем какие-то непонятные ему знаки, он поторопился передать его Корнелию.

— Читай! — кричал Ван-Горн. Но Корнелий не мог ничего прочесть, так дрожали у него руки.

Наконец он овладел собой и прочел:

— «Мы взяты в плен дикарями. Они ведут нас к Дорга».

— Взяты в плен дикарями! — воскликнул Ван-Горн.— Но каким племенем? Живущим на побережье или внутри острова? Ури! — позвал он папуаса.

Но тот не услышал зова, поглощенный рассматриванием стрел, застрявших в стволах деревьев.

— Ури! — повторил моряк.

Папуас на этот раз услышал. Но вместо того чтобы подойти к Ван-Горну, он произнес, не сходя с места:

— Мне знакомы эти стрелы...

— Что?

— Они принадлежат воинам моего племени.
— Ты не ошибся?
— Нет.
— Но как они очутились здесь?
— Мой отец вел свое войско.
— Он искал белых?
— Нет, отец не мог знать, что здесь находятся белые. Попавший со мною в плен к альфурам воин бежал оттуда. Он добрался, верно, домой и рассказал отцу о моей беде. Отец шел выручать меня.
— И чтобы отомстить за тебя, напал на белых!
— Мы часто воюем с белыми, когда они притесняют и обманывают нас. Мой отец не мог знать, что ваши товарищи — не наши враги.
— И он убьет их?
— Нет, мое племя не убивает пленных: они становятся рабами.
— Но мы освободим их, хотя бы пришлось спалить для этого всю деревню и перестрелять всех воинов.
Папуас улыбнулся.
— Ури-Утаната — сын вождя,— сказал он,— он спасен вами и сам ваш раб. Когда отец узнает, чем я обязан вам, он станет другом белых.
— Веди нас в твою деревню...
— Идем.
— Она еще далеко?
— Полтора дня ходьбы.
— А когда была тут битва, как ты думаешь?
— На рассвете. Концы сломанных ветвей еще влажные, если бы они высохли, значит, битва была раньше.
— Я не успокоюсь, пока не увижу капитана живым.
Ван-Горн вскинул винтовку и, обращаясь к Корнелию, сказал:
— Поторопись: этим дикарям ни в чем нельзя доверять.
— Мы быстро дойдем,— ответил Корнелий.— Я чувствую себя таким сильным, что пройду пятнадцать лье без остановки.

Глава двадцать четвертая

ВОЖДЬ УРИ-УТАНАТА

Каким же образом капитан, Ганс и Лю Ханг попали в плен к дикарям?
Они долго ожидали у мускатника возвращения Ван-

Горна и Корнелия, убежавших в лес в погоне за бабируссой.

Сперва капитан не беспокоился, верно полагая, что раненое животное завлекло охотников далеко в глубь леса. Но прошел час, два, три — капитан стал волноваться, что с охотниками приключилась какая-нибудь беда. Для таких опасений было достаточно оснований: все они находились в неисследованной стране, в дремучем лесу, где водились дикие звери и страшные змеи, а кругом жили кровожадные племена дикарей.

Когда солнце начало спускаться к горизонту, капитан решил отправиться на поиски пропавших. Наказав Гансу и Лю Хангу ни на шаг не отходить от лагеря и стеречь его, капитан пустился в путь.

Он пошел в ту сторону, куда убежал бабирусса. Чтобы найти дорогу обратно, он предусмотрительно делал зарубки на деревьях.

Капитан углубился в лес на несколько километров, сперва держась кровавого следа, оставленного бабируссой, а потом, потеряв его, он пошел наугад. Время от времени он останавливался и что есть мочи кричал, зовя Ван-Горна и Корнелия, но ни разу не получил ответа.

Надвигалась ночь; капитану волей-неволей пришлось повернуть назад: он боялся, что не разглядит в темноте зарубок на деревьях и заблудится так же, как и охотники. Но он не оставлял надежду увидеть Ван-Горна и Корнелия в лагере.

Каково же было его разочарование, когда, добравшись назад в лагерь, он нашел там только Ганса и Лю Ханга.

— Они заблудились, преследуя зверя. Я думаю, что они забыли отметить дорогу обратно. Но где же они теперь? Где искать их? — повторял капитан в полном отчаянии.

— Они не могут быть далеко,— успокаивал его Ганс.— Бабирусса был тяжело ранен и не мог поэтому убежать очень далеко. Не волнуйся, дядя: они возвратятся.

— Но лес необъятен. Как выбраться из него, если потерять дорогу?

— Ван-Горн — старый моряк; он всегда сумеет взять правильное направление.

— В море — да, но в этих лесных дебрях, куда и луч солнца не всегда проникает, тут кто угодно заблудится. Нам ничего другого не остается, как ждать. Ложитесь спать.

Все трое пошли на опушку леса. Они построили шалаш, скрестив несколько ветвей и перекрыв их большими листьями арека. В шалаше они устроили ложе и растянулись на нем. Но так же, как и Ван-Гори и Корнелий, в эту ночь никто из них не сомкнул глаз. Все трое были заняты своими думами: каждый строил догадки, что могло статься с охотниками, и прислушивался, не услышит ли среди ночной тишины крика или ружейного выстрела.

Часы шли за часами; Ван-Гори и Корнелий все не возвращались. Среди ночи капитану почудилось, что он слышит крики и выстрелы, но они не повторились.

На рассвете усталость взяла свое, и все трое заснули. Но им недолго удалось поспать: раздавшиеся откуда-то крики пробудили их и заставили вскочить на ноги.

Не успели они опомниться и стряхнуть с себя сон, как увидели перед собой человек сорок папуасов, вооруженных луками, палицами и копьями и разукрашенных перьями, браслетами и кольцами.

Стрелы уже свистели мимо ушей деревьями над головами наших героев.

В одно мгновение все трое — и капитан, и Ганс, и Лю Ханг — были схвачены, брошены на землю и лишены какой бы то ни было возможности сопротивляться и пустить в ход ружья. Только капитану удалось вырваться; схватив топор, лежавший около него, он бросился на нескольких папуасов и оттеснил было их на несколько шагов назад. Но тут подоспели другие папуасы, набросились на него сзади, и он снова оказался на земле, но теперь обезоруженный.

Тогда вышел вперед старый папуас, высокий и величественный. Его голова была украшена перьями райских птиц, а бока были опоясаны широким желтым поясом, концы которого падали вперед.

Он подошел к капитану и обратился к нему на малайском языке:

— Где сын мой?

— Твой сын? — переспросил Ван-Сталь.— Я не знаю, о ком ты говоришь.

— Он пришел сюда убить вождя альфуров.

— Я его не видел.

— Ты лжешь, белый человек! — вскричал дикарь.— Ты убил его!

— Повторяю тебе, что я не видел его. Почему я должен был убить его?

— Белые — наши враги.

— Я никогда не был твоим врагом.

— Ты хочешь смеяться надо мной? Берегись: ты принадлежишь мне, ты — мой раб, и я прикажу вздернуть тебя на дереве, если ты не скажешь, где мой сын.

— Ты взбесился, черный человек? — обозлился наконец капитан.— Что за басни об убитом сыне ты мне рассказываешь?

Молчать! Ты как попал в этот лес?

— Я потерпел кораблекрушение у берегов острова. Выбравшись на берег, я направился к реке Дорга, чтобы там сколотить челн и попасть к своей родине.

— Так ты не видел альфуров?

— Ни одного.

— Но что же стало с моим сыном?

— Я ничего не знаю.

— Альфуры [illegible]?

— Если бы я [illegible], они убили бы меня.

— Я тебе не [illegible] пока не отыщу моего сына.

— Как знаешь. Но я тебя предупреждаю: пусть только один волос [illegible] моих товарищей, и я убью тебя, хотя бы тысячи [illegible] потом меня живьем. Где твоя деревня?

— На берегу Дорга.

— Как раз туда я держу путь,— пробормотал капитан про себя.

Разговор с вождем, несмотря на его резкость, несколько успокоил капитана: он увидел, что по крайней мере сейчас ни ему, ни его спутникам не грозит непосредственная опасность. Тогда капитан стал раздумывать, как дать знак Ван-Горну и Корнелию о своем пленении и о том, что его ведут к берегам Дорга, ведь капитан до сих пор не терял надежды на то, что заблудившиеся охотники проберутся в конце концов к лагерю.

Капитан вынул записную книжку, написал несколько слов, вырвал листок и с помощью крепкого шипа прикрепил его к стволу дерева так, чтобы он бросался в глаза.

— Ты что там делаешь? – крикнул ему вождь.

— Это приношение моему духу-покровителю,— ответил капитан совершенно серьезно.— И советую тебе не касаться его: иначе — ты умрешь.

Папуас был так же суеверен, как и все дикари, верящие в каких-то духов смерти, моря и так далее. Расчет капитана был верен: никто не притронулся к листку бумаги. А вождь, испугавшись, как бы это приношение

не оказалось каким-нибудь могущественным заклинанием белого человека, поспешил отдать приказ о возвращении.

Весь отряд выступил в поход.

Переход по лесу был очень тяжел, особенно для белых, которым скрутили руки за спиной, отняв таким образом всякую свободу движения. Этим папуасы хотели обезопасить себя от внезапного нападения пленных, особенно во время ночлега.

На третий день утром весь отряд подошел к берегам Дорга, широкой и многоводной реки с очень быстрым течением, которая орошает западную часть острова и впадает в море у мыса Норк, прямо против архипелага Арру.

Деревня, куда пригнали капитана, Ганса и Лю Ханга, была расположена на левом берегу реки. Она тянулась вдоль берега; хижины стояли над самой водой на сваях, наподобие озерных свайных деревень далекой древности. Здесь было около шестидесяти обширных хижин, стоявших на вбитых в дно реки бамбуковых столбах; они были расположены довольно близко одна от другой и соединены между собой галереями, а все вместе сообщались с берегом при помощи нескольких мостков. Со стороны реки к сваям были привязаны пироги с полозьями наподобие тех, в которых пираты преследовали наших странников на море.

Папуасы перешли мост и вошли в деревню, встреченные восторженными криками своих сородичей.

Пленников тотчас же отвели в хижину вождя, самую обширную из всех: в ней было не меньше двадцати метров. Перед тем как попасть в деревню, всему отряду пришлось преодолеть последнее препятствие на пути: и мосты, и галереи были сложены, как и пол воздушной хижины, из редких бамбуковых планок, далеко отстоящих друг от друга. Капитан и его спутники медленно, с опаской продвигались по ним, все время боясь потерять равновесие и скатиться в воду. А дикари потешались над ними и над их неловкостью.

Вождь сам ввел пленников в хижину, расставил вокруг нее стражу и хотел удалиться. Но капитан задержал его.

— А теперь что ты думаешь делать с нами? — спросил он.

— Совет старейшин определит вашу участь. Если вы убили моего сына, вы умрете.

— Но, черт тебя возьми! — вскричал капитан.—

Я тебе не один раз уже говорил, что мы даже не видели твоего сына.

— Белые — наши враги,— с упорством дикаря повторял вождь.

— Может быть, другие белые, но я тебе не враг.

— Это все равно... Ты — белый, значит, ты враг и союзник альфуров, убивших моего сына. Я — Ури-Утаната, вождь. Берегись, белый человек!

— Я не боюсь ни тебя, ни твоих подданных.

— Посмотрим...

— Слушай, Ури-Утаната, мои товарищи на свободе, в лесу, и если ты будешь [illegible] с нами обращаться, вся твоя деревня сгорит дотла

— Мои воины сумеют защитить ее.

Капитан в приступе необузданной ярости бросился к вождю, сжимая [illegible]. Но в этот момент за стеной раздались два [illegible], сопровождаемые криками толпы.

— Выстрелы! — воскликнул Ганс.— Два выстрела! Это — Ван-Гори и Корнелий!

Вождь тотчас же бросился вон из хижины, думая, что белые, о которых говорил капитан, напали на деревню. Но каково же было его удивление, когда, выскочив из дверей, он услышал возгласы ликования своих сородичей.

То, что он увидел, еще больше поразило его. Папуас в сопровождении двух белых стремглав несся по бамбуковым мосткам к нему навстречу.

— Отец! — кричал он.

Старик, глубоко взволнованный, замер на месте. Он открыл свои объятия, чтобы принять в них сына, которого считал убитым.

— Мой сын! Ты жив! — вскричал он.

— Жив, отец. Альфуры не успели убить меня.

Потом, оглядевшись вокруг, молодой папуас добавил:

— Ведь это ты взял в плен трех белых?

— Да.

— Где они?

— Здесь, в моей хижине.

Молодой папуас подбежал к хижине и ворвался в комнату, где находились пленные. Он остановился перед ними и с жестом, не лишенным благородства, обратился к ним на малайском языке:

— Вы свободны, и с нынешнего дня вы — друзья Ури-Утаната.

— А что за двое белых там с тобой? — обратился

к молодому папуасу вождь, вошедший вслед за ним в хижину.— Ты один взял их в плен?

— Нет, отец. Они не враги: им я обязан жизнью, а эти трое — их братья.

— Значит, ты не попал в плен к альфурам?

— Я был в плену у них, и они жгли меня на костре. Я умер бы, если бы белые не вырвали меня из их рук.

Ван-Горн и Корнелий, задержавшиеся на мостках, в эту минуту показались на пороге хижины. Крики радости раздались с обеих сторон:

— Дядя!

— Корнелий!

— Ван-Горн!

— Ганс!

— Лю Ханг!

Все пятеро бросились обнимать друг друга. Тем радостнее и горячее была их встреча, что они почти потеряли надежду когда-нибудь свидеться.

— Белые люди! — торжественно произнес старый вождь, только теперь понявший, что белые — друзья, а не враги.— Мой дом, мои воины, все в вашем распоряжении. Вы спасли жизнь моему сыну! Будьте свободны и подарите нам свою дружбу.

— Отец,— обратился к вождю молодой воин,— белые люди приплыли сюда из далекой страны. Они хотят пробраться на острова Арру, а оттуда возвратиться домой. Я поеду с ними до островов, чтобы защитить их от пиратов.

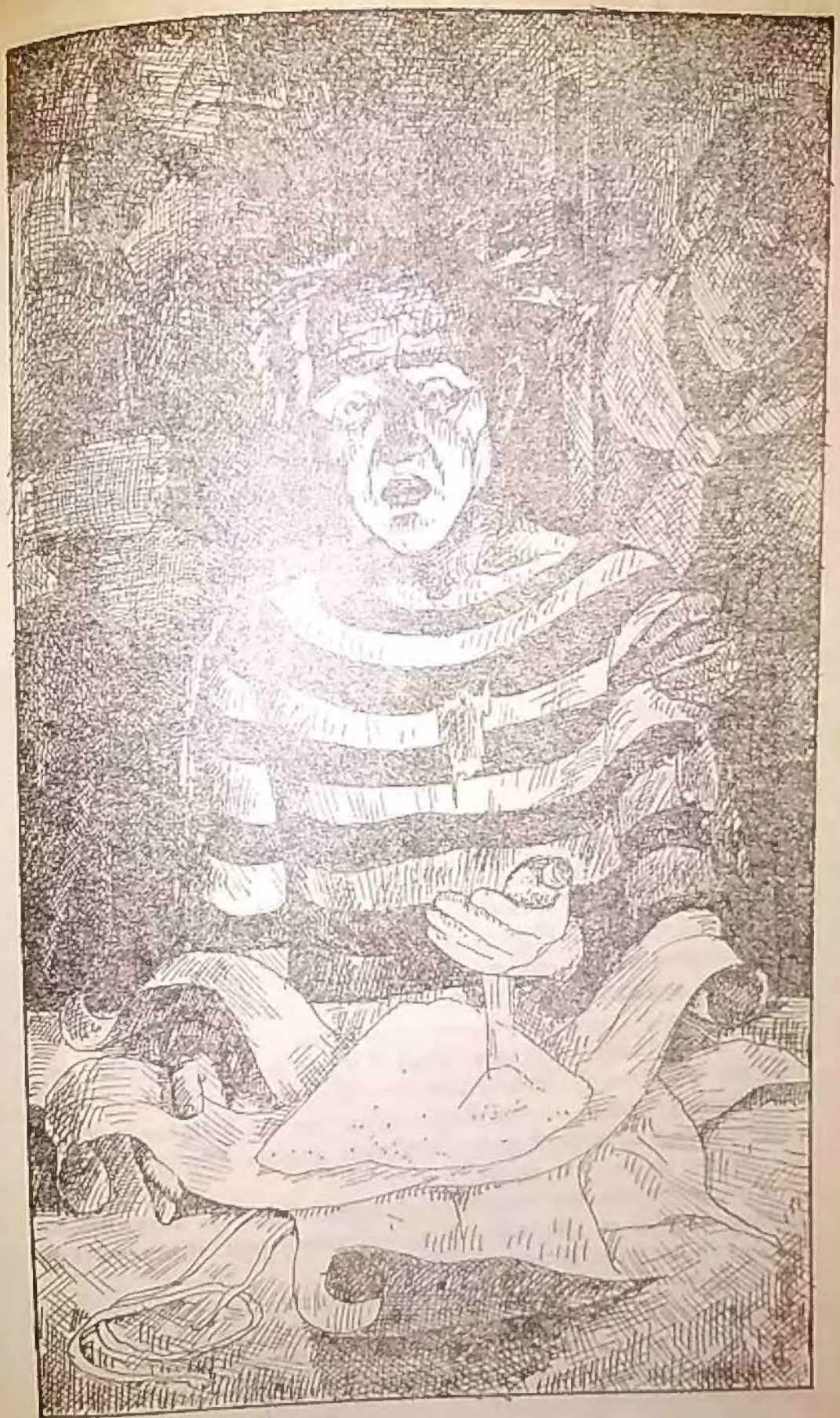
— Мой сын — храбрый воин,— ответил вождь,— пусть он проводит белых людей, которые теперь стали нашими друзьями.

— Спасибо, Ури-Утаната! — ответил капитан.— Когда я вернусь на мою родину, я всем скажу, что папуасы — хороший народ и добрые друзья белых.

ЭПИЛОГ

На следующий день наши герои покинули деревню Ури-Утаната. Вместе с ними отплывали сын вождя и двое лучших из всего племени моряков, которые должны были показать путь к островам Арру и охранять голландцев в море от нападения пиратов. Все они погрузились в предоставленную вождем лодку и пустились вниз по течению реки Дорга.

Перед отплытием лодки вождь возвратил голландцам



Развернув листья, они увидели золотой песок

их ружья и снабдил их провиантом на все время их путешествия.

Плавание до устья реки прошло без всяких происшествий, так как жившие на берегах реки племена были союзниками Ури-Утаната.

На третий день лодка обогнула мыс Уок и, взяв на юго-запад, направилась к архипелагу Арру.

Через восемь дней на горизонте открылись берега архипелага, который был образован тридцатью островками, низко лежащими и покрытыми богатой растительностью. Все эти островки не велики; только остров Трана, самый большой, имеет двадцать лье в длину и четыре или пять в ширину. Они населены папуасами и малайцами, живущими в двадцати четырех деревнях.

На этих островах нет ни одной колонии европейцев, но принадлежат они голландцам, ведущим с туземцами торговлю, покупая у них трепанга, черепах, райских птичек и разные местные продукты.

Лодка вошла в естественную гавань Дабо — самую большую и чаще всех посещаемую европейскими судами.

К великой своей радости, наши герои встретили в порту голландскую шхуну «Батанта», которой командовал старый друг Ван-Сталя.

Трудно передать, как радостно встретил их капитан шхуны. Разумеется, он предоставил свое судно в их распоряжение.

Молодой Ури-Утаната оставался еще два дня со своими спасителями. Перед тем как расстаться с ними, он велел своим матросам достать из скрытого на корме секретного ящика два тяжелых пакета, завернутых в широкие листья и перевязанных лианами.

— Я знаю,— сказал Ури-Утаната, передавая эти пакеты капитану Ван-Стало,— что белые люди ценят блестящий песок, какой часто попадается в наших реках и на берегах Дорга. Я велел набрать такого песку и прошу вас принять его от меня.

После этого он прыгнул в свою пирогу, поднял на пироге парус и отплыл, в последний раз приветствуя своих друзей — белых людей.

Капитан и его спутники не поняли сперва, о каком блестящем песке говорил Ури-Утаната; они думали, что речь идет о каком-нибудь незначительном подарке. Но каково было их удивление, когда, развернув листья, они увидели золотой песок.

В листьях было завернуто по крайней мере сорок

килограммов драгоценного песка. Подарок папуаса с избытком возмещал голландцам все их потери: и джонку, и трепанг. Только смерть несчастных малайцев ничем нельзя было возместить.

Через несколько дней «Батанта» подняла паруса и после семи дней благополучного плавания подошла к берегам Тимора.

Капитан Ван-Сталь по возвращении на остров отказался навсегда от морских приключений и вместе с Ван-Горном обосновался в фактории, где завел большое хозяйство.

Корнелий же и Ганс много лет еще провели на корабле, купленном на золото папуаса, вместе с Лю Хангом, никогда больше с ними не расстававшимся.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190